

МАС Т ЕРА
19 ОС РОСЮЖЕТНОГО
ДЕ ЕКТИВА

Бретт Холлидей
Убийство не берёт отпуска
М.: Центрполиграф, 1992

Содержание:

- Бретт Холлидей. Мертвые не целуются (роман), стр. 3-98
- Бретт Холлидей. Билеты на тот свет (роман), стр. 99-228
- Бретт Холлидей. Убийство по доверенности (роман), стр. 229-328
- Бретт Холлидей. Убийство не берет отпуска (роман), стр. 329-448
- Бретт Холлидей. Необычный круиз (роман), стр. 449-557

Бретт Холлидей

Убийство по доверенности

Глава 1

Эллен Гаррис, стоявшая перед большим зеркалом в центре изысканно обставленной спальни своей квартиры на одной из нью-йоркских улиц Ист-Сайда, медленно повернулась, чтобы окинуть последним взглядом большую красивую комнату и лишний раз удостовериться перед отъездом, что здесь все в полном порядке.

Это была высокая, великолепно сложенная женщина тридцати лет с гладкими, блестящими, золотисто-рыжими волосами, красиво завитыми на концах, и чудесным цветом лица, отличающегося точеными чертами. Широко расставленные большие синие глаза с длинными густыми ресницами, пышный чувственный рот, легко складывавшийся в улыбку, маленький твердый подбородок.

В этот момент Эллен Гаррис была совершенно обнажена.

На аккуратно застланной двуспальной кровати с краю лежал открытый чемодан, в котором любовно и тщательно были уложены вещи, необходимые для двухнедельного пребывания во Флориде, на полу стоял такой же саквояж с дорожными принадлежностями. На стуле около туалетного столика висело белье и платье, которое ей предстояло надеть в дорогу.

С удовольствием взглянув на себя в зеркало, Эллен глубоко вздохнула, но вдруг ее покрытое атласной кожей тело напряглось, когда она услышала звук ключа, поворачиваемого в замке входной двери квартиры.

Инстинктивно она босыми ногами шагнула по ковру к дверце открытого шкафа, где висел легкий пеньюар, бросив взгляд на электрические часы, стоявшие на столике,— они показывали половину двенадцатого.

Эллен так и замерла с протянутой рукой, повернув голову и прислушиваясь к тому, как открывается дверь в холле квартиры.

— Герберт? — позвала она хорошо поставленным контральто.— Это ты?

— А кого же ты ждешь в такое время дня, черт возьми? — отозвался из передней сочный голос мужчины, и за дверью раздались твердые, решительные шаги.

Эллен улыбнулась с облегчением при звуке знакомого голоса, сняла с крючка пеньюар и, небрежно прикрывшись им, повернулась к мужу.

Он остановился на пороге, любясь ее красотой,— хотя они с Эллен женаты уже год, восторг и восхищение, всегда испытываемые им при виде своей прелестной жены, ничуть не ослабевали.

Герберт был высоким, плотного сложения мужчиной лет тридцати пяти с гладким, красивым лицом, на котором выделялись большие карие глаза, поражавшие теплым, мягким взглядом. Антрацитового цвета костюм от Брукса подчеркивал его широкие плечи и узкую талию. Прищурился, он глядел на свою жену, прислонившись к косяку двери, сунув руки в карманы брюк.

— Мне кажется,— бросил он небрежно,— что, если бы это пришел не я, а кто-нибудь другой, ты бы не схватила так поспешно свой халатик.

— Ну, конечно, нет,— ответила она в тон ему,— ведь если бы какой-то другой мужчина отворил своим ключом входную дверь нашей квартиры, то он, разумеется, ожидал бы, что я уже подготовилась, как и должно быть, к его визиту...

— О, боже, до чего же ты красива, Эллен! — сказал он с полным благоговением в голосе и шагнул к ней.

— Вы и сами совсем недурны, мистер Гаррис. Но я не ждала вас раньше чем через полчаса,— призналась она.

— Я пораньше удрал из конторы. Подумал... Черт возьми, ты и сама отлично знаешь, что я подумал. Чертовски долго будет без тебя тянуться время.

Он остановился прямо перед ней, положил руки на ее обнаженные плечи, притронулся нежно к волосам, жадно заглянул ей в лицо и тяжело вздохнул.

Эллен выпустила из рук пеньюар, и он соскользнул на пол. Выпрямившись во весь рост, гордая сознанием своей красоты, широко раскрыв влажно поблескивавшие глаза, она сказала мужу:

— Я люблю тебя, дорогой. Я не хочу покидать тебя. Давай отменим мое путешествие...

Герберт медленно привлек ее к себе, впился в ее губы, она прижалась к нему обнаженным телом, стиснув руками его талию. Несколько секунд они молча покачивались посередине комнаты в страстном объятии, а потом, так и не отстраняясь друг от друга, рухнули на постель...

Минут пятнадцать спустя Герберт вышел в маленькую чистенькую кухню, примыкавшую к гостиной,— в нее был проход через альков. Жена позвала его, когда он осторожно переливал крохотную порцию вермута с мартини в шейкер, где уже лежали кубики льда.

— Сию минуту, дорогая,— откликнулся он и понес шейкер через гостиную в спальню.

На этот раз жена его была почти одета и набрасывала на себя белую прозрачную блузку, которую должна была надеть в дорогу под костюм из синего шелка.

Эллен повернулась к нему спиной, когда он вошел, помешивая содержимое шейкера стеклянной палочкой, и улыбнулась ему через плечо.

— Эти проклятые пуговички на спине, Герб, застегни их мне, пожалуйста.

Он поставил шейкер на стеклянную крышку туалетного столика и сказал:

— С удовольствием, дорогая.

Подойдя к жене, Герберт стал возиться с крохотными пуговичками, стягивая блузку на ее тонкой талии.

— Интересно,— пробормотал он, зарываясь лицом в душистые пряди ее золотистых волос,— зачем это ты одеваешь такую блузку в дорогу. Кто тебе расстегнет ее, когда приедешь на место?

— Я могу расстегнуть ее сама, глупый ты мой! Могу даже застегнуть, если очень будет нужно, хотя это действительно очень неудобно. К тому же всегда найдется кто-нибудь, кто будет рад оказать мне услугу.

— Да, да, найдется,— с легкостью поддержал он ее.— В конце концов, мужчине вовсе не обязательно быть мужем, чтобы выполнять такую обязанность.

Она вздрогнула, словно он ее ударил.

— Не говори так, Герб. Даже в шутку. Это вовсе не смешно. Ты ведь сам знаешь, что я предпочла бы остаться с тобой. Это же ты настаиваешь на моем отъезде.

— Ну вот и все.— Он застегнул последнюю пуговицу и ласково погладил ее по плечу.— Ты помнишь, что год назад, в тот день, когда мы поженились, мы договорились, что никогда не уподобимся другим супружеским парам и что, по крайней мере, раз в году будем проводить две недели вдали друг от друга. Так что поторопись, заканчивай свой туалет и выпей вместе со мной напоследок мартини.

— У нас есть еще время?

— Полным-полно. Нам нужно выехать в аэропорт не раньше чем через двадцать минут, дорогая.

Герберт принес из кухни два бокала для коктейля.

Эллен вышла из спальни как раз в тот момент, когда он наполнил оба бокала на тонких ножках прозрачной жидкостью.

— Я совершенно готова, осталось только закрыть чемодан,— сказала она, опускаясь на пуфик перед кофейным столиком, закурила ментоловую сигарету, взяла один бокал и с удовольствием глотнула коктейль.— Знаешь, Герб,— продолжала она спокойно,— я ведь вполне серьезно говорила в спальне. К черту всю эту дурацкую затею с моим путешествием в Майами. Я буду страшно тосковать все время, особенно когда подумаю о том, как ты сидишь здесь, в Нью-Йорке, и беспокоишься обо мне. И к тому же будешь придумывать всякие грязные вещи насчет меня и других мужчин. Я люблю тебя, Герб. Но если ты в этом не уверен...

Она нахмурилась, глядя на него поверх бокала.

Герберт хрипло сказал:

— Нет, уверен, Эллен, милая. Я помню об этом каждую минуту, все дни подряд. И все же считаю, что тебе необходимо поехать. И я вовсе не буду сидеть здесь и ревновать тебя. Черт побери, дорогая, если бы я не был уверен в том, что ты мне верна...

— Тогда зачем ты мне говоришь такие вещи? — рассердилась Эллен.— Насчет мужчин, которые будут расстегивать мне блузку.

Она бросила сердитый взгляд на свой бокал и одним глотком осушила его, словно бросая кому-то вызов.

Герберт снова наполнил ее бокал, потом допил свой и сказал примирительно:

— Мы с тобой разумные люди, и для нас поступить именно так — самое разумное. Отдыхай хорошенько в Майами. Поезжай в Хайали, поиграй на скачках, перепробуй все напитки у Кока и непременно поиграй в рулетку в «Коралловом Казино». И не беспокойся обо мне, со мной будет все в порядке! Весельчак Герб Гаррис! Это буду я!

Эллен отпила из своего бокала и посмотрела на него из-под опущенных ресниц. Потом на губах у нее появилась робкая улыбка.

— Я не буду беспокоиться о тебе, Герб. Я хочу, чтобы и ты хорошо провел время. Пригласи к себе ребят из конторы, поиграй в покер и не возись с квартирой, пока меня не будет. Посуду не мой... ни одной чашки, ни одного блюда. Мы с Роз провозились вчера весь день, натирая тут все до блеска. Она придет снова только через две недели в понедельник, и я велела ей, чтобы она весь день приводила все в порядок перед моим приездом. Так что ни о чем не беспокойся, дорогой. Ставь всю посуду в раковину, а уж Роз с ней справится. Обещаешь?

— Ну, конечно, обещаю,— сказал он осипшим голосом.— И ты тоже обещай мне, что повеселишься как следует в Майами. И отчаянно будешь скучать обо мне. А когда мы снова увидимся...

Душевная боль исказила лицо Герберта, когда он протянул руки жене. Она пристально посмотрела на него, не пошевелившись.

— Все будет хорошо, Герб. Я позвоню тебе в контору сегодня же вечером, как только устроюсь в отеле. Ты будешь... осторожен... правда, дорогой?

— Я буду... осторожен...

Эллен допила свой бокал и встала с пуфика, тщательно оправив юбку на бедрах.

— Ты запер мой чемодан, дорогой?

Глава 2

Прибытие красивой женщины без сопровождения мужчины в любой из десятков отелей в Майами-Бич вовсе не редкость, и обычно такое событие не привлекает особого внимания.

Но на этот раз множество голов повернулось в сторону высокой блондинки в изысканном синем шелковом костюме, появившейся здесь в четыре часа дня. Она пересекла просторный холл одного из отелей. За ней по пятам шел рассыльный, который нес чемодан и саквояж.

Это была не просто красивая женщина с фигурой, поражающей изысканностью линий. В ней было что-то совершенно необычное — гордая посадка головы, непринужденная манера держаться, поразительная грациозность каждого движения, какой-то особый магнетизм, притягивавший к ней буквально каждого мужчину, мимо которого она проходила.

Сразу чувствовалось, что она привыкла к таким взглядам мужчин. Это не было для нее новостью, и более того, она была довольна, что все взоры обращены на нее, но в то же время совершенно искренне не обращала никакого внимания на всех этих жаждущих и страждущих.

Портье отеля «Бич-Хэвен» Юстус Лоуфорд был высокий, подтянутый мужчина. При виде дамы он выпрямил и без того стройный стан, бросил быстрый взгляд на белые манжеты своей рубашки, выступающие из-под обшлага пиджака ровно на дюйм, дотронулся до аккуратно вывязанного черного галстука-бабочки и изобразил на лице приличествующую случаю улыбку.

У дамы в руках была большая, очень дорогая на вид сумка, которую она поставила на стойку, чтобы снять белые кружевные перчатки.

— У меня забронирован номер,— сказала она.— Я миссис Герберт Гаррис.

Голос у нее был низкий и чуть хриловатый, звучащий необыкновенно интимно. В широко расставленных синих глазах на миг мелькнул огонек, но ресницы тут же опустились и он погас.

— Разумеется, миссис Гаррис,— ответил портье, сам удивившись легкой дрожи в голосе.

Он стал смотреть список заранее заказанных номеров, раздосадованный самим собой и этой женщиной, которая вызвала у него такую реакцию. Когда же вновь он взглянул на нее, тон у него был очень деловой и даже сухой. Он положил перед ней регистрационную карточку и ручку.

— Номер заказан на две недели, миссис Гаррис! Вы будете здесь одна?

Она кивнула и аккуратно расписалась в карточке, склонившись над ней так низко, что от ее волос пахло тонким ароматом дорогих духов.

Не поднимая головы, она сказала своим низким голосом:

— Мой муж не смог оставить контору в это время года.

И, слабо улыбнувшись, добавила:

— К тому же он одержим этой новомодной идеей, что супругам следует проводить отпуск отдельно друг от друга. Я-то в этом вовсе не уверена...

Она помолчала и, внезапно нахмурившись, спросила:

— А вы так же считаете?

В ее вопросе звучала такая неподдельная искренность, что Юстус Лоуфорд ответил ей широкой улыбкой.

— Я холостяк, миссис Гаррис. Но если бы был женат на...— Он вовремя спохватился и не закончил фразу, но по тону его было ясно, что хотел сказать «на такой женщине, как вы».— То сам не знаю,— закончил он неловко и переключился на другое.— Мы вас поместили в триста шестой номер, миссис Гаррис. Чудесная комната с видом на океан. Я уверен, что вам будет там очень удобно.

— Я надеюсь, что мне не будет смертельно скучно,— вздохнула она.— Совсем одна, в незнакомом месте.

— Это ваш первый визит в Майами?

— Да. Я здесь ни одной души не знаю.

— Об этом можете не беспокоиться,— сказал он сердечно.— У вас очень милая хозяйка, которая позаботится о том, чтобы вы чувствовали себя не одиноко. И у нас так много возможностей поразвлечься.

— О, пожалуйста, увольте меня от вашей хозяйки и развлечений Мне нужен лишь автомобиль. Не смогу ли я арендовать машину? Может быть, вы мне поможете? Мне кажется, в моей кредитной карточке указана одна из таких компаний.

Она начала открывать сумочку, и он заметил на левой руке широко обручальное кольцо, усыпанное бриллиантами, сверкнувшими на свету.

Эллен вынула кредитную карточку и положила на стойку.

— Я сейчас же позвоню Эвису,— сказал он.— Не хотите ли воспользоваться этой карточкой для расчета с отелем? Мы могли бы включить в счет также и плату за арендованную машину.

— О, да. Это, наверное, будет проще всего. Муж всегда настаивает, чтобы я как можно чаще пользовалась карточкой. Не могли бы вы позаботиться, чтобы автомобиль прибыл сейчас же? Желательно с откидным верхом. Мне безразлично, сколько это стоит.

— Машина будет ждать вас у двери через полчаса, миссис Гаррис.

Лоуфорд повернул ее карточку.

— Когда будете уезжать, вам придется подписать всего один счет.

— Вы очень любезны.

Она взяла карточку, бросила ее в сумку и щелкнула замком.

— Будьте добры, позвоните мне в номер, когда прибудет машина. Может быть, я еще успею покататься немного, прежде чем стемнеет.

— Непременно успеете.

Он кивнул рассыльному, стоявшему позади нее с чемоданом и саквояжем.

— Проводите миссис Гаррис в номер 326.

Лоуфорд глядел вслед, пока она подходила к лифту, восхищаясь слабым движением обтянутых шелком ягодиц.

«Лакомый кусочек,— подумал он про себя.— Господи, уж если бы я был женат на такой дамочке...»

Но тут же прервал свои мысли с выражением почтительной готовности и повернулся к толстой леди, которая нетерпеливо спрашивала:

— Я могу, наконец, получить свои ключи, молодой человек?

Рассыльный почтительно дождался в лифте, пока дама выйдет в коридор, и сказал:

— Налево, мэм.

— Показывайте дорогу.— сказала Эллен, бросив искоса взгляд на высокого парня с черными стриженными волосами.

Она пошла вслед за ним по коридору, устланному ковром, и мысленно оценивала его стройную, подтянутую фигуру в отлично пригнанной ливрее цвета мореного дуба с желтыми погонами и золотыми галунами на рукавах.

Рассыльный остановился перед табличкой 326, отпер дверь и, войдя в номер, придержал ее.

Эллен прошла мимо него гораздо ближе, чем было необходимо, прикоснувшись к нему округлым бедром и плечом. Очутившись в большой красивой комнате с двумя широкими окнами, за которыми открывался вид на беспредельную синеву Атлантического океана, спросила:

— Как вас зовут?

Голос у нее был хриловатый, волнующий.

— Билл Томпсон, мэм. Вот здесь — кондиционер. В углу телевизор...

Ее улыбка стала широкой, дразнящей.

— Вы чересчур молоды для такой работы в отеле, Билл, правда? Вы больше похожи на футболиста из хорошего колледжа, на мой взгляд.

— Ну, я учусь на последнем курсе в университете. Работаю здесь не полный день. Я проверю полотенце...

Он отвел от ее лица чуть смущенный взгляд и прошел в комнату, где находилась ванна.

Когда через минуту он вышел из ванной, она стояла рядом с кроватями и на лице ее была злость.

— Какого дьявола мне дали номер с двумя кроватями? Я люблю спать в двухспальной кровати. А вы нет, Билл?

— Ну... я никогда... над этим особенно не задумывался...

Она повернулась к нему и чуть улыбнулась.

— Еще будете задумываться, и очень скоро. У вас нет подружки, Билл?

— Да, нет... по-настоящему никого нет.

Он снова покраснел, от смущения разглядывая собственные руки. Как она на него смотрит! Между ними было не менее десяти футов, но ему казалось, что он ощущает, как ее теплое тело прижимается к нему. Он пробормотал, не поднимая глаз:

— Если вам больше ничего не нужно, мэм...— и повернулся к открытой двери.

Она успела опередить его и спокойно прикрыла дверь.

— А если мне потребуется кое-что еще?

— Ну, я... я должен предоставить вам все, что пожелаете...

— Решительно все?

— Ну, конечно. То есть...

Эллен тихо рассмеялась.

— Вы краснеете. Не бойтесь, Билл. Я не собираюсь соблазнять вас. По крайней мере, не в пять часов дня при ярком солнечном свете. К тому же вы на дежурстве. Если вы слишком долго будете в номере дамы, вас могут в чем-то заподозрить.

— Да, мэм,— сказал он с отчаянием.— Конечно, заподозрят.

— Но одну вещь вы можете для меня сделать,— продолжала она игриво.— Это открыть чемодан. У него ужасно тугие замки.

Он поспешно взял чемодан и откинул крышку.

Она подошла к нему ближе, открыла сумочку и вынула деньги. Он увидел, что это пятидолларовая бумажка, и, когда она вложила ему в руки, их пальцы соприкоснулись.

— Вы не ошиблись, мэм? Вам нет необходимости делать это.

Она радостно рассмеялась, видя его смущение.

— Это всего лишь деньги, Билл. Я просто набита ими и должна их потратить на развлечения за эти две недели. Как вы думаете, мне удастся здесь развлечься как следует? — спросила она чуть печально.— Или вы находите, что я слишком стара и мне просто глупо надеяться на это?

— Нисколько вы не стары,— сказал он искренне, с трудом проглотив слюну.— Вы... ну...

— Что я, Билл?

Она подошла к нему совсем близко, и сердце его бешено застучало, когда он вдохнул смешанный аромат дорогих духов и запах женского тела, исходившие от нее.

Он посмотрел на свои пальцы, нервно теребившие пятидолларовую бумажку, и сказал тихим, испуганным голосом:

— Вы очень красивая.

Эллен отступила на шаг и сказала весело:

— А, ерунда. Вы, наверное, это всем женщинам говорите... просто в расчете, что они дадут вам хорошие чаевые.

«Она издевается надо мной, черт возьми!» — Билл сжал свои большие руки в кулаки и, не глядя на нее, бросил на пол деньги.

Он повернулся к ней спиной, подошел к двери и сердито распахнул ее.

Его остановил тихий низкий голос.

— Не уходите таким сердитым, Билл. Когда... у вас кончается дежурство?

— Ночью... в двенадцать часов.

Она подошла к нему сзади и встала совсем близко, но он не двинулся с места и по-прежнему стоял на пороге.

Голос ее прозвучал тихо и интимно под самым ухом:

— У меня такое чувство, Билл, что как раз к полуночи мне особенно будет одиноко. Если вам захочется пропустить рюмочку, почему бы не постучаться ко мне в дверь?

— Я... мэм... подумаю.

Захлопнув за собой дверь, он выскочил в коридор, лицо его пылало. Билл понимал, что ему следует бежать отсюда со всех ног, но в глубине души нисколько не сомневался в том, что непременно постучится к ней в номер, как только кончит дежурство сегодня ночью.

Эллен радостно улыбнулась, когда закрылась дверь, и, тихонько напевая, посмотрела на свои часики. Она обещала Гербу, что позвонит ему в контору из Майами, как только устроится в отеле. Он еще не ушел из офиса.

Она уселась перед телефоном, подняла трубку и сказала телефонистке:

— Я хотела бы заказать личный разговор с моим мужем в Нью-Йорке — мистером Гербертом Гаррисом.

Она назвала номер телефона конторы и стала ждать.

Вскоре в трубке послышался голос Герберта:

— Алло! Это ты, Эллен?

— Герб? — Она говорила легко и радостно. — Как ты там, дорогой?

— Отлично! Великолепно! У вас там, на юге, все в порядке?

— Чудесно, милый. Солнце сияет, океан синееет, отель — просто прелесть. Долетела я тоже чудесно. И я скучаю по тебе, Герб.

— Но не так сильно, как я по тебе.

— Ты уж как-нибудь потерпи,— сказала она игриво.— Я собираюсь нанять машину. Собственно, она может уже в любой момент очутиться у двери отеля. Я хочу немного покататься, пока не стемнеет. Рассчитываться за отель, за аренду машины и вообще за все я буду по кредитной карточке, Герб? Правильно?

— Ну, конечно.

Его голос звучал успокаивающе.

— Для этого и есть кредитные карточки.

И, помолчав, сказал:

— Я люблю тебя.

— О, Герб, милый. Я тоже люблю тебя, очень!

Она с минуту поколебалась, но потом неожиданно добавила:

— Здесь такие забавные рассылные в этом отеле. Настоящие члены футбольной команды колледжа на вид. Тебе стоило бы поглядеть на того, который провожал меня в номер. Не думаю, чтобы я здесь была так уж одинока.

— Эй, послушай-ка!

Голос его зазвучал резко и повелительно. Но он тут же издал смешок:

— А, ладно, развлекайся. Позвонишь мне снова через пару дней, хорошо?

— Ну, конечно, милый. И ты тоже не скучай, доброй ночи!

Герберт Гаррис откликнулся ответным «Доброй ночи», и разговор окончился.

Эллен положила трубку, встала, потянулась, заводя руки за спину, глубоко вздохнула и подошла к окнам, выходившим на восток. А потом долго смотрела на океан.

Наконец, поевшись, отвернулась от окна. Сбросила юбку и наклонилась над открытым чемоданом. Выбрала вечернее платье с низким вырезом из блестящего красного шелка.

Десять минут спустя, когда зазвонил телефон, она вышла из ванной с помадой в руках. Подняла трубку и услышала голос швейцара, сообщавшего, что заказанный ею автомобиль ожидает у подъезда.

Поблагодарив, она сказала, что сейчас же спустится вниз.

Юстус Лоуфорд, по-прежнему стоявший за стойкой портье, оценивающим взглядом посмотрел ей вслед, когда она вышла из лифта и направилась к вращающейся двери отеля.

«Вечернее платье,— решил он,— выглядит на ней еще лучше, чем дорожный костюм». И тут же представил ее в одной только прозрачно белой нейлоновой ночной сорочке и даже закрыл глаза от восторга.

Швейцар в роскошной униформе приветствовал ее ослепительно улыбкой, когда она подошла к нему и сказала:

— Я — миссис Гаррис из номера 326. Моя машина здесь?

— Да, миссис Гаррис.

Он протянул ей ключи и провел к машине кремового цвета с откидным верхом марки «Понтиак». Открыл правую дверцу, и она скользнула к рулю, спросив:

— В отеле имеется гараж?

— Бесплатная стоянка находится за углом на противоположной стороне улицы, мадам.

Он кивнул на указатель.

— Вы можете оставить машину у двери, чтобы я отогнал ее на стоянку, или сами поставьте ее туда и возьмите, когда пожелаете. Все бесплатно. Только если оставите машину на стоянке, заберите с собой ключи, там ночью нет сторожа, мадам.

Она поблагодарила его, вставила ключ в зажигание, мотор мягко заурчал, и машина плавно тронулась с места.

В семь часов вечера в баре отеля «Бич-Хэвен» дежурил только один бармен. Первый поток посетителей уже схлынул, и сейчас здесь находилось всего несколько человек у самой стойки, было занято две-три кабины да за маленькими столиками сидели парочки, которые хотели пропустить еще по стаканчику, прежде чем отправиться ужинать в ресторан.

Бармена звали Крошкой — ростом он был в шесть футов и четырех футов в талии. Он носил накрахмаленный воротничок двадцатого размера и весил чуть больше трехсот фунтов. Несколько лет назад он был профессиональным борцом, но потом решил, что содержать бар не так рискованно для жизни и куда интереснее. Особенно в таком месте, как коктейль-холл «Бич-Хэвена».

Вот и сегодня посмотреть хотя бы на шикарную блондинку, которая входит в слабо освещенный коктейль-холл через дверь, ведущую прямо к стоянке.

Новенькая, без сомнений, и ей-богу, настоящая милочка. И какое очаровательное вечернее платье из такого яркого шелка! В ней было что-то необычное, манера держаться, наверное, и элегантность. Она шла гордо и уверенно, неторопливо окидывая взглядом бар.

Сначала внимательно посмотрела на пустые кабинки и столики, потом на целый ряд незанятых табуретов перед стойкой и, наконец, на лицо Крошки, который не сводил с нее глаз. И так улыбнулась ему, словно узнала, хотя никогда раньше он не встречал этой женщины. Легко и грациозно она прошла через зал и остановилась прямо перед Крошкой.

— Нет ли у вас такого правила, что дама без кавалера не может находиться в баре?

— Нет, конечно, нет. Чувствуйте себя, как дома.

Она уверенно и изящно села на табурет, уперлась локтями в стойку и, сняв белые перчатки, подперла подбородок руками.

— Я часто думаю, почему в некоторых заведениях считается приличным сидеть одной даме, а в баре — нет? — сказала она.

— В Майами на это никто не обращает внимания. Здесь все так прекрасно и просто. Вы первый раз отправились в путешествие?

— Да.

Она чуть слышно вздохнула, подняла длинные ресницы, отчего большие синие глаза стали еще больше, и посмотрела на него вопросительно.

— Как, по-вашему, что мне выпить?

— Ну, все зависит от вкуса.

— Я вообще-то дома пью очень мало. Мой муж не одобряет, если я пью. Но сегодня мне очень хочется выпить, чтобы расслабиться... что ли... Не по-настоящему, но все-таки... — И с некоторым вызовом в голосе добавила: — А почему бы и нет, собственно?

— Никаких причин нет отказываться, леди. Вы только заикнитесь, что вам угодно.

— Дайкири?

Она очаровательно вздернула голову.

— Вы ведь его готовите с ромом?

— Совершенно верно. Сию минуту будет готов вам дайкири.

Крошка повернулся, взял бутылку «Бакарди», кинул в серебряный шейкер лед и налил лимонный сок.

Она достала сигарету, сунула в рот. Потом стала рыться в сумочке, как вдруг рядом с ней раздался приятный мужской голос:

— Разрешите?

Щелкнула зажигалка, и к ее сигарете протянулся огонек. Она бросила взгляд в зеркало за стойкой бара и увидела худощавое лицо сильно загорелого, черноволосого мужчины с белозубой улыбкой. Она слегка повернула голову так, чтобы кончик сигареты коснулся язычка пламени. Выдохнув клуб дыма, вежливо произнесла:

— Спасибо.

Он также вежливо ответил:

— Пожалуйста, — и опустился на табурет рядом с ней, улыбнувшись еще шире.

Она мягко опустила ресницы и щелкнула замком сумочки. Крошка поставил перед ней на бумажной салфетке высокий бокал на тонкой ножке. Мужчина, сидящий рядом, сказал:

— Бурбон и воду, пожалуйста, Крошка.

— Сию минуту, — почтительно отозвался бармен.

Она спросила с удивлением:

— Вы назвали его Крошкой?

Он усмехнулся и ответил:

— Ну да, как раз потому, что он вовсе и не Крошка.

— Понимаю, — сказала она и слегка отхлебнула из бокала. — Восхитительно, — обратилась к Крошке. — Как раз то, что мне необходимо.

— Чтобы избавиться от чего-то? — с интересом спросил мужчина.

— От того, что тяготило меня. Какое-то странное чувство... одиночество, что ли... когда не знаешь, что тебе дальше делать...

— Почему бы вам просто не развлечься немного? Ведь именно этим и знаменит Майами.

— Мне бы очень этого хотелось.

Было что-то безыскусное в тоне, которым она произнесла эти слова.

— Но только не уверена, что знаю, как это делается.

Она снова глотнула из своего бокала.

— И надеюсь, что вот это мне поможет.

— Быть может, я тоже сумею помочь, — предложил он, — мне бы не хотелось казаться назойливым... Меня зовут Джин Блэйк.

— Я вовсе не считаю, что вы назойливы. Мое имя — Эллен Гаррис. Миссис Герберт Гаррис, — торопливо добавила она.

Он допил свой бокал, поставил его на стойку, задумчиво повертев в руках.

— Ну, а где же сегодня вечером сам Герберт? — спокойно спросил Джин, не глядя на нее.

— В Нью-Йорке, — с чуть заметным вызовом ответила она. — Он считает, что мужа и жены должны время от времени ненадолго расставаться.

— Я с ним согласен, — сказал Джин. — Особенно, когда речь идет о такой жене, как вы. Я решительно одобряю Герберта. Почему бы вам не допить свой дайкири до конца... Эллен?

— Пожалуй, так будет лучше. Сперва допью, а потом, сбегу, как сумасшедшая.

— Куда же вы сбежите?

— Подальше от вас.

— Обратю к Герберту?

— О, нет. Этого я сделать не могу. Целых две недели, по крайней мере.

— Две недели? — Он внимательно посмотрел ей в лицо. — Кажется, когда-то была такая книжка — «Три недели» Элиноры Глинн, если не ошибаюсь, не так ли?

— Не помню. А почему вы спросили?

— Еще две порции, пожалуйста, — сказал Джин Крошке. — Да просто меня вдруг осенило, — он повернулся к Эллен, — что мы могли бы успеть ничуть не меньше за эти две недели, чем герой той книги за три. Если, конечно, примем такое решение.

— Успеть... что именно? — спросила она, прищурив глаза и поджав нижнюю губу, словно вовсе ее не беспокоит оборот, который начинает принимать их разговор.

— Позабавиться, — сказал он. — Ведь вы сюда приехали именно для того, чтобы предаться простым, бесхитростным развлечениям, не так ли?

Крошка поставил перед ними два бокала, Джин взял бумажник и сказал:

— Один чек, пожалуйста, Крошка.

— О, нет. Вы не должны это делать. Я в состоянии сама заплатить за себя и за вас тоже. Мне так хочется, дайте, пожалуйста, чек, — настойчиво сказала она и повелительным жестом протянула к Крошке руку.

Секунду поколебавшись, он отдал чек, метнув при этом взгляд на Блэйка.

— И карандаш, пожалуйста. Это ведь мой отель,— объяснила она Блэйку.— Я буду чувствовать себя лучше, если сама подпишу чек. Я уверена, что и Герберту будет лучше, если я поступлю именно так.

Она взяла у Крошки карандаш и аккуратно подписала чек: «М-с Герберт Гаррис, комната 326». Затем одним глотком выпила половину содержимого бокала.

— Я буду чувствовать себя очень неловко, если разрешу вам уплатить за меня,— объяснила она.— Вы ведь понимаете меня, правда? И вы, Крошка, вы тоже понимаете, что я имею в виду?

— Ну, конечно, мэ... я так полагаю.

Крошка зажал подписанный чек между большим и указательным пальцами.

— В следующий раз,— сказала она,— в вашем отеле... вы сможете подписать счет сами.

Она допила дайкири и поставила бокал на стойку.

— Ведь так будет только справедливо, не правда ли? Ну, где же здесь игорные заведения, где ночные клубы, где бурлит веселье? — с улыбкой спросила она.— Пока что не вижу особой разницы между Майами-Бич и Парк-авеню.

— Вы хотите испытать счастье в игре?

— Мне хотелось бы поиграть немного. Нет, пожалуй, сыграть по-настоящему. Вы знаете, куда можно отправиться?

— Я знаю решительно все в Майами-Бич,— ответил Джин Блэйк.

Он бросил полдоллара чаевых на стойку возле своего бокала.

— Вся беда в том, что моя машина в гараже, на ремонте, так что нам придется взять такси.

Джин поднялся с табурета, не обратив никакого внимания на полувосхищенный, полуобвиняющий взгляд Крошки, и твердо положил руку на ее гладкое, округлое предплечье.

Она ласково улыбнулась бармену.

— Доброй ночи, Крошка. О'ревуар. Или как вам больше нравится.

И, соскользнув с табурета, обратилась к Джину Блэйку, стоявшему теперь совсем рядом с ней:

— Такси нам не понадобится. У меня есть машина. Аккуратный маленький спортивный автомобиль. Я наняла его на эти две недели.

Крошка завистливо улыбнулся, глядя им вслед, пока они шли к двери, выходящей на стоянку.

«Этот самый Джин,— рассердился он,— неплохо обтяпал дельце, ей-богу. И что за лакомый кусочек! Набита деньгами и сексапильна... И к тому же еще этот кретин-муженек, который оплачивает все счета и сидит себе далеко в Нью-Йорке! Впрочем, ему тоже не так-то плохо! Крошка слышал, как она сказала Джину, что ее муж считает необходимым на время расставаться. Вот уж наверняка мистер Герберт Гаррис и сам имеет такой же лакомый кусочек, с которым сегодня же ночью завалится в постель, пока его жена резвится в Майами. Так в чем же дело? Почему бы и ей самой не провести время с Джином? Интересно,— подумал он,— когда миссис Гаррис снова появится у него в баре?»

Глава 3

Марта Хейз не могла пожаловаться на свою работу, служила горничной в «Бич-Хэвен». Вот уже полгода она работала на третьем этаже, но нисколько не устала от однообразия своих обязанностей. Наоборот, многое ей было интересным.

Клиенты менялись постоянно. Приезжали и уезжали богачи с Севера. Обычно они жили недели две-три, а значит, достаточно долго, чтобы привыкнуть к тому, что каждое утро приветливая, ловкая девушка убирает их номера. К тому же она всегда с готовностью выполняла маленькие просьбы, чтобы сделать их пребывание в отеле удобным и приятным. Почти все гости были очень милы и оставляли при отъезде внушительные чаевые.

Чаще всего это был чек, который она находила на туалетном столике, а иногда даже и кое-что из одежды. Ведь обычно у проживающих на побережье чемоданы разбухали от покупок, сделанных на Линкольн-роуд, и то, что они привезли с собой, не помещалось обратно.

Марта всегда с чувством особого волнения и любопытства отпирала дверь опустевшего номера и с интересом приступала к его осмотру.

За эти полгода Марта успела узнать, что многое можно рассказать о тех, кто здесь жил, уже по одному взгляду на то, как разложены их вещи, в каком состоянии осталась ванная комната после утреннего душа и по другим подобным мелочам.

Больше всего ей нравилось обслуживать одиноких мужчин, но такие бывали в отеле «Бич-Хэвен» редко. Неплохо было иметь дело с неженатыми парочками, которые останавливались здесь довольно часто. В большинстве случаев она сразу же угадывала, что они не женаты. Но иногда через несколько дней после того, как не раз уже успевала убрать их номер.

Лучше всех были очень богатые мужчины средних лет, приезжающие вместе с молодыми женщинами. Такие парочки давали на чай больше всех. Мужчины всегда чувствовали себя счастливыми и виноватыми и старались произвести впечатление на свою молодую спутницу, а женщины, сознавая, что все это вот-вот кончится навсегда, швыряли их деньгами направо и налево, получая от этого особое удовольствие.

Самыми бедными были одинокие женщины, которые приезжали на побережье, чтобы провести в непривычно шикарном отеле две-три недели. Многие из них сэкономили целый год, чтобы позволить себе такое путешествие. Они приезжали с розовой мечтой о знакомстве с каким-нибудь богачом, привлекательным и свободным мужчиной, роман с которым мог бы ненароком завершиться браком.

В конце концов они, как правило, уезжали разочарованными и вовсе не намеревались тратить много денег на чаевые гостиничной прислуге.

Стучась в то утро в дверь номера 326, Марта уже знала, что новая обительница апартаментов — замужняя леди миссис Гаррис, прибывшая из Нью-Йорка и намеревающаяся пробыть в отеле две недели. Такую информацию давала обычно администрация всем горничным относительно вновь прибывших гостей.

Когда Марта вошла в номер, было начало двенадцатого. Стучась в дверь, она одновременно вставила ключ в замочную скважину. Вполне возможно, что в свое первое утро на Майами-Бич миссис Гаррис поторопилась покинуть номер.

Войдя в номер, Марта немного удивилась, когда увидела, что ни в одной из двух стоявших здесь кроватей никто ночью не спал.

Но Марту это вполне устраивало, так как избавляло от некоторой части работы. И вообще, если миссис Гаррис начала с того, что первую ночь провела не у себя в номере, то вполне возможно, она не из тех обиженных жизнью скупердяек, которые две недели спустя возвращаются в Нью-Йорк с сознанием того, что они зря потратили деньги.

Марта постояла на пороге и окинула комнату опытным взглядом. На постель никто даже не присел. На подставке стоял открытый чемодан, но миссис Гаррис, как видно, даже не потрудилась распаковать его до конца. Вещи были сбиты в сторону, и Марта решила, что миссис Гаррис, наверное, достала оттуда вечернее платье, прежде чем уйти из номера вчера вечером. Возле чемодана на полу стоял нераскрытый саквояж, а на туалетном столике не было никаких флаконов.

На одной постели лежал синий шелковый жакетик, а на полу около ванны валялась небрежно брошенная юбка от дорожного костюма.

Окна была закрыты, кондиционер не включен. Около двери, ведущей в ванну, валялись также подошвами вверх красивые домашние остроносые туфли синего цвета.

Марта с порога сумела разглядеть: никаких других признаков того, что миссис Гаррис вообще побывала в своем номере, не было.

Марта оставила тележку со щетками, губками, тряпками и свежим постельным бельем в коридоре и прошла прямо к ванной комнате. Наклонилась, подняла синие туфельки, ласково провела по ним рукой, ощущая мягкость кожи и тонкость выделки и мысленно рисуя себе маленькую ножку с высоким подъемом, которая так небрежно отшвырнула их в сторону.

Она подобрала синий жакетик и юбку и аккуратно повесила их в стенной шкаф, туда же отнесла и туфельки.

В ванной комнате на полу валялась скомканная белая блузка из тонкого шелка. Купальная простыня была совершенно сырой, кусок мыла, вынутый из фирменной обертки, лежал в мывальнице.

Марта тщательно прибрала ванную комнату, подняла с пола блузу и повесила ее на крючок в стенном шкафу, потом взяла со своей тележки тряпку и минуты три полировала телефонный аппарат и находившуюся рядом пепельницу, в которой был сигаретный пепел. Затем принялась за остальную мебель в номере.

В ванной комнате она сменила полотенце и купальную простыню и заперла за собой дверь номера 326, не позже чем через десять минут после того, как постучалась туда. Марта с любопытством подумала, где же все-таки миссис Гаррис провела ночь, и без всякой зависти решила, что она была для нее приятной.

Потом она вошла в соседний, 328, номер, который занимали молодожены из Балтимора — они проводили в Майами свой медовый месяц, — и нашла здесь уже ставший для нее привычным беспорядок. И хотя они всегда оставляли ей много уборки, она ничуть не сердилась, потому что это были милые молодые люди, страстно влюбленные друг в друга и не обращающие внимания ни на что вокруг. Марта с удовольствием прибрала их номер, хотя была совершенно уверена, что чаевых ей эти милые люди оставят не больше доллара.

Больше она не вспоминала о миссис Гаррис и ее номере до тех пор, пока в два часа дня не дала краткий отчет о дежурстве экономке отеля — таковы были правила, установленные администрацией.

В пять часов того же дня Роберт Мерилл, старший детектив отеля «Бич-Хэвен», прочел в отчете горничной Марты Хейз о том, что номером 326 миссис Гаррис ночью не воспользовалась. Отчет состоял всего лишь из нескольких машинописных строчек в конце двух страниц, заполненных подобными же рапортами. Почти все пункты этого отчета важны для администрации отеля и не вызывали никакого особого беспокойства. На Роберта Мерилла также возлагалась обязанность каждый день внимательно прочитывать такой сводный отчет и взвешивать каждый его пункт.

Вообще-то его мало трогало, как и администрацию отеля, кто там с кем спит и что за бешеные оргии устраиваются иногда в номерах, до тех пор, пока репутация отеля и спокойствие других гостей не оказывались под угрозой. И, конечно, до тех пор, пока кредитоспособность клиента не вызывала никаких сомнений. Вот это как раз и была самая важная обязанность детектива Мерилла.

Ему платили за то, чтобы он был всегда начеку и не давал возможности слишком уж бесцеремонно надуть и обкрадывать «Бич-Хэвен» при отъезде.

И потому стоило произойти какому-то мало-мальски значительному событию, как отчет служащих отеля об этом оказывался на столе у Мерилла.

Очень немного гостей отеля догадываются о том, под каким неусыпным контролем находятся они постоянно. Если бы им стало об этом известно, они отчаянно протестовали бы против этого нарушения права на личную жизнь. Но все равно и эти протесты им бы не помогли.

Если во время пребывания в отеле они вели себя разумно и прилично и полностью оплачивали счета, то получали отметку «превосход», и когда им захотелось бы остановиться здесь снова, их принимали бы с распростертыми объятиями.

Поэтому, когда Роберт Мерилл узнал, что горничная третьего этажа заметила, что миссис Гаррис из Нью-Йорка предыдущую ночь провела вне отеля, он не особенно этим заинтересовался. Это обстоятельство следовало проверить, но и только, волноваться здесь не из-за чего. Миссис Гаррис могла не ночевать в своем номере по тысяче самых разных причин, и уж, во всяком случае, она вовсе не обязана ставить администрацию в известность о своих намерениях и планах.

Единственное, что интересовало в данном случае Мерилла,— собирается ли клиентка платить за номер, который не занимала ночью.

Мерилл велел принести ему регистрационную карточку Эллен Гаррис вместе с ее счетом на сегодняшний день.

Прежде чем обратиться к счету, он внимательно изучил различные пометки на ее карточке.

Номер был забронирован за дамой согласно письму ее супруга, присланного из Нью-Йорка за десять дней до прибытия миссис Гаррис. Плата за номер 326 составляла 18 долларов в сутки. Муж имел в Нью-Йорке маклерскую контору, об этом можно было судить по указанному на конверте адресу, и такая контора на самом деле существовала. Портье, в дежурство которого прибыла миссис Гаррис, сделал в карточке пометку, что внешний вид и багаж миссис Гаррис сомнений не вызывают. Оплата за счета гарантировалась кредитной карточкой «карт-бланш», выданной на имя миссис Гаррис. Она наняла автомобиль спортивного типа в фирме Эвис, который уже доставлен ей.

Здесь не о чем беспокоиться. Мериллу было совершенно безразлично, проведет ли она хотя бы одну из четырнадцати ночей в своем номере до тех пор, пока оплата за номер гарантируется.

Он бросил мимолетный взгляд на выписанный в первый день счет, чтобы посмотреть, нет ли там чего-то необычного. Личный звонок мужу, находящемуся в Нью-Йорке,— сразу же после приезда. Счет из бара за четыре коктейля — чуть позже вечером. Все.

Роберт Мерилл пожал плечами, поставил соответствующую пометку против сообщения Марты и перешел к следующему пункту рапорта. Из него он узнал с исчерпывающими подробностями, что один из самых дорогих номеров отеля занимает в настоящее время гомосексуалист, который, как имеют основания подозревать дежурные по этажу, затаскивает в свои апартаменты юношей с тем, чтобы потом шантажировать их. Вот тут уж требовалось самое пристальное внимание Мерилла. необходимо было выработать надежный план действий. Миссис Гаррис была сразу же забыта.

Глава 4

Рассвет едва начал заниматься над Атлантическим океаном, когда ранним субботним утром темно-синий «бьюик» модели 1962 года с нью-йоркским номерным знаком остановился перед отелем «Бич-Хэвен». На водительском месте находился Герберт Гаррис, больше в машине никого не было. Он медленно выбрался из машины, потянулся и сладко зевнул, потом открыл заднюю дверцу и вынул маленький саквояж.

Его светло-серый костюм был измят, спереди засыпан пеплом, лицо покрылось щетиной, под воспаленными глазами обозначились синие круги. Он не ложился спать с прошлого утра, всю ночь провел за рулем. Но сейчас расправил плечи, глубоко вдохнул свежий, прохладный воздух Майами-Бич, твердым шагом обошел машину и толкнул вращающуюся дверь отеля.

Вестибюль был пуст, если не считать дремавшего за своей стойкой ночного портье.

Он был не молод и совершенно лыс, нахмуренное лицо его выразило явное недоумение, когда увидел шедшего к нему через вестибюль мужчину. В этот глухой час в Майами-Бич не прибывали ни самолеты, ни автобусы, а в отель, подобный «Бич-Хэвену», не так уж часто заглядывали случайные гости.

Гаррис поставил на пол свой саквояж, провел тыльной стороной ладони по колючему подбородку, ощутив на себе неодобрительный взгляд портье. Голос его звучал более резко, чем обычно:

— У вас должна была остановиться некая миссис Герберт Гаррис. В каком она номере?

— Миссис Герберт Гаррис! — Это имя эхом отозвалось в мозгу у портье.

Что-то сообщалось служащими об этой леди. Но сейчас он не мог припомнить в точности, что именно. Ничего такого особенного, подумал он, но все же их всех предупредили, чтобы они были начеку.

Он переспросил:

— Миссис Гаррис? — и на всякий случай нажал кнопку под стойкой, чтобы уведомить дежурного детектива.— Сейчас посмотрю,— сказал он глубокомысленно и повернулся спиной к Гаррису, чтобы прочитать список гостей отеля.

Медленно проведя по нему пальцем, он не торопился с ответом, пока не услышал за спиной тяжелые шаги. Только тогда он повернулся к посетителю и сказал:

— Да, у нас есть такая дама, миссис Герберт Гаррис.

Он мрачно произнес имя погромче, чтобы подошедший детектив расслышал его.

В субботу утром в отеле дежурил Эд Джонсон. Ночь прошла спокойно, и ему удалось немного поспать. Проснулся только тогда, когда позвонил портье. Это был крупный мужчина с открытым лицом и свободными манерами, не слишком обремененный интеллектом, но дело свое он знал хорошо. Джонсон остановился рядом с Гербертом, щуря глаза после сна и внимательно рассматривая ньюйоркца.

Гаррис не обратил на него внимания.

— В каком номере она остановилась? — спросил он нетерпеливо.

Портье слегка поднял плечи и посмотрел на Джонсона. Тот спросил:

— Одну минутку, сэр, не можете ли вы объяснить, зачем вам потребовался номер ее комнаты?

Гаррис сердито качнул головой и, сощурив глаза, резко ответил назойливому человеку:

— Кто вы такой, черт побери? И какое вам дело до того, зачем мне номер моей жены?

— Я детектив отеля,— представился Джонсон.— Вы говорите, что вы мистер Гаррис?

— Да! Черт побери! Я мистер Гаррис.

— Нет никаких причин так нервничать, мистер Гаррис,— спокойно сказал Джонсон.— Охранять покой наших клиентов — это моя обязанность. Миссис Гаррис ждет вас?

— Нет.

Гаррис помолчал, пытаясь подавить раздражение.

— Послушайте, я провел за рулем всю ночь. Я устал и хочу спать, мне необходимо принять душ и побриться, да и выпить что-нибудь. Ну, а теперь, ради всего святого, могу я узнать, в каком номере остановилась моя жена?

Выражение лица Джонсона не изменилось ничуть.

— У вас нет при себе никакого удостоверения? — спросил он.

— У меня есть какие угодно удостоверения! — взорвался Гаррис. — Но с чего это я стану их вам показывать? Почему вы решили...

— Если вы на самом деле муж этой леди, то вам нечего беспокоиться, и вы можете показать мне документы. Неужели вы хотите, чтобы мы направили в такую рань незнакомого человека в номер вашей супруги только потому, что он поинтересовался, в каком номере она живет? Вы же сами понимаете, что нам необходимо соблюдать предосторожности.

— Ну, я полагаю... В этом, конечно, есть своя логика.

Гаррис вынул бумажник и достал из него несколько карточек, разложив их веером на стойке перед детективом.

— Достаточно ли будет этих удостоверений?

Это были карточки клуба, кредитная карточка «Стандарт ойл», визитная карточка с адресом его конторы. Несмотря на то, что он решил сдерживаться, в голосе его прозвучала изрядная доля сарказма.

— Все в порядке, — сказал детектив. — Я не хотел вас обидеть, мистер Гаррис.

Он бросил взгляд на портье.

— Ключ на месте, Ричард?

Портье повернулся к доске, на которой висели ключи. Тем временем Гаррис укладывал карточки обратно в бумажник.

— Тут есть запасной. Свой собственный ключ миссис Гаррис не оставляла с тех пор, как поселилась в номере.

Портье понизил голос, в нем послышался доверительный тон, он вспомнил, наконец, что именно сообщили служащим насчет миссис Гаррис.

— Эллен никогда не оставляет ключи портье, — нетерпеливо сказал Гаррис.

Голос его прозвучал, пожалуй, излишне резко. Он потянулся за ключом, который портье положил на стойку, но Джонсон прикрыл его своей мясистой ладонью.

— Я, пожалуй, поднимусь вместе с вами, мистер Гаррис, и удостоверюсь, что все в порядке. Это ваш саквояж?

Джонсон наклонился, поднял с пола саквояж и двинулся к лифту, кивнув на ходу рассыльному, который материализовался откуда-то из воздуха.

— Вам не стоит затруднять себя, — поспешил за ним Гаррис, — я сам в состоянии донести свой саквояж.

— Мне это вовсе не трудно. — Джонсон вошел в лифт и нажал кнопку с цифрой «3».

— Мы в отеле «Бич-Хэвен» любим помогать нашим гостям.

Лифт остановился на третьем этаже. Джонсон вышел первым и пошел по коридору впереди Гарриса. Остановившись перед дверью номера «326», он вежливо пропустил Гарриса.

— Может быть, вы хотите постучать?

Ключ от номера был у него в руке.

Гаррис шагнул к двери и тихонько постучал. Ответа не было. Он постучал снова, на этот раз погромче, и позвал:

— Эллен, это я, Герберт. Ты проснулась?

— Почему бы вам не отпереть дверь? — предложил Джонсон. — Нет смысла зря беспокоить других гостей.

В голосе его послышалась нотка жалости. Он протянул Гаррису ключ.

— Не понимаю, она всегда спит очень чутко.

Он вставил ключ в замочную скважину и повернул его.

Эд Джонсон внимательно смотрел ему в лицо, когда он открывал дверь. У него было тревожное ощущение, что Гаррис увидит в комнате что-то неладное, хотя не был уверен, что миссис Гаррис не вернулась к себе в номер и не спит в своей постели.

Гаррис неподвижно стоял на пороге, лицо его внезапно вытянулось. Он испугался, увидев постели нетронутыми.

Быстро шагнув в комнату, неуверенно сказал:

— Эллен!

Потом повернул встревоженное лицо к Джонсону.

— Где она! Где моя жена? Что здесь происходит?

Несколько мгновений он смотрел на детектива потрясенный, словно не узнавая его, потом кинулся к двери ванной комнаты и распахнул ее.

Джонсон поднял его саквояж и тоже вошел в номер, плотно прикрыв за собой дверь. В эту минуту ему вовсе не нравилась его работа. Вот вам, пожалуйста, такой симпатичный парень... всю ночь ехал в машине из Нью-Йорка, чтобы провести с женой уик-энд, сделать ей сюрприз... а она... где она, черт побери?

Герберт медленно отошел от двери ванной комнаты, вид у него был словно у игрока в бейсбол, которому заехали по голове битой.

Взгляд был отсутствующим, челюсть отвисла.

— Ее... ее... там нет,— пробормотал он едва слышно.

Блуждающими глазами обшарил комнату, словно не мог поверить, что ее здесь нет...

Наконец он увидел открытый чемодан, стоявший на багажной решетке.

Сделав два неуверенных шага, он подошел к нему, остановился и, повернувшись к Джонсону, который все еще стоял на пороге у закрытой двери, хрипло сказал:

— Она упаковала свой чемодан. Как будто собралась уезжать. Но... она здесь и недели не прожила. Где же она?

Последние слова вырвались у него словно рыдание.

Джонсон с сочувствием покачал головой.

— Присядьте, мистер Гаррис,— сказал он.— Присядьте и возьмите себя в руки. Мне нужно кое-то сообщить вам, и лучше будет, если вы выслушаете меня сидя.

— С Эллиен что-то случилось? В чем дело, черт возьми! Не стойте как столб! Скажите мне! Я имею право знать, что случилось с моей женой?

— Да,— чувствуя себя неловко, сказал Джонсон,— полагаю, что вы имеете право знать это, мистер Гаррис. В общем... я и сам не очень хорошо понимаю, в чем тут дело.

Он вытер руки от пота.

— Я знаю только вот что. В понедельник миссис Гаррис поселилась днем в этом номере, но с того времени ее здесь больше никто не видел. Она ни одной ночи не провела в своей постели. И чемодан этот вовсе не упакован для отъезда. Она его оставила в таком виде, когда вскоре после приезда вышла из отеля, сменив дорожный костюм на красное вечернее платье. Вот и все, что мне известно.

Он быстро шагнул вперед с выражением тревоги на лице потому, что Герберт Гаррис вдруг побелел, как полотно, черты его лица страшно исказились, и он зашатался, словно вот-вот упадет в обморок.

Джонсон схватил его за руку и поддержал за талию. Провел к кровати, успокаивающе уговаривая:

— Прилягте и расслабьтесь, мистер Гаррис. Я понимаю ваши чувства. Я отлично понимаю, что вы должны сейчас испытывать! И чертовски сожалею, что мне пришлось все это сообщить вам.

Он осторожно посадил Гарриса на кровать, помог ему улечься и подсунул подушку под голову.

Гаррис несколько минут лежал в напряженной позе, его била дрожь, глаза были закрыты. Вдруг он резко вскочил на кровати, открыл глаза и спросил:

— Вы ведь все это знали, почему же не сказали мне с самого начала? И почему не известили меня? Я ведь был всю эту неделю в Нью-Йорке и ничего не знал о том, что здесь происходит. Что же это за отель? И что вы пытаетесь скрыть?

— Мы ничего не пытаемся скрыть, мистер Гаррис. Послушайте, может быть, мне вызвать для вас врача?

Гаррис сидел совершенно прямо. Он глубоко вздохнул и с рыданием выдохнул воздух.

— Не нужен мне доктор. Черт побери, мне нужна полиция! Неужели вы ничего не предприняли, чтобы разыскать Эллиен? Что вы стоите как памятник! Вы ведь детектив? Ее нет уже пять дней! Что вы лично предприняли по этому поводу?

— Послушайте, мистер Гаррис,— сказал Джонсон, усаживаясь на стул. Он заговорил медленно и рассудительно, пытаясь успокоить его.

— Нет никаких оснований думать, что с вашей женой что-то случилось.

Он сделал предупреждающий жест, когда Гаррис попытался было запротестовать.

— Я отлично вас понимаю. Но подумайте спокойно. Все, что нам пока известно,— это то, что последние пять дней и ночей она провела не в нашем отеле. Ведь вы сами сказали, что не сообщили ей о своем приезде, желая сделать сюрприз. Если бы вы дали ей знать, то вполне возможно...

— Чтобы вашу душу черти в аду поджаривали! — вскипел Гаррис, соскакивая с кровати и бросаясь к Джонсону с поднятыми кулаками.— Значит, вы хотите сказать, что она сама во всем виновата, она сама так захотела. Вы просто выгораживаете свой дрянной отель, прикрывая свою беспомощность! Да если меня бы известили во вторник утром...

Он шагнул вперед со сверкающими яростью глазами и занес правую руку над детективом, сидевшим на стуле.

Джонсон легко вскочил и отразил яростный удар.

— Ладно, значит, вам доктор не требуется. А как насчет выпить? Вам необходимо расслабиться и рассудить все спокойно. Я могу позвонить и попросить принести сюда бутылочку.

Герберт Гаррис рухнул на кровать и застонал, закрыв лицо руками.

— Может быть, мне в самом деле выпить,— сказал он с трудом.— У меня в саквояже есть полбутылки виски.

— Я закажу лед. Хотите содовой? Или смешать с чем-нибудь другим?

— Нет. Воды будет достаточно.

Джонсон подошел к телефону и передал краткий заказ. Потом вернулся и снова сел на стул.

— Пожалуйста, постарайтесь рассуждать спокойно,— настаивал он.— Мы ничего не пытаемся скрывать от вас. Нет никаких оснований предполагать, что с вашей женой случилось что-нибудь плохое. Может быть, она встретила каких-либо знакомых в понедельник вечером. И они вместе отправились в путешествие на яхте. Она ведь здесь отдыхает.

Гаррис снова сел на край постели, прикрыл рукой уставшие глаза.

— Мне надо выпить. Не будете ли вы так любезны открыть мой саквояж?

Джонсон тяжело поднялся, поставил саквояж на другую кровать и открыл его. Нашел бутылку виски, наполовину пустую, пошел к ванной комнате, когда раздался стук в дверь номера.

Джонсон открыл ее, принял у рассыльного кувшин с кубиками льда, буркнул «спасибо» и принес из ванной два чистых стакана.

Положив по два куска льда в каждый, он налил виски и долил водой из-под крана. Сунул один стакан в вялую руку Гарриса — тот продолжал сидеть на краю кровати, уставившись в пол,— и, снова опускаясь на свой стул, произнес как можно веселее:

— Пейте, мистер Гаррис, вы подумали о том, что я вам только что сказал?

— Я уже думал об этом,— хрипло ответил он.— Но все это чушь и ерунда. Если бы она тут кого-то неожиданно встретила и решила отправиться на морскую прогулку, то непременно уведомила бы меня. Черт вас возьми, неужели вы этого не понимаете?

Он яростно сверкнул глазами на Джонсона, одним глотком наполовину осушил свой стакан и громко закашлялся.

Джонсон отпил глоток из своего стакана и снова стал говорить:

— Уясните себе, мистер Гаррис, я не притворяюсь, что мне что-то известно. Все, что я знаю по этому вопросу, я уже сообщил вам. Миссис Гаррис не видели в отеле с того самого момента, как она ушла отсюда в понедельник вечером. Может быть, за всем этим кроется то, о чем я понятия не имею. В восемь часов придет на работу мой шеф, мистер Мерилл. Он старший детектив отеля. И в «Бич-Хэвене» не может произойти ничего, о чем бы ему не было досконально известно. Он мне многое не рассказывает. А потому я предлагаю следующее: допейте эту порцию и я вам приготовлю еще одну. Снимите с себя костюм и постарайтесь отдохнуть час-другой. Попросите телефонистку разбудить вас в половине восьмого, потом побрейтесь, примите душ, а после этого все может оказаться не таким уж страшным. Может быть, если еще какие-либо сведения относительно миссис Гаррис у мистера Мерилла.

И он пожал своими массивными плечами.

— А пока что,— с горечью произнес Гаррис,— никто ничего не предпринимает, чтобы разыскать мою жену. Бог знает, где она сейчас... что с ней могло случиться. Надо уведомить полицию.

— Послушайте, мистер Гаррис,— Джонсон изо всех сил старался сохранить сочувствующий тон,— ведь сейчас едва рассвело. В полиции никого нет, кроме таких же младших чиновников, как я. Никакой срочной необходимости в этом нет. Ведь прошло уже четыре-пять дней. И у нас тут, в Майами-Бич, шеф полиции — настоящий дьявол в своей профессии, просто маг и волшебник. Его зовут Питер Пэйнтер. Вот с ним-то вам и нужно будет переговорить. Сначала с мистером Мериллом, потом с шефом. Я же вам говорю, что у мистера Мерилла, возможно, имеется ответ. Вы только отдохните пару часиков, а когда проснетесь и будет светить солнце, то все покажется вам не таким ужасным.

Герберт Гаррис опустошил свой стакан и бросил его на пол, раздался глухой стук. С выражением отчаяния на лице он опустил голову на руки, упершись локтями в колени.

— Я... совершенно разбит,— пробормотал он, словно про себя.— Я не могу поверить в это. Только не Эллен. Проклятие! — хрипло выкрикнул он, резко поднял голову и сверкнув глазами.— Вы ее просто не знаете. Вы так не говорили бы, если бы... если бы только знали ее.

— Может быть, и не говорил бы, мистер Гаррис,— согласился Джонсон.

Он поднялся со стула, подобрал с пола брошенный стакан, положил в него кубик льда из кувшина, снова наполнил его виски, не разбавляя. И, подойдя к находившемуся в состоянии отчаяния Гаррису, сказал, насколько мог, веселым тоном:

— Выпейте до дна. Я потом помогу вам раздеться. Я повидаюсь с мистером Мериллом, как только он появится в своем кабинете и очень может быть, что еще до того, как вы проснетесь, миссис Гаррис уже будет здесь.

Гаррис взял стакан и стал пить, обливая костюм. Он держал его прямо перед собой, вцепившись в него обеими руками, и слезы катились по щекам.

Выпив все, что было в стакане, он несколько секунд тупо смотрел на него, потом снова бросил на пол, кинулся ничком на постель и горько зарыдал, словно обиженный ребенок...

Глава 5

Люси Гамильтон еще не пришла, и Шейну самому пришлось отвечать на телефонный звонок, который раздался в субботу утром. Мужской голос спросил:

— Мистер Шейн будет сегодня утром в бюро?

— До полудня.

— Я сейчас приеду.

Было несколько минут двенадцатого, когда Герберт Гаррис вошел в приемную бюро Майкла Шейна на Флегер-стрит. Он побрился и переоделся в чистую рубашку, лакей отеля выгладил ему серый костюм. Глаза его были еще немного воспалены из-за бессонной ночи, но держался он вполне спокойно и решительно. Подойдя к Люси Гамильтон, спросил:

— Мистер Шейн у себя?

Сидевшая у столика за низкой конторкой Люси внимательно посмотрела на него и подумала, что у этого молодого человека, видно, стряслась беда.

Она любезно сказала:

— Да. Как о вас доложить?

— Мистер Гаррис из Нью-Йорка. Мне совершенно необходимо сейчас же повидаться с мистером Шейном.

Люси открыла дверцу, прошла мимо него к закрытой двери с табличкой «Посторонним вход воспрещен», открыла ее, снова закрыла за собой. И, выйдя спустя минуту, широким жестом пригласила:

— Входите, мистер Гаррис.

Когда Гаррис тяжелыми шагами вошел в кабинет, Шейн поднялся ему навстречу с вращающегося кресла.

Детектив был в рубашке с короткими рукавами, расстегнутым воротником и слегка развязанным галстуком. Протянув Гаррису через стол руку, он спросил:

— Чем могу быть полезен, мистер Гаррис?

— Найдите мою жену.

Холодной и расслабленной рукой Гаррис вяло поздоровался с Шейном. Опустившись в кресло и уставившись в рыжеволосого сыщика, сказал почти вызывающим тоном:

— Мне сказали, что вы один из лучших специалистов в своей области в нашей стране.

Шейн понял сразу, что его посетитель находится в невероятном напряжении, а возможно, еще не отошел от шока. Он опустился на кресло и спокойно сказал:

— Приятно слышать, что у меня такая репутация. Что такое с вашей женой?

— Она исчезла.словно в воздухе испарилась. Пять дней назад никто ничего не предпринял по этому поводу. И сейчас ничего не делают. По-видимому, когда женщина в Майами-Бич бесследно исчезает, это воспринимается как нечто само собой разумеющееся.

— Кто это считает?

— Человек по имени Мерилл в отеле «Бич-Хэвен». И этот кретин, шеф полиции, Пэйнтер, так кажется его зовут... Им все безразлично, им наплевать на то, что она исчезла.

— Давайте начнем все сначала,— предложил Шейн.— Ваша жена живет в отеле «Бич-Хэвен»?

— Она поселилась там в понедельник днем. Примерно около пяти часов. Она позвонила мне в Нью-Йорк, сказала, что дорога была приятной и все отлично. Это последнее, что я от нее слышал. Служащие говорят, что по прибытии она попросила, чтобы для нее наняли автомобиль, потом переделась в вечернее платье и вышла из отеля. У них имеется подписанный ею счет: она была в баре около семи часов и заказала там четыре коктейля. И это все. С тех пор никто ее не видел. Ее кровать осталась нетронутой, в ней никто не спал. Чемодан даже не распакован... И все это было известно им с утра вторника, когда горничная пришла убирать ее комнату... но они абсолютно ничего не предприняли... Даже не сообщили мне, что она исчезла... и не поставили в известность полицию. Как видно, сидели на своих задницах, будь они прокляты, и судили да рядили о том, что Эллен в первый же вечер отправилась к какому-то мужику и завалилась с ним в постель!

Он обеими кулаками грохнул по столу Шейна, голос его звучал яростно, лицо исказилось от бешенства.

— А вас это объяснение не устраивает? — спокойно спросил Шейн.

— Нет. И если вы тоже так считаете, то я поищу кого-нибудь другого, кто согласится мне помочь!

— Я пока что ничего не считаю, мистер Гаррис.

Шейн намеренно произнес эти слова резким тоном, чтобы привести посетителя в чувство.

— Разумеется, я не знаю вашу жену.

— В том-то и дело. Никто из них не знает ее. Они просто решили, что она должна быть одной из этих потаскушек-вертихвосток, которые ждут не дождутся, пока доберутся до Майами, чтобы завалиться с кем-нибудь в постель. Так они предпочитают думать. Они даже не стали проверять другие варианты.

— Я знаю Боба Мерилла из отеля «Бич-Хэвен»,— сказал Шейн.— Он очень опытный сыщик и честный человек.

— Я не сомневаюсь, что он достаточно компетентен в той работе, которую выполняет,— фыркнул Гаррис.— Единственное, что его волнует, это благополучие отеля. Он сказал мне, что, как только удостоверился, что моя жена рассчитывается за пребывание в отеле по кредитной карточке «карт-бланш» и таким образом оплата гарантируется, он ни о чем больше не стал беспокоиться! Мол, его касается только то, что необходимо для процветания отеля, и его не волнует, что там происходит с одной из их гостей.

— Ну,— задумчиво сказал Шейн,— а разве должно быть не так? Давайте попробуем рассмотреть этот вопрос повнимательнее. Ведь отель может попасть в очень неловкое положение и даже оказаться втянутым в судебный процесс, если станет в таком случае, как этот, проявлять излишнее рвение. Всякий гость отеля имеет право на частную жизнь. Если бы отели взяли на себя обязанности всякий раз, когда гость или гостья не ночует в своем номере, сообщать об этом супругам, то они не вылезали бы из судебных неприятностей.

— Вы такой же, как и все остальные,— с горечью сказал Гаррис, тяжело вставая со стула.— Если вы именно так думаете об Эллен...

Шейн резко остановил его:

— Садитесь и прекратите вести себя, словно грудной младенец, если на самом деле хотите помочь мне найти вашу жену. Я только что объяснил вам, почему именно Боб Мерилл поступил правильно, не сообщив о возникшей ситуации ни вам, ни в полицию. Но теперь, когда все уже открылось, можете не сомневаться, Боб Мерилл сделает все, что в его силах, чтобы найти миссис Гаррис. И хотя я недолюбиваю шефа полиции Пэйнтера, он хороший полицейский, в распоряжении которого куда больше возможностей, чем у меня. Я уверен, что он сейчас делает все, что может.

— О, конечно,— с трудом согласился Гаррис, неохотно опускаясь на стул,— он в самом деле кое-что предпринял, отдал распоряжение разыскать нанятую машину... Боже мой! Да ведь эта машина может сейчас быть в любом уголке Штатов. Уже прошло целых пять дней!

Он сжал зубы и сцепил руки.

— Меня приводит в ужас отношение Пэйнтера, в нем нет ни капли сострадания. Фактически он похлопал меня по спине и дал понять, что я могу успокоиться.

Герберт скорчил гримасу и попытался изобразить успокаивающий голос Пэйнтера: «Да перестаньте беспокоиться, мистер Гаррис! Оставьте ее в покое, она сама вернется домой, поджав хвост». Вот что они думают об Эллен, Шейн! Потому-то и не шевелятся.

— А вам известно что-нибудь другое?

Голос Шейна звучал не недоверчиво, но все же достаточно скептически, чтобы на лице Герберта появился гнев.

— Да, черт возьми! Мы женаты уже год! Эллен любит меня. Она вообще не хотела уезжать в это путешествие, это я ее уговорил... собственно, даже настоял на этом. О господи, помоги мне! Мне пришла в голову дурацкая мысль, что для нас обоих будет лучше, если время от времени мы будем расставаться на короткий срок, мол, наш брак станет тогда прочнее. И не потому, что он недостаточно прочен... а просто так, из принципа... Она ни разу даже не взглянула на другого мужчину с тех пор, как мы поженились... а я — на другую женщину! Я знаю, сейчас модны

супружеские измены, и вы, конечно, можете не поверить мне, но только у нас с Эллен все было иначе.

Он замолчал, глубоко втянул в себя воздух, потом наклонился вперед и спросил с какой-то особой серьезностью:

— Любили ли вы когда-нибудь, Шейн? Такую женщину, которая вас любит, и вы это точно знаете? И в которой вы уверены, что она никак не могла бы вам изменить?

Шейн сидел, отвернувшись в сторону, и глаза его были влажными.

— Да, Гаррис,— сказал он.— Со мной это однажды было.

— Тогда вы понимаете, о чем я говорю? Вы мне поможете?

На правой щеке Шейна дернулся мускул.

— Я сделаю все, что смогу,— сказал он.— У вас есть фотография вашей жены?

— Любительский снимок, но сходство полное.

Он достал из кармана бумажник и вынул оттуда маленькую фотографию красивой женщины, которую и передал детективу.

— У меня с собой были две фотографии Эллен. Обе они сделаны несколько месяцев назад. На другой она снята в ином ракурсе. Пэйнтер взял ее у меня, хотя мне показалось, что он вовсе не собирается опубликовать ее в газетах, как я просил. Он все время уверяет меня, чтобы я не беспокоился, дело не получит огласки.

— А вы не возражаете против огласки?

Шейн внимательно и с любопытством изучал фотографию.

— Мистер Шейн,— голос Гарриса звучал напряженно,— я хочу найти свою жену, она для меня — все. Конечно, я не возражаю против огласки, если это поможет делу. Я не боюсь правды. Неужели вы не понимаете? Я верю Эллен. И чувствую, что с ней случилась какая-то ужасная история... Боюсь даже подумать, что именно...

— Ладно,— коротко сказал Шейн,— эту фотографию можно будет увеличить и поместить в газетах. Если вам удастся напечатать ее в дневных выпусках, я позабочусь, чтобы она появилась в вечерних «Ньюс». А теперь мне потребуются кое-какие факты, касающиеся вас и вашей жены. Я приглашу сюда секретаршу.

Он нажал кнопку, откинулся в кресло и закурил.

— Не хотите ли выпить?

— Нет, спасибо, не хочется. Я уже выпил сегодня утром в отеле.

Вошла Люси Гамильтон с блокнотом.

— Надо кое-что записать, Люси,— и, обратившись к Гаррису, Шейн добавил,— мне нужно узнать все, что необходимо.

Он подождал, пока Люси приготовится писать, и спросил:

— Ваше полное имя и нью-йоркский адрес?

— Герберт Гаррис.

Он назвал свой домашний адрес в Ист-Сайде и достал из кармана визитную карточку.

— А здесь адрес моей конторы.

Шейн бросил на нее взгляд, прежде чем передать Люси.

— Вы имеете долю в этой посреднической конторе?

— Это относительно небольшая фирма, но вполне преуспевающая. Большинство наших клиентов — жители других городов, и мы ведем их дела на обычных условиях — годовые проценты.

Шейн кивнул.

— Вы снимаете квартиру? Есть ли у вас прислуга?

— Только приходящая. Она бывает два раза в неделю. Ее зовут Роза, фамилию не знаю. Она работает и у других жильцов этого дома. Роза не приходила с тех пор, как уехала жена. В воскресенье они очень тщательно убрали всю квартиру, и Эллен договорилась с ней так, чтобы она пришла снова только в следующую субботу.

Шейн нахмурился и замолчал.

— Разве прислуга играет тут какую-нибудь роль? Это важно?

— Не знаю, что сейчас важно, а что нет. Как девичья фамилия вашей жены?

— Элли Терри. Она была весьма популярной манекенщицей, очень преуспевающей, когда мы познакомились полтора года назад.

Шейн кивнул. Было очень легко поверить, что женщина, сфотографированная на любительском снимке, была преуспевающей особой.

— В каком агентстве она работала?

— В одном из самых крупных... Оно расположено в Рокфеллер-Центре.

Гаррис наморщил лоб, припоминая.

— «Ноубл»,— объявил он,— «Ноубл и Эллиот». Но она оставила работу, когда мы поженились.

— Это было ровно год назад? — спросил Шейн.— Дайте, пожалуйста, описание ее внешности.

— Ей тридцать один год. Довольно высокая, примерно пять футов шесть дюймов, весит чуть меньше ста сорока фунтов. Носит платья четырнадцатого размера, если не ошибаюсь, иногда двенадцатого. Хорошие золотистые волосы. Держится красиво, каждое ее движение — сама грация. Она... из тех женщин, на которых всегда обращают внимание.

Шейн бросил взгляд на Люси, карандаш ее так и бегал по блокноту. Он откинулся на спинку стула, подергал себя за мочку уха и сказал:

— Отлично. Ну, а теперь дайте мне, если можете, имена и адреса ее ближайших друзей... мужчин и женщин...

Гаррис сердито посмотрел на него.

— Послушайте, Шейн, я уже сказал вам, что у нее не было друзей мужчин. И уж, во всяком случае, я не понимаю, какое отношение ее нью-йоркские друзья имеют к тому, что здесь произошло.

Шейн спокойно ответил:

— Если бы я вдруг появился в вашей конторе и, ничего не понимая в акциях и курсах бумаг, вдруг стал бы вам давать советы, как лучше вести дела, вряд ли вы стали меня слушать, я полагаю. Я делаю свою работу так, как считаю нужным. Ну, а теперь принимайтесь диктовать мисс Гамильтон список близких друзей вашей жены. Начните, пожалуйста, с того времени, когда она еще была манекенщицей, если можете.

Гаррис сказал:

— Пожалуй, я бы выпил чего-нибудь, если вы не возражаете.

Шейн кивнул и, оттолкнув кресло, встал из-за стола. Гаррис повернулся к Люси и стал называть ей имена и адреса. В основном это были женщины, несколько женатых пар. Адреса он называл лишь частично, какие помнил.

В другом углу комнаты Шейн извлек из небольшого шкафа бутылку коньяка, вставил по два бумажных стаканчика один в другой, налил их до краев и отнес к столу. Потом достал из холодильника чашки с ледяной водой и поставил рядом со стаканами.

Шейн пододвинул Гаррису коньяк и воду, как раз когда тот закончил диктовать.

— Вот, пожалуй, и все, что я могу сейчас вспомнить.

Он бросил взгляд на Шейна и пояснил:

— Я уже сказал вашей секретарше, что мы не слишком любили общество. Честно говоря, мы были поглощены друг другом и не очень то нуждались в других людях.

— Это мне вполне понятно,— от души сказал Шейн.— Ведь вы только год, как поженились. Однако давайте поглядим, у вас есть адрес ее парикмахера, Люси?

Она отрицательно покачала головой, а Гаррис яростно сказал:

— Какого дьявола, скажите мне, вам адрес парикмахера в Нью-Йорке? Какое отношение он может иметь к исчезновению Эллиен в Майами? Вероятно, вы хорошо знаете свое дело, мистер Шейн, но я совершенно не понимаю...

— Ладно, Люси...— сухо ответил Шейн, — сделайте пометку, что мистер Гаррис отказывается назвать парикмахера своей жены.

— Минуточку. Я вовсе не отказываюсь. Черт возьми, я просто не знаю имени этой женщины. Парикмахерская находится где-то на Парк-авеню, недалеко от нашего дома. Кажется, ее зовут Бланш или как-то в этом роде.

Шейн кивнул.

Ну, а теперь давайте проверим, правильно ли мисс Гамильтон записала все изложенные вами факты.

Он откинулся на спинку кресла, сделал большой глоток коньяка и сощурил глаза.

Вы посадили жену в самолет, отправляющийся в Майами днем в понедельник. Она позвонила вам из отеля вскоре после своего прибытия, и больше ничего вы от нее не имели. Это вас не беспокоило, Гаррис?

— Нет. Чего мне было беспокоиться? Я и не ждал, что она мне будет звонить или писать, если не случится ничего непредвиденного.

— А сами вы ей не звонили?

— Нет.

Гаррис заговорил обороняющимся тоном.

— Мы ведь взрослые люди. Я сам предложил, чтобы она эти две недели провела без меня, чтобы повидала новых людей и развлеклась немного, не давая мне отчета за каждый шаг. Да и я не хотел контролировать ее.

Шейн безучастно кивнул.

— Ну, а путешествие, которое вы внезапно совершили? Правильно ли я вас понял, что вы решили сделать это как сюрприз? Оно было вовсе не запланировано... и у вашей жены не было ни малейшего представления о том, что вы вдруг очутитесь в Майами?

— Совершенно верно.

В голосе Гарриса появилась агрессивность.

— Я и сам не предполагал ехать до самого четверга. Но в конторе возникли такие обстоятельства, что потребовалось мое присутствие в пятницу в Чарльстоне, Южная Каролина. Один из наших престарелых клиентов внезапно вдруг решил обсудить свой пакет акций. Я приехал в Чарльстон прошлой ночью, вернее, рано утром. Несколько часов поспал в отеле, а день провел с нашим клиентом за обсуждением его дел. И вдруг совершенно неожиданно, повинувшись какому-то импульсу, решил приехать сюда и провести с женой субботу и воскресенье. Я надеялся, что если выеду днем в воскресенье, то успею вернуться в Нью-Йорк в понедельник утром.

— Таким образом, вам пришлось бы проехать чуть ли не через всю страну,— вслух высказал свое мнение Шейн.— Большинство бизнесменов в наши дни предпочитают самолет.

— А вот я предпочитаю машину,— холодно произнес Гаррис,— я люблю сидеть за рулем. Особенно ночью в одиночестве. И нахожу, что в таких поездках есть что-то необыкновенное и волнующее, притом, что едешь без спутников. Машина так и пожирает километры... и останавливаешься лишь, когда устаешь, в маленьких придорожных закусочных, где собираются водители грузовиков...

Он замолчал, покачал головой, словно устыдившись живости, с которой говорил об этом.

— В общем, я просто люблю водить машину,— повторил он.— И, когда уезжал из Нью-Йорка, вовсе не собирался никакого подобного путешествия и предпринимать. Но только в пятницу вечером, очутившись в Чарльстоне, я подумал, что мне решительно нечего делать в Нью-Йорке до понедельника... Вот тогда-то и решил, какой чудесный сюрприз могу устроить Эллен... Сел за руль и поехал сюда.

Шейн задумчиво посмотрел на него, немного удивляясь про себя тому, что услышал. Нужно быть молодым и очень влюбленным в жену человеком, чтобы решить, что если ты вдруг ввалишься на рассвете в ее номер в гостинице, когда она считает, что ты находишься в Нью-Йорке, то тем самым сделаешь ей приятный сюрприз! Интересно, как бы это понравилось самому Герберту Гаррису. А что, если бы Эллен внезапно появилась в их нью-йоркской квартире за неделю до того, как он ждал ее возвращения? Впрочем, кто знает?

А вслух Шейн сказал:

— Я полагаю, что пока это все, мистер Гаррис. Я начну работать над этим делом. Смогу ли я с вами связаться в отеле «Бич-Хэвен»?

— Да... пожалуй, мне все равно, где находиться, пусть будет так. Послушайте, Шейн,— он наклонился вперед и выпятил челюсть,— я не стал с вами спорить, когда вы правильно заметили, что у вас свои методы работы точно такие, как у меня свои. И не утаил никакой информации. Но все-таки мне бы хотелось знать, какого черта вам понадобились нью-йоркские друзья Эллен... и в том числе имя ее парикмахерши. Каким это образом может быть связано с тем, что случилось здесь?

Шейн сказал:

— Вы сами сообщили, Гаррис, что в Майами никто не знает вашу жену, и потому я не в состоянии провести разумное расследование причин ее исчезновения. Я с вами согласен. И все-таки я собираюсь провести разумное расследование, но для этого мне надо знать о вашей жене как можно больше. Я ответил на ваш вопрос?

— В какой-то степени.

Гаррис держался настороженно.

— Вы намерены связаться с теми людьми, которых я вам назвал?

— У вас есть возражения против этого? — спросил он скрипучим голосом.

— Да, нет... Я просто поинтересовался.

— Я буду осторожен,— заверил его Шейн.— Но не стану братья за дело, в котором не за что зацепиться.

Он поднялся и протянул Гаррису через стол обе руки.

— Я не стану утешать вас, но могу лишь предложить вам вернуться в отель с сознанием того, что будет сделано все возможное, чтобы найти вашу жену. Я непременно свяжусь с вами в ближайшее время.

Гаррис пожал руку Шейну более энергично, чем при встрече.

— Мне уже лучше. А... как насчет гонорара, мистер Шейн?

— Оставьте у моей секретарши чек на тысячу долларов предварительно. Если нам хоть немного повезет, этой суммы вполне хватит. Если же я увижу, что не укладываюсь, то сообщу вам.

— Что ж... благодарю вас,— сказал Гаррис и вышел вслед за Люси в приемную.

Шейн снова опустился в кресло, задумчиво потер подбородок, сощурил глаза и стал прихлебывать коньяк, размышляя о молодом биржевике и его проблемах. От этого занятия его оторвала Люси, которая через несколько минут вошла в кабинет и спросила:

— Майкл, ты хочешь, чтобы я сейчас же расшифровала свои записи?

— Можешь не торопиться, мой ангел. Попробуй соединить меня с Джимом Гиффордом из Нью-Йорка. Когда тебе это удастся, возьми отводную трубку и будь готова сообщить ему все данные, если я тебя попрошу.

Она хотела было сказать что-то, но потом молча поджала губы и вышла. Шейн допил коньяк, сжал в кулаке бумажный стаканчик и кинул его в корзинку. Не успел он отхлебнуть глоток ледяной воды, как тут же на столе зазвонил телефон. Он поднял трубку.

— Мистер Гиффорд на линии,— сказала Люси.

— Джим? — спросил Шейн и услышал веселый голос:

— Это ты, Майкл? Как идут дела в солнечном крае греха и секса?

— Греховно и сексуально,— ответил Шейн.— Можешь выполнить для меня срочную работу?

Гиффорд рассмеялся:

— Я могу сделать все, что угодно.

— Вот что мне нужно, Джим. Некая миссис Эллен Гаррис из Нью-Йорка исчезла из отеля «Бич-Хэвен» на Майами. Ее не видели с понедельника. Ее муж — Герберт Гаррис, биржевой маклер. Люси даст тебе все необходимые адреса. Пока что все очень похоже на то, что у нее здесь было заранее назначено свидание, еще до отъезда из Нью-Йорка. Она бывшая манекенщица. Я бы хотел, чтобы ты покопался в ее прошлом... до того, как она вышла замуж за Гарриса. Все, что будет нужно с моей стороны, я телефонирую тебе, а ты раздобудь сведения... особенно относительно бывших и теперешних ее друзей мужчин. Она — настоящая красotka, и у нее их должно быть великое множество, хотя супруг не верит в это. Поставь на это дело несколько своих ребят, Джим, и разузнай все, что сможешь, сегодня же, ладно? Если не застанешь меня здесь, позвони домой либо Люси, либо мне. А сейчас я попрошу ее продиктовать тебе все, что она записала. Действуй, мой ангел!

Шейн держал трубку, пока не убедился, что Люси начала диктовать сведения, полученные от Гарриса, потом поднялся из-за стола.

Он стоял перед широким окном, выходящим на Флеггер-стрит, когда пять минут спустя в кабинет вошла Люси Гамильтон. Голос ее дрожал от негодования.

— Майкл Шейн! — воскликнула она.— Интересно, что, по-твоему, может Джим Гиффорд отыскать в Нью-Йорке? Если я когда-нибудь в жизни видела человека по-настоящему любящего и страдающего, так это Герберт Гаррис!

Он медленно повернулся к ней, покачивая рыжеволосой головой.

— Сейчас совершенно неважно, насколько он любит ее. Ведь исчезла-то она! Соедини меня с Тимом Рурком, пожалуйста!

Она показала ему язык и вернулась к своему столу в приемной. Шейн отошел от окна, подергивая себя за мочку уха и стараясь не думать о своей покойной жене Филлис.

Гаррис и впрямь ударил его пониже пояса. Если бы это Филлис так загадочно исчезла, что было бы тогда?

Зазвонил телефон.

— Привет, Тим! Ты занят сейчас?

С минуту он молча слушал излияния своего старого друга, который жаловался на то, что ему вздохнуть некогда,— так он занят, готовя к опубликованию всякие сногшибательные новости для своих читателей, потом взглянул на часы и перебил Тима:

— У меня есть для тебя захватывающая история, Тим. Если ты освободишься на пару часов, то минут через пятнадцать я заеду за тобой, и мы позавтракаем вместе.

Он повесил трубку, взял шляпу и вышел, поручив Люси дожидаться у себя дома звонка Гифорда и пообещав, что позвонит ей сам.

Глава 6

В переполненном шумном отделе городской хроники редакции «Ньюс» Шейн прошел прямо к столу Тимоти Рурка в самом дальнем углу и нашел его в глубокой задумчивости.

Он сидел, меланхолично глядя на чистый лист бумаги, вставленный в машинку, и выпуская кольца дыма в воздух, и так уже им переполненный.

Рурк был тощий, поджарый человек с такими острыми чертами лица, что, казалось, он разрезал ими воздух. Его глубоко посаженные глаза блестели, словно у хорька, всегда сохраняя циничное выражение.

И они еще больше заблестели, когда Шейн выложил перед ним на стол любительский снимок Эллен Гаррис и спросил:

— Найдется у вас место на первой странице для ее увеличенной фотографии?

— У нас сегодня практически ничего и нет для первой страницы. А что она натворила — разрежала на кусочки своего папочку и сделала из него холодец?

Рурк с интересом рассматривал снимок.

— Пока она всего-навсего исчезла сама,— сказал Шейн.— Отнеси-ка эту штуку в вашу фотолабораторию. Пусть сделают несколько копий. Мне бы хотелось иметь дюжину, размером шесть на девять. Можешь потом отретушировать и пустить на первую страницу. Если я дам тебе полное согласие. Пока что мы съездим позавтракать и вернемся как раз к тому времени, когда будут готовы копии.

Рурк слишком давно знал Майкла Шейна, чтобы задавать лишние вопросы. Он немедленно встал из-за стола, прошел в фотолабораторию и, вернувшись через несколько минут, подтвердил — к тому времени, когда мы поедем, копии будут готовы.

Они отправились в ресторанчик на углу, где подавали отличные фирменные бифштексы, и уселись за столик в ожидании ленча. Рурк подпер руками свой худой подбородок и пронизательно взглянул на старого приятеля.

— Что за история и что за «если» насчет публикации снимка?

— Все дело в том, что эту историю надо хранить в большой тайне до тех пор, пока я не дам тебе разрешения печатать.

— Да? — Рурк отхлебнул бурбон из бокала.

Шейн коротко рассказал ему все, что сообщил Герберт Гаррис.

— Как будто чертовски приятный парень. Если вдруг окажется, что его жена просто-напросто спряталась с каким-то своим дружком, то это его буквально убьет, весь мир для него просто рухнет.

— Что ж, смотря, что он хочет,— проворчал Рурк с кислой усмешкой,— чтобы она оказалась жива-невредима, но развлекалась с приятелем, или же чтобы разлетелась на кусочки, только бы не рухнул для него весь мир?

— Я не знаю,— сердито признался Шейн.— Он так чертовски уверен в ней, Тим. Мне кажется, что лучше будет, если ее найдут мертвой. Со временем он сможет с этим смириться, лишь бы она ему не изменила.

— Питу Пэйнтеру и администрации «Бич-Хэвена» не понравится, если мы поместим эту историю на первой странице. Как бы дело не обернулось, огласка будет весьма неприятной для них.

— А мы спросим, понравится им это или нет. Ты отправишься вместе со мной в отель и, когда я предъявлю эту фотографию, сможешь сам услышать все. Мерилл позволит тебе опубликовать этот материал, если я дам ему слово, что ты напечатаешь только то, что я найду необходимым.

— Кто такой Мерилл?

— Старший детектив отеля. Домашний шпик — на вашем жаргоне.

Шейн усмехнулся, опустошил свой стакан и вооружился ножом и вилок, увидев, что перед ним поставили бифштекс.

— Он попал в тяжелое положение. Будет он с нами сотрудничать или откажется, все равно ему придется туго.

Шейн вздохнул и с жадностью набросился на еду.

Когда они вернулись обратно в редакцию, проявленные фотографии были еще сырые, однако увеличенные они оказались намного лучше, чем ожидал Шейн.

Он прихватил с собой еще две не совсем просохшие копии и договорился, что еще парочку ему доставят на дом, как только они высохнут. Потом они вместе с Рурком отправились в отель, каждый на своей машине, чтобы можно было разойтись в разные стороны, если потребуется.

Когда Шейн добрался до отеля, машина репортера уже стояла здесь, а сам Рурк разговаривал с портье, когда Шейн вошел в вестибюль.

У Лоуфорда был смущенный и раздосадованный вид, а Рурк, повернувшись к Майклу, подмигнул и сказал:

— Этот парень утверждает, что миссис Гаррис нет в номере, но отказывается позвонить туда и проверить это.

— Вопросы будут задавать я, Тим,— сказал Шейн и, обернувшись к портье, спросил:

— Мерилл у себя в кабинете?

— Да, сэр. Это прямо по коридору...

— Я знаю, где это.

Он взял Рурка за руку и повел за собой.

— Эти птички никогда в жизни не станут разговаривать с репортером. Это им строго-настрого запрещено.

Они прошли по коридору и остановились у двери, на которой была табличка: «Посторонним вход воспрещен».

Шейн постучал и, повернув ручку, вошел в кабинет, не дожидаясь приглашения.

Это была аккуратная маленькая комната, уставленная стеллажами с картотеками, в центре стоял стол, на котором находились только телефон и диктофон. Роберт Мерилл как раз что-то диктовал в микрофон, откинувшись на спинку стула и посматривая на какие-то документы в папке, которую держал в руках. Увидев на пороге Шейна, он нажал большим пальцем на клавишу и выключил диктофон. Потом закрыл папку, положив ее на стол перед собой.

С ненаигранной сердечностью сказал:

— Майкл Шейн собственной персоной. Не так-то часто ты появляешься в наших краях.

Мерилл был высоким человеком средних лет с начинающими седеть волосами и пронзительными холодными глазами. Шейн сказал Гаррису правду: это очень опытный и честный детектив, в обязанности которого по роду службы входило заботиться о благе «Бич-Хэвена». Эта работа требовала большого такта и ума, а также способности немедленно распознавать авантюристов или мошенников с первого появления их в отеле и безжалостно преследовать таковых. К тому же он обладал каким-то приобретенным с годами шестым чувством, которое заранее предупреждало его о том, что надвигается неприятность в одном из тысячи номеров, расположенных у него над головой.

Шейн сказал:

— Клиенты, с которыми мне приходится в последние годы иметь дело, недостаточно богаты, чтобы жить в вашем отеле, Боб.

Он придерживал дверь, давая войти Рурку, потом закрыл ее и спросил:

— Ты знаком с Тимом Рурком? Это Роберт Мерилл, Тим.

Мерилл бесстрастно взглянул на тощую фигуру в мешковатом костюме и сказал:

— Это имя мне знакомо. Вы печатаете статьи в «Ньюс». не так ли? Чем могу быть полезен, джентльмены?

Шейн уселся по другую сторону стола, а Рурк бесшумно опустился на стул, стоявший у стены. Вынув одну фотографию Эллен Гаррис из кармана, Шейн положил ее на стол перед Мериллом.

— Узнаешь?

Мерилл внимательно посмотрел и поджал губы.

— Это увеличенная копия той фотографии, которую я видел сегодня утром?

— Верно,— с удовольствием подтвердил Шейн.

— Та самая леди, которая исчезла здесь в понедельник.

Мерилл изобразил на лице усталую улыбку.

— Мне бы хотелось иметь такую фотографию, Майкл. Гаррис отказался оставить ее мне, чтобы я мог показать тем нашим служащим, которые видели мисс Гаррис, когда она прибыла. Он сразу же закусил удила и выскочил отсюда, угрожая подать на отель в суд за преступное пренебрежение и так далее, и я понял, что он направился прямо в полицию.

Шейн сказал:

— Пит Пэйнтер ухитрился тоже обойтись с ним не так, как ему хотелось бы, так что он кончил тем, что пришел ко мне. Мой клиент,— закончил Шейн твердо,— считает, что вы оба — и ты, и Питер Пэйнтер — гораздо больше озабочены тем, чтобы скрыть факт исчезновения его супруги, чем найти ее.

— Ты ведь знаешь, Майкл, что это вовсе не так,— в голосе Мерилла прорвалось напряжение, которое он испытывал после утренней встречи с Гаррисом.

— Ее муж, черт возьми, просто с ума по ней сходит. К тому же имеются некоторые факты, которые мне не хотелось бы предавать огласке...

Он замолчал на полуслове, печально улыбнулся и от этого вдруг стал таким сердечным и мягким.

— Я выражаюсь, словно оратор на заседании торговой палаты, правда? Этому парню предстоит неприятное пробуждение от сладкого сна. Сегодня у меня гораздо больше информации по ее делу, чем было утром, когда я с ним разговаривал.

Он опустил глаза на лежавшую перед ним фотографию и проникновенно сказал:

— Она чертовски хороша, да? Если бы я был на ней женат сам, то...— Он замолчал и облизнул пересохшие губы.— Зачем ты привел репортера, Майкл? Я хотел бы поделиться своими сведениями с тобой лично, но...

Шейн ответил с достоинством:

— Прежде всего, я привел сюда хорошего друга... а потом уже репортера. Я обещал Гаррису, что помещу эту фотографию в газете вместе со всей историей исчезновения его жены, если только удостоверюсь, что в этом есть смысл. И мне наплевать на мнение твое или Пэйнтера или даже торговой палаты. Меня нанял Гаррис, чтобы я нашел его жену. Тим Рурк прибыл сюда, чтобы выслушать все, что скажешь ты, и вместе со мной решить, стоит ли печатать эту историю... и в каком именно виде. Рурк подчинится моему решению.

И тебе еще очень повезло, что дело обстоит так, а не иначе,— настаивал Шейн.— Если на это нападет какая-нибудь другая газета...

Роберт Мерилл невесело улыбнулся.

— Вся эта история — сплошной динамит, Майкл.

Он нахмурился, разглядывая фотографию Эллен Гаррис.

— Но, пожалуй, тебе тоже лучше узнать все, что нам известно. Без этой фотографии мы даже не смогли бы провести опознание.

Мерилл поднялся из-за стола, подошел к скрытому в стене микрофону и сказал:

— Попросите Лоуфорда освободиться на минуту и зайти ко мне. А после Лоуфорда я хочу видеть того парня, рассыльного, Билла Томпсона.

Он вернулся к столу, сел на стул, откинулся на спинку и глубоко вздохнул.

— В такие минуты я счастлив, что никогда не был женат.

Майкл Шейн ничего не ответил на это. Он знал, что Тимоти Рурк наблюдает за ним и, возможно, вспомнил в этот момент о мадам Филлис. Мериллу, конечно, о Филлис ничего не известно.

В дверь постучали, и Шейн обрадовался, что может прервать свои воспоминания.

— Войдите,— буркнул Мерилл.

Дверь открылась, и в кабинет вошел Юстус Лоуфорд. Он быстро перевел взгляд с Рурка на Шейна, потом посмотрел на Мерилла и не подал виду, что эти двое недавно были у его стойки.

Остановившись перед Мериллом, он спросил:

— В чем дело, мистер Мерилл?

Мерилл повернул фотографию так, чтобы Лоуфорд мог рассмотреть ее.

— Вы узнаете ее?

— Это та самая женщина, о которой вы спрашивали у меня сегодня утром, не так ли? Миссис Гаррис? Она зарегистрировалась в отеле в понедельник утром.

— Вы в состоянии точно опознать ее? — спросил Мерилл.

Лоуфорд заколебался было, потом глубоко вздохнул.

— Ну, я не хотел бы давать клятву... мистер Мерилл. Но помню ее отчетливо. Насколько могу судить, это действительно мисс Гаррис.

— Ладно,— проворчал Мерилл,— расскажите мистеру Шейну все, что вы мне сообщили сегодня утром. Почему именно ее вы запомнили из всех гостей, которые регистрировались у вас в понедельник.

— Трудно в точности сказать,— начал Лоуфорд, уставившись в стену.

— Я работал во многих отелях... регистрировал сотни тысяч людей, не меньше, наверное. В большинстве случаев делал это чисто механически, но мисс Гаррис! Ее нельзя было не заметить и не запомнить. Я страшно удивился, когда узнал, что она приехала сюда одна и пробудет у нас две недели. Но она сообщила, что у ее мужа новомодные представления о том, что супругам следует время от времени проводить отдых отдельно друг от друга, даже спросила меня, одобряю ли я это...

Он замолчал и нервно проглотил слюну, потом продолжал:

— Я, разумеется, сразу сменил тему, сэр. Но она сказала, что не хотелось бы ей здесь скучать и чувствовать себя одинокой. И когда я заверил ее, что у нас есть отличная хозяйка и всякие возможности развлечься в обществе, она отнеслась к этому без всякого интереса. И... вот, пожалуй, все, мне кажется.

— Вы ее видели, когда она уходила из отеля? — подбросил вопрос Мерилл.

— Да. Она попросила взять напрокат для нее машину, и я обратился к швейцару, чтобы он позвонил к ней в номер, когда машину подадут к подъезду. Я видел потом, как она вышла из лифта. Прошло примерно полчаса. Миссис Гаррис направилась к выходу, и я решил, что она пошла к своей машине. Она была одета в очень оригинальное платье с низким вырезом...

— А оставила ли она вам ключи, когда уходила? — снова подсказал Мерилл.

— Нет, сэр. И я просто не помню, видел ли я ее после этого.

Он снова бросил взгляд на фотографию, лежавшую на столе, и медленно покачал головой из стороны в сторону.

— Олл-райт, Лоуфорд,— кратко подытожил Мерилл.— Если парень дожидается за дверью, велите ему войти.

Когда портье пошел к двери, Мерилл сказал Шейну:

— Билл Томпсон — это тот парень, который отнес ее багаж в номер в тот день. Я вовсе не уверен...

На секунду он заколебался, когда высокий, стройный, приятной внешности молодой рассыльный вошел в кабинет.

— Впрочем, пусть он лучше сам все расскажет,— продолжал Мерилл.— Вам не о чем беспокоиться, Томпсон. Подойдите поближе и взгляните на эту фотографию.

Билл Томпсон бросил быстрый взгляд на Рурка и Шейна, потом деревянной походкой подошел к столу.

— Видели когда-нибудь эту женщину? — спросил Мерилл, снова привлекая его внимание к фотографии.

Билл Томпсон добрых тридцать секунд разглядывал снимок. Он уперся обеими ладонями в стол, лицо его задрожало и исказилось. На глазах появились слезы, и он едва выдавил:

— Клянусь богом, мистер Мерилл... я ничего... такого не сделал. После того раза, в полночь. Я никогда больше не подходил к ее номеру и не видел ее после этого.

— Успокойся, сынок. Сначала скажи мне, кто она такая.

— Это миссис Гаррис, из номера 326. Вы меня сегодня утром расспрашивали о ней, и я вам честно рассказал, как она странно вела себя... дала мне на чай целых пять долларов совсем ни за что... и еще рассердилась, что у нее в номере две кровати вместо одной двухспальной... сказала, что любит спать только в двухспальной кровати.

Он замолчал, тяжело дыша от смущения, и Мерилл мягко успокоил его:

— Да, ты мне это говорил, Билл. Но ничего не сказал про полночь. Что там было?

— Ну, я просто не думал, что это важно. Но, может быть, это важно, раз она исчезла и все такое,— забормотал он, запинаясь.— Я был уже на самом пороге, а она вдруг подошла ко мне

сзади и спросила, когда я кончаю дежурство, я ответил, что в полночь. И тут она почти прошептала мне на ухо, что ей будет очень одиноко, и попросила зайти к ней пропустить стаканчик, когда закончу работу.

— Ладно, Билл,— сказал Мерилл, и на этот раз голос его звучал достаточно сурово.— Что же случилось в полночь?

— Ничего. Я поднялся на третий этаж и постучался к ней в номер. Я знаю, что это против правил и что меня за это уволят, но я просто ничего не мог с собой поделать. И, наверное, сделал бы это же самое еще раз, если бы меня пригласила такая женщина... как миссис Гаррис. Но в номере у нее не было света, и она не отозвалась на стук... вот и все, что было.

— А после этого ты ее больше не видел?

— Клянусь, что не видел. И вообще ничего не знал до сегодняшнего утра, когда вы меня спросили о ней. Уже после я слышал, как служащие отеля говорили, что она не появлялась у себя в номере с понедельника.

— Олл-райт, Томпсон,— сказал Мерилл,— возвращайтесь на свой этаж.

Когда парень вышел, Мерилл посмотрел на Шейна и пожал плечами.

— Картина начинает проясняться?

— Даже слишком,— проворчал Шейн.— Гаррис сказал мне, что тут есть еще один момент. Она подписала в баре чек в тот же вечер около семи часов.

— Это последнее, что мы о ней знаем, Майкл. Счет на два дайкири и два бурбона.— Он бросил взгляд на свои часы и поднялся из-за стола.— Бармен, который дежурил в понедельник вечером, сейчас как раз появился на работе. Я еще с ним не разговаривал. Пойдем со мной и твой приятель тоже. Отель «Бич-Хэвен» угостит вас приличными напитками и заодно убедит в том, что мы ничего не утаиваем.

Он обогнул свой стол и вышел из комнаты. Майкл и Рурк отправились за ним следом.

Глава 7

Коктейль-холл был тускло освещен. Здесь было прохладно и почти безлюдно. Крошка, стоявший за стойкой бара, протирал бокалы. Когда трое мужчин взобрались на табуреты, он повернулся к ним, бросил взгляд на Мерилла и коротко кивнул ему. Заметив рыжеволосого детектива, расплылся в улыбке.

— Клянусь всеми святыми, это Майкл Шейн собственной персоной! Как поживаешь, старый друг?

Он раскрыл широченную, словно окорок, ладонь и стиснул руку Майкла теплым пожатием, потом стал шарить по полкам в поисках какой-то особой бутылки. Взяв «Кордон Блю», бережно откупорил ее и поставил перед Шейном.

Когда он рядом с бутылкой поставил четырехунцевый бокал, Мерилл сухо сказал:

— Поаккуратнее с этой выпивкой, Крошка. Я обещал Шейну, что она будет за счет отеля.

— Если бы она была не за счет отеля, я записал бы ее за собой,— заверил его Крошка, наливая бокал до краев. Затем, обратившись к Рурку, спросил: — Что для вас?

И, посмотрев на него внимательно, добавил:

— Послушайте, а вы не Тимоти Рурк? Ну, тогда для вас будет бурбон с фруктовой водой. Как видишь, я читаю все книги про тебя, Майкл! И что это за поганая телепередача была в пятницу?

Он нахмурился, налил бурбон для Рурка.

— И где они выкопали такого типа, который играет тебя, Майкл? Какого черта ты сам себя не играешь? Будете пить что-нибудь, мистер Мерилл? — бросил он в сторону старшего детектива отеля.

— Маленький бокал пива,— сказал Мерилл, вынимая фотографию Эллен и кладя на стойку.

Но Крошка был поглощен только Шейном.

— Взять хотя бы ту передачу, которая была вчера, и этого актера, которого буквально все обводили вокруг пальца, господи, Майкл! И как ты только терпишь такое?

— А я их не смотрю,— сказал Шейн.— Ни разу не включал телевизора после первых двух передач. Но вообще-то Ричарда Леннинга считают хорошим актером.

Шейн отхлебнул коньяк, смакуя каждый глоток.

— Это он тебя играет? — Крошка фыркнул с отвращением.— Может быть, он и хороший актер, но то, что его заставляют выделывать...— Он печально покачал головой.— А как вам нравится тот молодой кретин, который изображает вас, мистер Рурк?

— Я, как и Майкл, никогда не смотрю телепередачи.

— И что это такое с вашим приятелем, который пишет сценарий? — спросил Крошка.— Этот самый Бретт Холлидей? Он что, спятил, что ли? Книжки-то у него отличные, но, господи, спаси меня от этих передач в пятницу.

— Он их не пишет,— уклончиво сказал Шейн.— Умные ребята из Голливуда никогда не позволят ему это. Они считают, что у них там есть писатели, которые справятся с делом лучше него.

— Скажу тебе откровенно, Майкл, это чушь собачья, и передачи недолго продержатся. Я включаю телевизор только потому, что они о тебе, Майами и всяком таком прочем. Мы ведь так гордимся тобой, черт побери, и потому так неприятно смотреть эти передачи!

— Эй, Крошка,— сказал Мерилл с легким раздражением,— если вы прекратите, наконец, это заседание клуба поклонников таланта Майкла Шейна и соизволите взглянуть вот на эту фотографию, я буду вам очень признателен. Я должен вернуться к себе.

— Ну, конечно, мистер Мерилл. Простите, что я так разболтался.

Крошка вытер руки о белый передник и взял снимок. Повернув его к свету, чтобы лучше разглядеть, он неторопливо кивнул головой.

— Я видел ее. Ну, конечно. Она заходила сюда несколько дней назад. Я отдыхал в субботу и воскресенье и вышел на работу в ночную смену в понедельник. Посетителей было совсем немного, когда она пришла... часов в семь. Появилась вон из той двери, которая выходит прямо на стоянку, и с минуту стояла, оглядываясь по сторонам.

— Как будто искала что-нибудь? — спросил Шейн.

— Нет, не думаю. На это не было похоже. Скорее это выглядело так, словно она не могла решиться, остаться ей здесь или нет. Эту женщину просто невозможно было не заметить.

— Сексуальная?

— Сексуальная? Да, вот именно. И, только поймите меня правильно, необыкновенно привлекательная. Не потаскушка какая-нибудь, нет, а настоящая леди, потому-то я ее и запомнил. Но она... как-то странно вела себя у стойки. Ее поведение не вязалось с внешним обликом, так, наверное, будет правильнее сказать. Она вела себя не так, как я ожидал.

— Как же именно, Крошка?

— Сначала спросила, можно ли ей одной сесть за стойку, и я сразу понял, что она только что прибыла в город. Я сказал, что, конечно, можно. Потом она спросила, что я посоветую ей выпить. Ну, это просто смешно, и я предложил выпить то, что ей нравится. Тут она произнесла, что дома обычно пьет немного, но сегодня ей хочется напитка, который приготавливается с ромом, кажется, он называется дайкири. Ну, я и стал делать ей дайкири.

Тут Крошка замолк и потом снова продолжал:

— Когда же я повернулся, чтобы поставить перед ней бокал, у нее во рту была уже сигарета, а какой-то парень, подойдя сзади, протягивал ей огонь. Она прикурила и сказала «спасибо», черт возьми, это все было проделано, как надо. И тут он сел рядом с ней и заказал бурбон. Я стал наблюдать за ней краешком глаза, думая, что сейчас она отошьет его. Ничего подобного. Она с ним разговорилась. Это, конечно, было странно, потому что я готов был поклясться, что она настоящая леди!

— Может быть, она его знала? — предположил Мерилл.

— Нет. Если только это было ее первое путешествие, как она мне сказала. А его-то я встречал в нашем городе. Его зовут Джин, фамилии не знаю. Он в порядке. Приличный, тихий парень. Но только мне приходилось слышать, что имеет привычку околачиваться по барам в поисках женщин.

Мерилл сурово сказал:

— Ты ведь знаешь, какой политики мы придерживаемся в нашем отеле. Мы не допустим...

— Послушайте, мистер Мерилл. Здесь никогда не происходит ничего неприличного, когда я дежурю. Ну, а если один посетитель захочет угостить другого и оба они ведут себя тихо и достойно, то я недолго удержусь на своем месте, если стану делать им замечания.

Мерилл согласился с ним.

— Ты действительно знаешь свое дело. Крошка. Я понимаю, что ситуация была трудной. Значит, они разговаривали? Ты что-нибудь слышал?

— Знаете, как это бывает,— сказал Крошка смущенно.— Мне ведь нужно было обслуживать и других клиентов. А разговаривали они негромко. Но кое-что я все-таки расслышал. Что мужа ее зовут Герберт и живет он в Нью-Йорке... что он из тех мужчин, которые считают: время от времени супруги должны отдыхать друг от друга.

Мне как-то неприятно стало, когда я это услышал. До тех пор я не придавал никакого значения тому, что она с ним разговаривала и выпила вместе, на том бы все и кончилось. Но когда она вдруг чужому человеку стала такое говорить о своем муже... это было уже похоже на какой-то намек.

Потом она ему сказала, что вернется домой раньше, чем через две недели, а затем они опять взяли по порции. И вот еще что...

Крошка замолчал, задумался, лицо его напряглось.

— Да, она настояла на том, чтобы заплатить за то, что они выпили. Он попросил счет, но она сама его схватила и протянула руку за моим карандашом и сказала ему, что будет чувствовать себя неловко, если позволит заплатить за себя. И меня даже спросила, правильно ли это. А потом они заговорили об игорном доме и вскоре после этого вышли через ту дверь, которая ведет на стоянку.

— Вы не слышали, куда они направились? — спросил Шейн.— Они не упоминали какое-нибудь место?

— Нет. Не слышал. Я видел только, как они вместе ушли, и подумал: «Что за черт, никогда нельзя угадать, как поступит женщина».

Он снова задумчиво нахмурился.

— Я слышал как-то, что этот самый Джин водил тех, кого подцеплял в баре, в казино «Серая Чайка». Если хотите, я могу порасспросить кое-кого попозже, когда тут начнет собираться народ.

— Ты имеешь в виду других зазывал игорных домов, которые приходят в бар, чтобы подцепить кого-то из наших гостей? — спросил Мерилл.

— Но это, пожалуй, слишком сильно сказано, мистер Мерилл. Но когда стоишь за стойкой, много чего приходится слышать.

— Ты не мог бы описать внешность этого самого Джина?

— Ему под тридцать. Пожалуй, его можно назвать красивым. Худое лицо с очень сильным загаром. Каштановые волосы. Хорошо одет, улыбчив, женщины любят таких.

Шейн сказал:

— Нашему отелю, Боб, просто повезло, что Крошка работает здесь. Когда ты еще видел эту женщину после того вечера? — обратился он к бармену.

— Больше ни разу не видел. Я, можно сказать, искал ее глазами каждый вечер. Я ведь знал, что она остановилась здесь, и мне было интересно, как у нее все вышло с Джином... Но она так больше и не появилась... по крайней мере, в мое дежурство. А что с ней, Майкл? Почему ты интересуешься ею?

— Можно ему сказать, Боб? — спросил Шейн.

— Все в отеле уже знают об этом. Не вижу причин, почему бы ему тоже не знать. Пока что, насколько нам удалось установить, Крошка, ты — последний, кто видел миссис Гаррис.

— Неужели? Когда же она выехала отсюда?

— Она не выехала, — с горечью сказал Мерилл. — В том-то и вся штука. Похоже на то, что с той минуты, когда ты видел ее уходящей через эту дверь, она так и не возвращалась в свой номер.

— Это точно установлено? — Крошка озадаченно покачал головой. — Этот самый Джин тоже не появлялся здесь с того вечера.

— Ты порасспроси кого можешь, Крошка, — настойчиво попросил Шейн, допивая коньяк и с наслаждением облизывая губы. — Здесь может появиться полиция... а может быть, и муж ее захочет тебя расспросить. Полиции расскажи всю правду... вот как нам сейчас, а с Гаррисом будь полегче, ладно? Он и так страшно переживает.

— Ладно. Я бы тоже не находил себе места, будь женат на такой куклолке. Вы хотите, чтобы я поговорил с полицейскими, мистер Мерилл?

— Если они появятся здесь. Мы не можем себе позволить скрывать что-то от них в такой ситуации.

Мерилл сполз с табурета, оставив наполовину недопитый бокал с пивом.

— Ты зайдешь ко мне в кабинет, Майкл?

— Только на одну минуту. Нам надо договориться с Рурком, что именно будем печатать вместе с ее фотографией в дневном выпуске.

Мерилл ничего не сказал. Только когда они снова очутились у него в кабинете и дверь была полностью закрыта, спросил:

— А это необходимо, Майкл?

— Я взялся за это дело... получил от Гарриса аванс, чтобы найти его жену. Да, это необходимо, Боб...

— Но можешь ли ты не указывать названия отеля?

— Ты сам знаешь, что это невозможно, — угрюмо сказал Шейн. — Но мы не будем упоминать имен портье, рассыльного и рассказывать о том, что ее подцепил в баре зазывала игорного дома. Согласен, Тим?

— Я могу написать об этом вокруг да около, — поддержал его Рурк.

— Нет ли у тебя номера лицензии и описания машины, которую она взяла напрокат? — спросил Майкл.

— Все здесь есть, поскольку расходы внесены в счет, представляемый клиенту отелем, — сказал Мерилл и, подойдя к стеллажу с карточками, вынул тонкую папку. Открыв ее, он взял напечатанный на машинке листок и положил на стол.

— Запишите это, Тим.

Шейн зажег сигарету и стал посасывать ее, дергая себя за мочку левого уха, пока Рурк стал списывать нужные сведения.

— Пока что единственная наша зацепка — это машина. Конечно, полиция ее уже ищет, а может быть, тебе, Тим, удастся воспользоваться преимуществом прессы и кто-то из читателей сообщит то, что нужно, еще раньше. Гаррис сейчас в отеле, Боб?

— Сейчас? Не знаю. Мы ему дали другой номер... как раз напротив того, где была жена. Он просто не в состоянии находиться в ее номере. Разумеется, бесплатно,— поспешно добавил он.— Хочешь узнать, на месте ли он?

— Хотелось бы. Если он у себя, мне кажется, тебе, Тим, стоит поговорить с ним. Присмотрись к нему сам и составь свое впечатление.

Мерилл поднял трубку и произнес:

Мистер Гаррис? Мистер Шейн хотел бы с вами поговорить. Он протянул трубку детективу.

— Гаррис? — сказал Шейн.— Пока что я не узнал ничего определенного, но кое-что у меня появилось. Я говорил уже, что, возможно, газета «Ньюс» опубликует рассказ о вашей жене. Сейчас со мной лучший журналист этой газеты, и я бы хотел, чтобы вы с ним побеседовали. Его зовут Тимоти Рурк. Он не только отличный репортер, но еще и очень порядочный человек и один из моих близких друзей. Пожалуйста, доверьтесь ему, спокойно расскажите все, что можете, и разрешите опубликовать материал в таком виде, как это вас устраивает.

— Ну, конечно, Шейн. Я буду рад видеть его. Неужели вы... о боже, Шейн! Скажите, что вам удалось выяснить?

— Ничего особенного.— Майкл Шейн заставил свой голос звучать бодро и оптимистично.— Держитесь мужественно и дайте нам еще несколько часов. Пока что мистер Рурк поднимется к вам.

Положив трубку, он потрянул головой.

— Бедняга! А что можно сделать в такой ситуации?

Повесить трубку,— цинично сказал Рурк.— Ты это и сделал. А вот мне предстоит встретиться с ним лицом к лицу.

— Ты ведь репортер,— напомнил ему Шейн.— И зарабатываешь на жизнь тем, что копаешься в чужих судьбах.

— Спасибо за все, Боб,— сказал он, обратившись к Мериллу, и направился к двери.

— Куда ты сейчас идешь? — спросил Рурк.

Шейн помедлил, держась за ручку двери.

— Для твоего рассказа это ничего не даст. В «Серой Чайке» администратором служит Вилли Арентц, а он мне кое-чем обязан. Вполне может быть, что он сейчас у себя. А потом я, возможно, заверну к Питу Пэйнтеру и посмотрю, не удастся ли мне его расшевелить. Скажу, что нельзя возиться с этим делом бесконечно. А пока что не приготовишь ли ты мне полное досье на твоего портье... кажется, его зовут Лоуфорд, и на этого атлетически сложенного юношу, Билла Томпсона. Сейчас оно мне не нужно, но может понадобиться, позднее.

— Господи помилуй, Майкл! Ты ведь не подозреваешь их, я надеюсь?

— Я никого вообще не подозреваю. Но ведь у нас только и есть, что их ничем не подтвержденные рассказы о происшедшем в понедельник. И чем больше я смотрю на фото Эллен Гаррис и слышу о том, что от нее так и веяло сексом, тем больше мне хочется проверить их обоих.

Глава 8

Казино «Серая Чайка» находилось в нескольких милях к северу от побережья, далеко от скопления роскошных отелей. Оно открывалось только к вечеру, и все-таки, подъехав к зданию, Шейн увидел семь-восемь автомобилей на стоянке перед входом, а двери казино были широко распахнуты.

Он прошел в просторный, пустынный вестибюль, который отделял бар от обеденного зала, расположенного справа, откуда доносились голоса и звяканье серебряной посуды. Никто не остановил его, когда он стал подниматься по широкой лестнице в игорный зал, на второй этаж.

Встав перед дверью без всякой таблички, он толкнул ее, и она сразу распахнулась. Шумел кондиционер, а над столом, заваленным бумагами, склонились двое мужчин в рубашках с короткими рукавами. Один из них был Вилли Арентц, худощавый, подтянутый мужчина с небольшими светлыми усиками и холодными синими глазами. В городе за ним закрепилась слава честного игрока — насколько, конечно, это возможно для человека его профессии, успешно делающего свой бизнес. Во всяком случае, Шейну, которому пришлось пару раз иметь с ним дело, не представилась возможность убедиться в обратном. Над столом нагнулся и что-то помечал карандашом на листе бумаги со множеством цифр молодой человек в очках и в зеленом козырьке.

Арентц недовольно оторвал голову от бумаг, услышав скрип открывающейся двери. Но, увидев Майкла Шейна, дружески, хотя и сдержанно, приветствовал рыжеволосого детектива.

— Майкл Шейн, подождите минутку, пока я не закончу просматривать эти бумаги.

— Ну, конечно, — кивнул Шейн и прошел к широкому окну.

Отсюда открывался вид на океан, и Шейн залюбовался им, раскуривая ментоловую сигарету.

За спиной некоторое время слышалось бормотанье, потом раздался скрип отодвигаемого стула и голос Арентца:

— Олл-райт, Генри. Так и сделаем, если ты уверен в успехе.

Шейн отошел от окна и увидел, как молодой человек собирает со стола бумаги. Когда за ним закрылась дверь, Арентц приветливо сказал Шейну:

— Присаживайтесь, Майкл. Может быть, вы предпочитаете вашей сигарете сигару? Или хотите выпить?

— Ни то, ни другое, благодарю.

Шейн уселся поудобнее, скрестив ноги.

— Мне нужна кое-какая информация, Вилли.

— Если я только располагаю ею, она к вашим услугам.

— Прежде всего... вот эта женщина, вы когда-нибудь видели ее у себя в заведении? — Шейн вынул фото Эллен Гаррис из кармана и положил перед хозяином казигго.

Арентц бросил оценивающий взгляд на фотографию, погладил указательным пальцем левой руки усики и поджал губы.

— Не могу сказать, что наверняка видел, но если бы она здесь появилась, мы были бы рады. Настоящая красotka.

— Вы, вероятно, запомнили бы такую, пояись она здесь?

— Знаете... у нас ведь каждый вечер бывают сотни людей. Правда, разного сорта. Но, во всяком случае, у меня такое чувство, что она мне незнакома. Может быть, вы мне что-нибудь подскажите?

— У нас вообще очень мало сведений. Скажите мне, у вас работает зазывала по имени Джин?

— У нас вообще не работают зазывалы, Майкл. Я люблю, когда люди сами приходят сюда, если им захочется поиграть и они знают, что здесь с ними обойдутся по-честному... Мне вовсе не по душе, когда к нам волокут клиентов, как ягнят на бойню, как это делают в некоторых заведениях. Но в то же время, — продолжал он, и в глазах его мелькнул лукавый огонек, — у нас и в самом деле есть договоренность кое с кем. Иногда они приводят в наше заведение новичков, которых иначе ободрали бы до нитки в каком-нибудь другом месте. Так, может быть, вас интересует Джин Блэйк?

— Я не знаю его фамилии. Ему под тридцать, у него каштановые волосы, худое, загорелое лицо. Одет очень хорошо и со вкусом. Умеет общаться с женщинами.

Шейн слегка нахмурился, повторяя описание мужчины, с которым Эллен Гаррис видели последний раз

— Точь-в-точь портрет Джина Блэйка.

Арентц наклонился через стол, глаза его потускнели.

— Джин натворил что-нибудь?

— Я не знаю пока. А как бы вы его сами охарактеризовали?

— Ничего не могу сказать о нем плохого... Обыкновенный парень, который зарабатывает на жизнь таким способом. Во всяком случае, и от других я слышал о нем только хорошее, Майкл. В противном случае он не мог бы появляться у нас.

Шейн постучал по фотографии указательным пальцем.

— В понедельник вечером Джин подцепил эту женщину в «Бич-Хэвен» и вскоре увел ее оттуда. Бармен слышал, как, уходя, они говорили об игре... В отель она в ту ночь не вернулась... больше ее там не видели. Не приводил ли он ее сюда?

Арентц снова взял в руки фотографию и стал рассматривать внимательнее. Потом, полуприкрыв глаза, начал вспоминать.

— В понедельник вечером? Дела у нас шли не очень оживленно... по понедельникам всегда бывает довольно тихо. Я вышел в зал примерно около десяти часов. Джин Блэйк? Гм-м...— Он задумчиво потрогал усики.— Она могла увлечься игрой, Майкл? У нее было много денег?

— Не знаю, сколько при ней было. Ее муж — биржевой маклер из Нью-Йорка. Довольно состоятельный человек, как мне кажется, хотя вряд ли они по-настоящему богаты.

— Мне нужна причина... если она крупно проигралась, то Джин непременно должен был прийти со своими комиссионными. Но это я никак не припомню, Майкл. Однако у меня такое ощущение, что Джин был здесь в тот вечер... или, во всяком случае, совсем недавно... Но с тех пор я его не видел... Попозже вечером я смогу показать фото своим людям и, может быть, тогда что-то выяснится. Если она была здесь, кто-нибудь из ребят наверняка узнает ее.

— Пока что нельзя ли выяснить, получал ли Джин комиссионные за понедельник?

— Разумеется, это можно.— Он нажал кнопку на столе.— Но нам придется только строить догадки. Суммы меньше пятисот долларов мы вообще не регистрируем.

Он замолчал, так как на пороге появился молодой человек, который почтительно осведомился:

— Я вам нужен, шеф?

— Посмотрите-ка по книгам, были ли у нас на этой неделе какие-нибудь платежи Джину Блэйку?

Генри исчез из приемной. Арентц внимательно посмотрел на Шейна и спросил:

— Вы думаете, что с той ночи эта дамочка не расстается с Джином?

Шейн развел руками.

— Ради ее мужа я надеюсь, что это не так. С другой стороны, черт побери! — закончил он фразу со злостью.— Я вообще не знаю, что думать!

Генри вновь появился на пороге и сказал:

— Никаких записей касательно Джина Блэйка за последние две недели не имеется.

Арентц кивком головы разрешил ему удалиться.

— Ну вот,— обратился он к Шейну.— Но это совсем не значит, что он не приводил ее сюда в понедельник. Это значит только, что она не проиграла здесь пятьсот долларов... или же что Джин с той самой ночи настолько занят другим делом, что даже не заглянул к нам за своими пациентами.

— Вы не знаете, где я могу найти его?

— У нас нет таких сведений, Майкл. Как я уже сказал, он не состоит у нас на жалованье. Я только могу спросить кое у кого вечером, чтобы узнать что-нибудь.

— Спасибо, Вилли,— сказал Шейн. И, поколебавшись с минуту, взяв фото Эллен, добавил: — Это мой единственный экземпляр.

Подойдя к двери, он повернул к Арентцу.

— Очень возможно, что вскоре к вам с подобным вопросом обратится полиция. Сейчас Пэйнтер пытается делать вид, что ничего особенного не произошло, но в вечернем выпуске

«Ньюс» будет сообщение на первой полосе и тогда ему придется оторвать свою задницу от стула и приняться за расследование.

— Но «Серая Чайка» ведь не будет упомянута в заметке?

— На этот раз нет, Вилли. Чем скорее мы все это выясним, тем больше шансов, что вас вообще не будут беспокоить.

— Но ведь вы же знаете, Майкл, что если только у меня что-то было...

— Ну, конечно, — ответил Шейн и вышел из кабинета.

Арендц несколько секунд сидел совершенно спокойно, потом поднял трубку и стал набирать номер.

Внизу, в холле, цветной парнишка лениво водил щеткой пылесосом по большому ковру. Шейн торопливо направился к открытой настежь двери, потом передумал и остановился возле телефона-автомата. Здесь, на полочке, лежали книги с телефонами Майами и Майами-Бич. Шейн сначала перелистал телефонную книгу Майами-Бич и вскоре нашел одного Юджина Блэйка, проживающего на 12-й улице. Потом, оставив книгу открытой на этой странице, принялся за вторую. Там было несколько Блэйков, но ни один из них не носил имени Джина.

Он вошел в будку, плотнее прикрыл за собой дверь, чтобы не мешало гудение пылесоса, и набрал номер. Зуммер прогудел четыре раза, потом раздался щелчок и резкий женский голос повторил номер, набранный Шейном.

— Мистер Блэйк дома? — спросил Шейн.

— Сейчас его нет, — ответила женщина, — что ему передать?

Шейн сказал извиняющимся тоном:

— Ну... это старый приятель Джина, но мы с ним довольно давно не виделись, я приехал издалека. Это миссис Блэйк?

До него донесся тихий смешок.

— Это профессиональное бюро ответов по телефону. Если вы хотите оставить сообщение для мистера Блэйка, я буду рада принять его.

— Не беспокойтесь, — сказал Шейн и повесил трубку.

С минуту он неподвижно сидел, уставясь в одну точку, потом снова взгляд его упал на телефонную книгу. Записав адрес Юджина Блэйка, Шейн вышел из будки, сел в машину и поехал на юг, в сторону 12-й улицы.

Блэйк жил в квадратном двухэтажном оштукатуренном доме в дешевом районе Бич. Шейн остановил машину у тротуара и вошел в вестибюль, где красовалось несколько почтовых ящиков по обе стороны лестницы. На ящике под номером двадцать было написано «Блэйк Ю.». Шейн пошел дальше по коридору и, найдя нужную дверь, постучал.

Как он и ожидал, на стук никто не отозвался. Достав из кармана связку ключей, Шейн внимательно осмотрел замок. Первый ключ легко вошел в него, но не повернулся. Тогда Шейн выбрал из связки другой ключ, и дверь легко открылась.

Шейн вошел в прихожую, плотно прикрыв за собой дверь. Прихожая была совсем крошечная, слева приоткрытая дверь вела из нее на кухню, прямо перед ним была ниша.

Через нишу Шейн прошел в маленькую захлавленную гостиную. Окна были плотно закрыты. И он сразу почувствовал удушливый запах сигарет. У одной стены стояла облезлая тахта, рядом с ней глубокое кресло, на полу перед тахтой — два стакана и наполовину выпитая бутылка дешевого бурбона. В одном из стаканов на дне остался осадок молочного цвета. Шейн наклонился и понюхал его, но не мог разобраться, дайкири это или что-то иное. В пепельнице, стоявшей рядом со стаканами, было полно окурков, и по крайней мере половина из них испачкана помадой. Шейн внимательно рассмотрел их, пытаясь сообразить, помадой какого оттенка могла пользоваться такая блондинка, как Эллен Гаррис.

Потом он подошел к креслу, подобрал валяющуюся на полу газету, посмотрел число. Газета была датирована прошлым вторником.

Затем Шейн направился в спальню. Там он увидел неубранную двуспальную кровать, рядом с ней на столике стояла пепельница, тоже полная окурков, половина из которых была в помаде. В спальне стоял такой же стойкий запах сигарет, как видно, здесь уже несколько дней никого не было.

Вернувшись обратно в гостиную, Шейн заглянул в ванную, но не заметил в ней ничего интересного. Потом он постоял на пороге кухни, окидывая ее внимательным взглядом. Две пустые пепельницы стояли на мойке рядом с раковиной, над которой с тихим жужжанием роились мошки — их привлекли лежавшие в раковине два выжатых лимона.

Выйдя из квартиры, Шейн запер за собой дверь, сел в машину и отправился на поиски профессионального бюро ответов по телефону. В первой же будке он перелистал телефонную книгу и нашел адрес бюро, которое оказалось всего лишь в четырех кварталах от него, и поехал по этому адресу.

Глава 9

Телефонное бюро обслуживания находилось на первом этаже большого здания на 14-й улице. В большой комнате восседала за столом пожилая леди приятной внешности, но ни телефонных пультов, ни телефонисток Шейн здесь не увидел, из чего сделал вывод, что они находятся где-то в другом месте.

Когда женщина повернулась к Шейну, он постарался изобразить на лице самую приятную из своих улыбок и сказал:

— Возможно, это против ваших правил, но я детектив, которому поручено отыскать одну даму, исчезнувшую несколько дней назад из своего отеля. Я думаю, что один из ваших клиентов мог бы дать мне важную информацию относительно этой дамы, и мне совершенно необходимо связаться с ним немедленно. Эта женщина может быть в большой опасности,— добавил он.

— Его телефон не отвечает?

— Я ему позвонил только что, и мне ответила служащая вашего бюро. Я знаю, что его уже несколько дней нет дома, и мне подумалось, что, может быть, у нее есть поручение от него, куда передавать сообщения на его имя.

Вовсе необязательно. В большинстве случаев мы просто записываем их клиенту, как только он нам позвонит.

— То есть вы хотите сказать, что у вас не бывает никакой иной связи с отсутствующим клиентом? — Шейн не мог скрыть своего разочарования.

— Обычно не бывает.— Женщина заколебалась.— Конечно, если клиент знает, что его не будет дома несколько дней, он может заранее сообщить нам об этом и дать другой номер, чтобы все сообщения передавались немедленно.

— В таких случаях как вы поступаете? Даете звонившему другой номер или принимаете сообщение и передаете его сами?

— Это как наш клиент сам пожелает.

— А если бы он дал такое распоряжение, то у вас должен быть записан другой номер, ведь так?

— Да,— глаза ее чуть заметно блеснули.— Но я все равно не могу дать такую информацию без соответствующих указаний.

Шейн сказал успокаивающе:

— Но ведь вы можете просто-напросто взглянуть, верна ли моя догадка. Ведь дело идет, вполне возможно, о жизни или смерти,— настойчиво повторил он.— Даже если я только узнаю, что нужного мне человека можно застать по другому телефону, то и это может сослужить важную службу.

— Не думаю... не думаю, чтобы это было нарушением тайны клиента,— согласилась женщина.

— Его имя Юджин Блэйк,— быстро сказал Шейн и назвал номер телефона квартиры Блэйка.

Она повернулась к большому алфавитному каталогу, стоявшему слева от стола, и опытной рукой тут же нашла карточку. Незаметно Шейн пододвинулся к ней и, чуть наклонившись через ее плечо, прочел на карточке — Блэйк Юджин.

Слева шли какие-то шифрованные значки, они Шейна не интересовали, а в самом низу карандашом был записан какой-то местный телефон и добавочный — 410. Шейн запомнил номер и невинно взглянул строгой даме в глаза.

— Мистер Блэйк действительно оставил нам другой номер, по которому мы должны передавать ему сообщения,— сказала она.— Но он просил никому его не сообщать.

Шейн от всей души поблагодарил ее.

— Вы очень помогли мне, и мне вовсе не хотелось бы принуждать вас выдать тайну вашего клиента.

Выйдя на улицу, он бросился к ближайшему телефону автомату и набрал подсмотренный номер. В трубке раздался нежный голосок:

— Добрый день, Сиспрей-отель. Чем могу быть полезной?

— Все олл-райт, милочка,— ответил Шейн и повесил трубку.

Сиспрей-отель оказался огромным некрасивым зданием, одним из тех, которые были выстроены во время бума тридцатых годов.

Здесь, по-видимому, происходил какой-то съезд, потому что в вестибюле было полно гостей, которые регистрировались у портье. Шейн с трудом пробился сквозь толпу к лифтам и втиснулся в один из них. Выйдя на четвертом этаже, он постучал в 410-й номер. Дверь отворилась секунд через тридцать, и перед Шейном предстал мужчина в пиджаке и шлепанцах, державший в руках полотенце. Темные волосы, не просохшие после душа, были взлохмачены, сильные руки и лицо покрыты ровным загаром. Он в точности соответствовал описанию, которое Крошка дал Джину Блэйку.

Мужчина нахмурился, увидев рыжеволосого детектива.

— Вы, кажется, ошиблись комнатой,— сказал он агрессивным тоном, пытаясь захлопнуть дверь.

Шейн быстро шагнул вперед, толкнул Блэйка в номер и плотно прикрыл за собой дверь.

— Комната та самая, и вы — тот, кто мне нужен,— заявил он, разглядывая большую гостиную дорогого номера.

Дверь в ванную была открыта, позади виднелась еще одна дверь, ведущая в спальню.

Кроме Блэйка, никого в комнате больше не было.

— Что это за шутки? Какое право вы имеете врывать в чужой номер?...

— У меня есть такое право, Блэйк,— ухмыльнулся Шейн.— Кто находится в спальне?

— Моя жена, и я не понимаю...

Блэйк швырнул на пол полотенце, кулаки его сжались. Он стоял перед Шейном, вызывая выпятив челюсть...

— Нам обоим отлично известно, что никакой жены у вас нет,— сказал Шейн.— Дайте-ка я взгляну на нее.

И он отстранил Блэйка тыльной стороной ладони. Тот разжал кулаки, и на лице его появилась смущенная улыбка.

— Может быть, мы сможем иначе все уладить? — Блэйк стал рыться в карманах в поисках бумажника.

— Оставьте свои деньги при себе, мне необходимо увидеть женщину,— сказал Шейн и решительно сделал шаг вперед.

Джин Блэйк уступил ему дорогу, все еще слабо протестуя.

Когда Шейн постучал в дверь, Блэйк крикнул:

— Все в порядке, Пегги, не беспокойся.

Шейн открыл дверь и заглянул в комнату. В противоположном углу перед туалетным столиком сидела женщина, спокойно подкрашивая губы. Она сидела спиной к Шейну, но по ее отражению в зеркале было видно, что она нисколько не походила на Эллен Гаррис.

Шейн коротко произнес:

— Прошу прощения, мэ,— и закрыл за собой дверь.

Блэйк стоял посередине комнаты, пытаясь закурить сигарету. Руки его дрожали.

— Что это за шуточки с подглядыванием? — спросил он хрипло.

— Где Эллен Гаррис? — ответил Шейн вопросом на вопрос.

— Эллен Гаррис? Что-то не припоминаю среди своих приятельниц ни одной с таким именем.

— Может быть, это освежит вашу память? — Шейн вынул из кармана фотографию и протянул Блэйку.

Блэйк несколько минут молча изучал ее, потом облизнул губы.

— Я встретил ее в «Бич-Хэвен» в прошлый понедельник. Это она и есть? — Он посмотрел на Шейна с любопытством.

— Она самая,— подтвердил Шейн.— Где она сейчас?

— Откуда, черт возьми, мне это знать? Я ведь не видел ее больше с прошлого понедельника. Она меня бросила в «Серой Чайке», ушла с другим типом.

— Садитесь,— приказал Шейн, и рассказывайте все подробно.

— А почему я должен это делать? Кто вы такой и что все это значит? — артачился Блэйк.

— Садитесь и расскажите мне обо всем подробно, в противном случае отправитесь в участок. Меня зовут Шейн,— добавил он нетерпеливо.— Я частный детектив, которому поручено разыскать Гаррис.

— О, господи! Вы Шейн! Ну, конечно! Мне следовало бы сразу узнать вас. — Блэйк был обескуражен. — Что же стряслось с Гаррис?

— Я надеюсь, что именно вы скажете мне, что с ней.

Шейн опустил в кресло и закурил.

— Мне известно, что вы подцепили ее в баре, она там подписала чек за пару порций выпивки. Потом вы вышли вместе через заднюю дверь прямо к стоянке машин у отеля. Рассказывайте, что было дальше.

Джин Блэйк тоже уселся и задумчиво выпустил клуб дыма.

— Что-то забавное было в ней. С самого начала все выглядело так, будто мне повезло. Она чертовски привлекательна, и мне сразу же показалось, что с ней можно отлично провести время... на мой взгляд, можно было не опасаться излишней сдержанности с ее стороны. Мы воспользовались ее машиной, которую она арендовала, как мне кажется, и я предложил ей для начала поужинать, но она не хотела есть, зато ей хотелось играть. Я это точно запомнил, потому что в тот вечер мне так и не довелось поужинать, и на следующее утро у меня чертовски трещала голова.

— Это она предложила поехать в «Серую Чайку»?

— Черт меня возьми, если я это помню. Возможно, что я предложил, хотя я мог бы пригласить ее еще в парочку других заведений. Во всяком случае, она для начала купила на 50 долларов фишек и стала делать небольшие ставки. Я получил за это 500 долларов... вы ведь знаете, как это обычно делается...

Он вопросительно взглянул на Шейна.

Тот кивнул и сказал:

— Я сегодня разговаривал с Вилли.

— Ну, он-то был недоволен, что она так мало играла. Я некоторое время оставался у рулетки, потом мне это надоело, и я перешел к карточному столу. Но время от времени я подходил к ней, хотя она уже не обращала на меня никакого внимания. Потом я заметил, что она по-дружески разговаривает с каким-то парнем, сидевшим рядом с ней, но не стал возражать, потому что к тому времени уже разговорился с Пегги...

Он умолк и движением бровей указал на закрытую дверь.

— Она была там одна, и ей хотелось хорошенько повеселиться. Мы уже стали договариваться, как и что, потому что я решил, что от Эллен мне будет мало проку. Я тогда подошел к ней последний раз, но она отмахнулась от меня, настолько была занята разговором с тем парнем.

— Как вы думаете, Блэйк, она была с ним раньше знакома? Не могла она вас туда привести специально для того, чтобы встретиться с тем типом?

— Не знаю. Мне это в тот момент даже и в голову не приходило.— Блэйк был озадачен.— А для чего ей это понадобилось? У нее ведь была своя машина, и она вполне могла поехать туда одна.

— Может быть, она считала, что кто-то должен привести ее в это заведение.

— Может быть,— согласился Блэйк,— это вполне вероятно. Тогда понятно, почему она ко мне почти сразу же потеряла интерес. Во всяком случае, я решил, что мне на это наплевать, и тут же вернулся к Пегги. Мы еще немного поиграли, потом отправились в два-три местечка... а под утро приехали ко мне домой.— Он пожал плечами.— На следующий день мы перебрались сюда, и с тех пор праздник не прекращается.

— Не могли бы вы описать того парня, с которым познакомилась Эллен Гаррис?

Блэйк прищурился, напряженно припоминая.

— У него самая заурядная внешность. Лет сорока. Довольно крупный, по-моему. И еще одно. Не думаю, чтобы он был из местных, для этого он недостаточно загорелый, и на нем был темный костюм.

Он замолчал и поднялся на ноги, так как дверь спальни открылась, и в комнату вошла Пегги. Она была невысокого роста, полновата, волосы выкрашены в медный цвет. Она отлично владела собой. Внимательно посмотрев на Шейна, Пегги обратилась к Блэйку.

— Кто этот человек, дорогой?

— Детектив, милочка. Частный детектив,— поспешно добавил Блэйк,— и его не интересуют наши отношения. Он пытается разыскать ту даму, которую я покинул ради тебя в «Серой Чайке» в прошлый понедельник. А ты помнишь ее?...

— Помолчите,— перебил его Шейн.— Я хочу услышать рассказ Пегги о том вечере без ваших подсказок. Вы помните этот вечер, Пегги?

— Рассказать ему? — Она опустилась в кресло, расправила короткую юбку на полных бедрах.

— Ну, конечно, расскажи ему все, как было. Мне нечего скрывать. У него в городе репутация честного человека. Он не расставляет ловушек.

— Ну что ж, я сидела за карточным столом в «Серой Чайке», и это мне стало уже надоедать. Было часов девять вечера, кажется,— она бросила взгляд на Джина, и он кивнул.— Что-то в этом роде, может быть, позднее. Мы с Джином разговорились... и... в общем, поладили друг с другом. Я сразу поняла, что он понимает толк в таких делах... ну, и оказалась права,— она хихикнула и с вызовом посмотрела на Шейна.— Он сказал мне, что привез сюда одну женщину поиграть в рулетку, но постарается как-нибудь от нее отделаться, так что мы вполне можем отправиться вдвоем в другое место.

— Он показал ее вам?

— Ну конечно. То есть я видела, как он подошел и заговорил с ней. Знаете, такая светлая блондинка, поджарая, как кобыла, на ней еще было яркое красное платье с вырезом вот до этих пор.

Она сделала красноречивый жест, указывающий на свой пупок.

— Так что не нужно было слишком долго ломать себе голову над тем, что находится под платьем, если вы понимаете, что я имею в виду. Некоторым мужчинам нравятся такие штучки, но Джин мне сказал, что предпочитает сам делать открытия.

И она снова любящим взглядом посмотрела на своего партнера.

— Во всяком случае, она уже занялась каким-то другим парнем, так что мы тихонько выскользнули оттуда.— Она пожала плечами.— Вот и все, что там было.

— Вы разглядели того мужчину, которым, как вы говорите, она занялась? — спросил Шейн.

— Нет, не могу сказать наверняка. Они меня не слишком интересовали оба.

— На этой фотографии изображена та женщина, которую вы видели в «Серой Чайке»? — Шейн протянул ей фото Эллен Гаррис.

Она равнодушно кивнула.

— По-моему, да. Она, правда, на самом деле вовсе не такая хорошенькая, но я думаю, что это именно она.

— Готовы ли вы засвидетельствовать, что с тех пор не видели эту блондинку и что вы с Джином остаток той ночи провели вместе и с тех пор не расставались?

— Эй! Не будет она ничего свидетельствовать. Вы не должны втягивать в эту историю Пегги! — возмутился Блэйк.

— Она уже втянута в нее,— холодно ответил Шейн. — Насколько пока удалось установить, вы двое — последние, кто видел миссис Гаррис. Вам придется поехать в полицию и подписать показания.

— В полицию?!

Гневное восклицание сорвалось с дрожащих от бешенства губ Джина.

— Вы ведь частный детектив. Что у вас общего с полицией? Послушайте, я был с вами вполне откровенен, рассчитывая, что и вы сумеете не предавать огласке всю эту историю!

Шейн терпеливо объяснил:

— Эта женщина исчезла пять дней назад. Ее муж примчался из Нью-Йорка и поднял дикий шум. В вечернем выпуске «Ньюс» фотография Эллен Гаррис появится на первой странице вместе с просьбой сообщить об этой женщине все, что кому известно. Вам не удастся уклониться, Джин. Однако если вы сейчас согласитесь отправиться вместе со мной к Питеру Пэйнтнеру, то ваши шансы на то, что все останется между нами, возрастут. Он настолько терпеть меня не может, что, если я вас к нему притащу, сделает все возможное, чтобы доказать вашу невиновность. Так что поедемте к нему. К тому же у вас просто нет другого выхода,— мрачно закончил Шейн, вставая.— Либо

одевайтесь и поехали со мной, как полагается у добропорядочных граждан, либо я сейчас же вызову полицейскую машину, и она увезет вас обоих.

Глава 10

Питер Пэйнтер заставил всех троих томиться в приемной по крайней мере минут пятнадцать. Шейн сидел на стуле чуть поодаль от парочки и спокойно курил.

Блэйк и Пегги вовсе не казались испуганными или растерянными. Конечно, им не по вкусу было то, что Шейн привез их сюда, но это вполне понятно. Он и сам чувствовал бы себя не особенно приятно в подобной ситуации.

Шейн мысленно перебрал все детали рассказа Блэйка о вечере понедельника и был склонен поверить ему... Кассир, конечно, запомнил, что передал Блэйку пакет фишек для участия в игре, запомнил он и какую сумму Блэйку возвратил. Один из крупье непременно припомнит удивительной красоты блондинку, которую привел с собой Блэйк и которая бросила его в тот же вечер ради другого мужчины. Поскольку крупье мог более внимательно наблюдать за ними — они играли за его столом,— то он вполне сможет дать более или менее определенную информацию, знали они друг друга раньше или же познакомились за игорным столом.

Пока что это был самый интересный момент в истории, рассказанной Блэйком. Если эта встреча была подготовлена заранее, еще до приезда в Майами, если это было, попросту говоря, свидание, то зачем столько дополнительных хлопот, зачем идти окольными путями?

Шейну пришел в голову только один разумный ответ на этот вопрос. Если она считала, что за ней следят, тогда вся эта история знакомства с Джином в баре приобретала смысл. В противном случае, все было непонятно, ведь она приехала в Майами совершенно одна и две недели могла распоряжаться собой как угодно. Им только и дела было, что встретиться в каком-то условном месте, ей ведь был заранее заказан номер в отеле «Бич-Хэвен», билет на самолет она тоже взяла заранее, и был известен день ее прибытия в Майами...

Однако, разумеется, вполне возможно, что правильный ответ — самый простой. Может быть, она и в самом деле хотела выехать в город, но часа через два Джин Блэйк наскучил ей.

Может быть и так, что она на самом деле увлеклась тем парнем, с которым познакомилась у рулетки.

Тогда случайного знакомого отыскать будет много сложнее, чем если о встрече было заранее условлено.

Молодой полицейский, приоткрыв дверь, просунул голову в приемную.

— Шеф ждет вас, мистер Шейн, — сказал он.

Шейн поднялся, кивнул парочке, и они вместе вошли в кабинет Пэйнтера.

Шеф сыскной полиции раздраженно поднял голову от стола, заваленного бумагами. Это был невысокого роста полный человек с очень черными, тонкими, словно нарисованными карандашом усами.

— В чем дело, Шейн? — проворчал он. — Я очень занят.

Шейн сказал:

— Я привел сюда двоих, они хотят сделать заявление относительно миссис Гаррис.

— Гаррис? — фыркнул Пэйнтер. — Эта женщина из Нью-Йорка, которая не ночевала в отеле пару ночей? Вам-то какое дело до нее?

— Та самая женщина из Нью-Йорка, которая исчезла в понедельник, — поправил его рыжий детектив. — Меня нанял ее муж, чтобы я разыскал ее.

— Он пошел к вам? — Голос Пэйнтера задрожал от бешенства. — После того как я его заверил, что все возможное будет сделано? Почему это?

— Возможно, — скромно сказал Шейн, — потому, что у меня есть определенная репутация, меня считают одним из лучших специалистов страны в нашем деле.

— Кто это так считает?

— Мистер Гаррис, — ответил Шейн. Он пожал плечами и невинно усмехнулся. — Я подумал, что, может быть, это вы ему меня рекомендовали, Пит, потому что он пришел ко мне прямо от вас.

— Я ничего ему не говорил. Кроме того, что у нас намного больше возможностей заниматься такими делами, чем у частного детектива.

— Ну и что же вам дали ваши возможности?

— Пока ничего особенного... Мы установили, что вечером ее увез из бара Бич-Хэвен-отеля какой-то красноречивый жиголо. Это было в понедельник, она, видимо, собиралась осмотреть окрестности. Разумеется, сейчас мы разыскиваем машину, которую она арендовала, и я уверен, что как только мы ее найдем, то сразу же обнаружатся и сама дамочка, и ее возлюбленный.

Шейн пожал плечами и кивнул на Блэйка и Пегги, которые стояли, прижавшись друг к другу и дожидаясь, пока на них обратят внимание.

— А это и есть ваш красноречивый жиголо, Пэйнтер. Рядом с ним стоит его возлюбленная, по крайней мере, на настоящий момент. Вы хотите, чтобы они сделали заявление, или нет?

Питер Пэйнтер проглотил вырвавшееся было у него ругательство. Его черные глаза сверкнули, когда он обратил свой взгляд на Джина и Пегги.

— Олл-райт, Шейн, — сказал он приглушенным голосом. — Где вы их откопали и как?

— Воспользовался собственными возможностями. Вы хотите, чтобы я побыл здесь, пока они будут рассказывать, что им известно о миссис Гаррис? Кстати, — добавил он, — насколько я понимаю, Гаррис оставил вам фото своей жены, другое, не то, что он принес мне. Пожалуй, неплохо было бы, если бы они опознали ее на той фотографии тоже.

— Я вполне в состоянии сам решать, как мне проводить опознание, — проворчал Пэйнтер, нажимая кнопку на своем столе.

Когда в комнату вошел молодой полицейский, он сердито крикнул:

— Достаньте свой блокнот и запишите показания, Питерс!

Шейн отошел в дальний угол комнаты и опустил на стул. Когда стенографист приготовился, Пэйнтер ткнул пальцем в Блэйка.

— Ну, начинайте вы. Подойдите ближе и расскажите все, что вам известно о миссис Гаррис. Назовите сначала свое полное имя, адрес и род занятий.

Блэйк назвал свое имя и адрес, потом, поколебавшись с минуту, добавил:

— Род занятий... продавец... в настоящее время безработный.

Пэйнтер выдвинул ящик стола, извлек оттуда фотографию размером 8x10 и положил перед ним.

— Вы узнаете эту женщину?

Блэйк внимательно посмотрел на фотографию и кивнул.

— Я встретил ее в коктейль-холле «Бич-Хэвена» в понедельник вечером, и она сказала мне, что она миссис Эллен Гаррис из Нью-Йорка.

Пэйнтер кивнул и откинулся на спинку кресла.

— Продолжайте. Расскажите, что было дальше.

Пэйнтер выслушал Блэйка молча. Потом он стал подробно расспрашивать его о мужчине, с которым Блэйк оставил Эллен в «Серой Чайке», и о том, как они с Пегги пришли к соглашению улечься в одну кровать, и все его презрение к женщине стало очевидным. Когда Пэйнтер начал допрашивать Пегги, он, казалось, не мог сдержать своего презрения ко всем женщинам вообще.

Но она отвечала на его едкие вопросы с великолепным самообладанием, сразу же дав ему понять, что ее личные дела не касаются никого на свете, и Пэйнтеру пришлось успокоиться. Она заявила, что ее зовут Маргарет Голд, что она разведена и живет на алименты, которые выплачивает ее бывший супруг, крупный бизнесмен из Балтимора. Прежде чем встретиться с Джином Блэйком, она прожила в отеле «Фонтенбло» три дня, во вторник днем переехала в «Сиспрей», где они поселились вместе с Джином как миссис и мистер Блэйк.

Мужчину, с которым познакомилась Эллен Гаррис в понедельник вечером, она не разглядела.

Пэйнтер издал недовольное ворчание, когда она закончила, и приказал:

— Подождите в приемной вы оба. Нужно отпечатать ваши показания. Потом вам придется принести присягу и подписать их.

— А потом мы сможем уйти, шеф? — с надеждой спросил Блэйк.

— Обрато к себе в номер, чтобы дальше предаваться утехам? — взорвался Пэйнтер. — Не знаю. Насчет этого есть строгий закон. Решу после, а пока что выйдите и подождите, пока вас снова не позовут.

Когда они вышли, и стенографист отправился печатать их показания, Пэйнтер снова обратился к детективу:

— Какие-нибудь несоответствия были в их показаниях?

Шейн покачал головой.

— Все в точности, как они мне рассказали раньше.

Пэйнтер пригладил ногтем большого пальца усики и промурлыкал:

— Не думаю, чтобы это нам как-то помогло. После их рассказа еще больше кажется, что миссис Гаррис приехала сюда с вполне определенным намерением, так она стремилась подцепить первого попавшегося парня. Этот Блэйк просто был не в ее вкусе, вот она и поменяла его на другого при первой возможности.

— Может быть, может быть,— сказал Шейн, встал со стула и сладко потянулся.— На этот раз вы не можете сказать, что я не сотрудничаю с полицией. Надеюсь, что вы мне оплатите тем же.

Но прежде чем Пэйнтер успел ответить, раздался легкий стук в дверь, и вошел один из агентов, неся в руках свежий выпуск «Ньюс».

— Видели вы это, шеф?!

Он торопливо развернул газету перед Пэйнтером. Шейну оттуда, где он стоял, видна была большая фотография Эллен Гаррис, напечатанная на первой странице.

Детектив направился к двери и уже начал ее открывать, когда Пэйнтер окликнул его дрожащим от бешенства голосом:

— Шейн! Какого дьявола...

Шейн, не оборачиваясь, распахнул дверь, вышел и плотно прикрыл ее за собой. Прежде чем решить, что делать дальше, он из телефонной будки позвонил Люси Гамильтон, чтобы узнать у нее, не объявился ли Джим Гиффорд из Нью-Йорка.

— Еще нет,— сказала она взволнованно.— Но только что звонил Тим Рурк. Газета вышла полчаса назад, а они уже нашли машину миссис Гаррис. Она стоит на стоянке у Бич-Хэвен-отеля, позади всех машин. Тим уже поехал туда.

— Я тоже еду туда, милая.— И он помчался.

Глава 11

Когда Майкл Шейн добрался до отеля, вернее, до стоянки машин, он нашел там Роберта Мерилла с каким-то молодым человеком, который оказался служащим стоянки.

— Эд сначала позвонил в редакцию «Ньюс», а потом рассказал все мне,— объяснил Мерилл.— Я полагаю, вы знаете, что редакция предложила вознаграждение в пятьсот долларов за информацию о машине. Как только Эд прочитал объявление, он сразу же понял, что именно такой автомобиль уже несколько дней стоит на стоянке у отеля. Он проверил номер автомашины. Я вызвал полицию, — добавил Мерилл, — и позвонил в фирму, где этот автомобиль арендован, чтобы они прислали своего человека с запасными ключами. Багажник и дверцы заперты крепко-накрепко, автомобиль так и стоял здесь все время. Чертовская штука.

— Он стоит здесь с понедельника? — спросил Шейн у парня.

— Наверняка не знаю. Я просто вдруг заметил, что он здесь стоит, понимаете? Может быть, я его заметил раньше, но сам не отдавал себе в этом отчета. Я не могу сказать, сколько времени эта машина стоит на стоянке, но точно знаю, что ни разу не видел, чтобы она выезжала отсюда или въезжала.

— У нас на стоянке нет дежурного с шести вечера до восьми утра,— пояснил Мерилл.

— Если в это время кому-то из гостей понадобится взять машину со стоянки либо поставить ее туда, это делает рассыльный или сам гость.

Потрепанный «седан» Рурка появился как раз в этот момент. Репортер вылез из машины с широкой улыбкой на лице.

— Какова сила печати, а? — приветствовал он Шейна.— И пятидесятидолларовой награды?

Он привез с собой фотографа и поэтому быстро добавил:

— Я бы хотел сделать пару снимков, пока не появился Пэйнтер. Это вы звонили в редакцию о вознаграждении? — обратился он к служащему стоянки.

— Да, сэр. Меня зовут Эд Бигл.

— Я Рурк из редакции «Ньюс».

Он сердечно пожал руку парню.

— Которая из этих машин? Как насчет того, чтобы я щелкнул вас позади автомобиля? А вы при этом будете указывать на табличку с номером.

— Ну, конечно. Вот она.— Эд показал на кремовый «пontiак» с поднятым верхом.

Рурк поставил парня позади автомобиля и приготовился к съемке. Шейн подошел к ним, заметив, как в облаке пыли к стоянке подкатила машина Пэйнтера.

Шейн заглянул в окошко внутрь кабины, но ничего не увидел. Потом обошел машину сзади и остановился перед багажником. Слабый ветерок донес до него неприятный запах, и Шейн поморщился.

Детектив бросил взгляд через плечо и увидел, что к нему направляются Пэйнтер и Мерилл, тогда он торопливо подошел к Рурку и сказал:

— Попроси твоего фотографа, чтобы он встал возле багажника, когда сюда принесут ключи. Пусть он сделает снимок. Хотя Пэйнтеру это и не понравится, но ведь это ты нашел машину.

— Господи,— сказал Рурк,— а с чего ты решил...

— Пойди и принюхайся сам,— сказал Шейн репортеру.— Четыре или пять дней на каком солнце...

Он замолчал и отошел в сторону.

— Это вы нашли машину? — обратился Пэйнтер к служащему. — Почему вы сначала позвонили в газету, а не в полицию?

— Ведь это газета предложила вознаграждение, а не полиция, — ответил тот.

— Вы были здесь все время и даже не заметили машину? Или же вы просто скрывали, что видели ее, пока не узнали о вознаграждении?

Парень нервно переминался с ноги на ногу, потом бросил взгляд на Мерилла, ища поддержки.

— В мои обязанности не входит сообщать в полицию о машинах, если на них есть квитанция отеля. Я не то что бы не замечал машину, просто вспомнил о ней тогда, когда прочитал в газете...

Пэйнтер отвернулся, негодуяще фыркнув, так как подъехала еще одна полицейская машина, из которой вышли два техника в форме.

— Снимите отпечатки с ручек дверцы. Вы сказали, что едут представители фирмы с ключами? — обратился он к Мериллу.

— Они должны быть с минуты на минуту.

— Гаррису уже сообщили? — вступил в разговор Шейн.

— Кстати, как это вы здесь очутились так быстро, Шейн? — спросил Пэйнтер. — Может быть, у вас все было заранее договорено с Рурком. Почему это вы так поспешно ушли из моего кабинета, как только мне принесли «Ньюс»? Помчались прямо сюда, не так ли?

— После того как моя секретарша передала мне сообщение Тима, — ответил Шейн. — Так знает он, Мерилл?

— Гаррис? Нет, но, наверное, надо ему сообщить. Эд, сходи позвони швейцару, чтобы он передал мистеру Гаррису просьбу спуститься сюда.

Парень побежал к телефону, а к стоянке подъехал маленький грузовичок-пикап. Из него вылез человек в белом комбинезоне.

— Это вам нужны ключи от «пontiака»?

— Сюда, пожалуйста, — официальным тоном произнес Пэйнтер. — Отоприте дверцы и багажник этого автомобиля, но только не касайтесь поверхности руками. У вас установлен счетчик на машине и есть показания спидометра?

— Да, мы сняли их в понедельник, прежде чем отправить машину.

Шейн отошел и встал рядом с Тимом Рурком, пока механик отпирал сначала правую дверцу, а потом перешел к левой.

Рурк стоял у багажника рядом с фотографом в напряженном ожидании.

— Черт меня возьми, ты прав. — пробормотал он. — Можешь ты их заставить отпереть багажник, Майкл?

Шейн подошел к одному из сотрудников технического отдела и спросил как бы между прочим:

— Вы не забыли снять отпечатки с ручки багажника? Его ведь тоже придется открывать.

— Да, немедленно сделайте это, если еще не сделали, — отозвался Пэйнтер и, повернувшись к механику, приказал: — Потом откройте багажник.

На ручке багажника отпечатков не оказалось, и, когда эксперт отошел, фотограф «Ньюс» поднял камеру и приготовился снимать. Механик отпер багажник, поднял крышку и с проклятием отступил назад — из багажника вырвался отвратительный запах гниющей плоти.

Фотограф успел щелкнуть аппаратом: в багажнике лежал скрюченный труп молодой женщины. На ней было красное вечернее платье, подол которого завернулся к самой груди, открывая длинные ноги, стройные и сильные. Женщина была блондинкой.

Но это, пожалуй, и все, что о ней можно было сказать, потому что лицо ее кто-то настолько изуродовал, что опознать ее практически не представлялось возможным.

Шейн услышал позади себя торопливые шаги, повернулся и увидел, что прямо к ним бежит Герберт Гаррис. Лицо его было пепельно-серым, галстук сбился набок.

Шейн сквозь зубы выругался, двинулся навстречу бегущему и крепко схватил его за руку.

— Они нашли ее машину? — задыхаясь, выговорил Гаррис.

Он устремил испуганный взгляд на багажник, вокруг которого стояло с полдюжины человек.

— О боже, боже...

— Боюсь, что ее нашли, мистер Гаррис. — Шейн крепко держал его за руку, в эту минуту он проклинал свою работу. — Возьмите себя в руки, вы можете после опознать ее. Сейчас же...

— О боже... — простонал Гаррис, увидев, что лежит внутри багажника.

Он прислонился к Шейну, когда до него долетел отвратительный запах, закрыл глаза и потерял сознание.

Шейн едва успел подхватить его.

— Это Эллен? — спросил Гаррис через секунду, еще не открыв глаза. Его вырвало прямо на землю. — Это... моя жена?

Шейн отвел его в сторону и резко сказал:

— Мы еще не знаем, возможно, это она. Давайте, не стесняйтесь, можете еще поплевать, а потом попробуем провести опознание.

— Со мной все в порядке,— хрипло сказал Гаррис, и по телу его вновь пробежала судорога. Он взял себя в руки и отодвинулся от Шейна. Детектив услышал глухое рыдание.

К ним подошел Питер Пэйнтер и официально спросил:

— Это ваша жена, мистер Гаррис? Вы узнаете ее?

— Кто же мог бы... узнать ее? — выкрикнул Гаррис голосом, полным муки.— Могли бы вы опознать свою жену, если бы она так выглядела?

Шейн осторожно опустил содрогающееся тело на землю и сказал с укором:

— Ради всего святого, Пит. Оставьте его сейчас в покое. Опознание можно провести позже.— Он кивком подозвал Мерилла и добавил: — Отведите его обратно в номер и вызовите к нему доктора.

Глава 12

Часом позже Майкл Шейн и Тимоти Рурк сидели рядом на диване в квартире Люси Гамильтон, все еще дожидаясь телефонного звонка из Нью-Йорка от Джима Гиффорда. Люси опытной рукой смешивала коктейль. Быстро разогрев на кухне еду, она вернулась в комнату, уютно устроилась в кресле, поджав под себя ноги, и спросила с любопытством:

— Неужели, Майкл, ты и вправду хочешь сказать, будто не уверен в том, что это миссис Гаррис?

Шейн взъерошил свои рыжие кудри и сказал:

— Уверен — это слишком сильное слово, Люси. Как можно быть в этом уверенным? Полицейские сомневаются. Никто ведь не может опознать женщину, у которой нет лица. Конечно, все указывает на то, что это труп миссис Гаррис. Но это-то меня и беспокоит. Когда я вижу труп, изуродованный до неузнаваемости, мне всегда приходит в голову, что это все специально подстроено, чтобы мы приняли этот труп за миссис Гаррис.

— Ты слишком быстро делаешь выводы, Майкл,— предупредил Рурк.— Арендванный автомобиль прошел только сорок две мили. Мы знаем, что миссис Гаррис поехала прокатиться, прежде чем появилась в баре «Бич-Хэвен»-отеля в семь часов вечера и подхватила там Джина Блэйка. Автомобиль, наверное, находился на стоянке с ночи понедельника. Вы знаете, медицинский эксперт считает, что труп поместили в багажник через пару часов после смерти женщины, до того как наступило трупное окоченение. Он указал и примерное время убийства: самое позднее вторник ночью... И как раз с того времени она исчезла. Кто же еще это может быть?

— Все это я знаю,— проворчал Шейн.— Но почему у нее так чудовищно изуродовано лицо?

— Разве нельзя провести идентификацию отпечатков пальцев? — спросила Люси.

— Пэйнтер, конечно, сделает это,— согласился Шейн.— Он очень педантичен во всем, что касается обычной полицейской рутины, и не делает скоропалительных выводов, что бы там ни говорили. Он спросил у Гарриса, не имеется ли официально снятых у его жены отпечатков пальцев, еще прежде чем мы доставили беднягу в отель и дали ему успокоительное. После того как Гаррис твердо заявил, что не имеется, Пэйнтер немедленно распорядился узнать адрес его квартиры в Нью-Йорке. Насколько я понимаю, у Пита завтра же утром будет полный комплект отпечатков пальцев погибшей. Тогда у нас появится полная уверенность.

Шейн допил свой коньяк, и Люси вскочила, чтобы наполнить его бокал.

— Сегодня утром,— сказала она задумчиво,— я решила про себя, что для Гарриса, может быть, и лучше, что все произошло именно так. Ты знаешь, что я имею в виду, Майкл... если бы он узнал... что она все это время спала с кем-то...

Шейн кивнул в знак согласия.

— Никогда заранее нельзя сказать, что было бы лучше для оставшегося в живых в такой ситуации. В то же время теперь, когда она умерла, вся эта история выйдет наружу. Все, что мне пока удалось о ней узнать, говорит о том, что она совсем не такая, какой представлял се себе муж. Эдакая сексуальная бабенка, которая готова подцепить первого же, кто на нее посмотрит. И Герберту Гаррису предстоит прожить с сознанием этого до конца своих дней.

Зазвонил телефон. Люси сняла трубку и сказала:

— Мистер Шейн как раз сейчас здесь, мистер Гиффорд, он ждет вашего звонка.

Шейн взял из ее рук трубку.

— Привет, Джим.

— Майкл, прости, что звоню так поздно, но я был занят очень важным делом. Сегодня ведь суббота, и людей не так-то легко поймать.

— Что ты раздобыл?

— Все только со знаком минус, Майкл. Ничего такого, что ты надеялся узнать о миссис Эллиен Гаррис. Она была очень красивой женщиной, но очень строгих правил. Мне удалось разыскать несколько манекенщиц, которые хорошо знали ее до замужества, и они меня заверили, что она никогда не была легкомысленной. Такие же сведения я получил от тех, кто знал ее после замужества. Похоже, что она очень любила своего мужа. Он был для нее всем на свете. Они не

вели светскую жизнь, но в узком кругу друзей считались счастливой парой. Боюсь, это не то, что ты хотел бы услышать, Майкл, но мне все же пришлось немало потрудиться. Кстати, эту Эллен Гаррис вы все еще не нашли?

— Нашли. Примерно час назад, Джим. Мертвую.

Джим Гиффорд воскликнул:

— О!

— Так что придется твоим ногам, Джим, еще поработать. Не знаю, что тебе удастся сделать в воскресенье, но на этот раз займись Гербертом Гаррисом. Его жена прибыла сюда в понедельник днем и, вероятнее всего, была убита поздней ночью. Так что выясни, где он провел ночь с понедельника на вторник. Проверь все, что возможно, относительно его личной жизни.

— Даже так... гм!...

— Так всегда бывает, когда убивают замужнюю женщину,— сказал Шейн резко.— Ведь тот парень, который ее убил, этим не ограничился. Он намеренно страшным образом изуродовал ее прекрасное личико.

— Что же, ладно,— заверил Джим.— Я сделаю все, что смогу.

— У тебя есть мой домашний телефон и телефон Люси. Кто-нибудь из нас будет завтра целый день ждать твоего звонка.

— Ага. Передай привет Люси. Мой самый горячий, сердечный привет,— хихикнул Джим.— Что она готовит сегодня на обед?

Шейн нахмурился и посмотрел на телефон.

— А с чего ты это вдруг надумал спрашивать?

Джим снова хихикнул.

— Да мне отсюда слышен запах. Отличные бифштексы, а, Майкл? Помнишь, какими бифштексами угощала она нас пять лет назад? Я до сих пор не могу забыть вкуса того чесночного соуса. Так и передай Люси, Майкл. Счастливо тебе,— и он повесил трубку.

Шейн отвернулся от телефона, покачал головой.

— Ты сказала, что у тебя что-то разогревается в духовке, Люси? Что именно?

— У меня остались от обеда свиные отбивные. Я собираюсь приготовить их под чесночным соусом. Чему ты улыбаешься, Майкл? — негодуя спросила Люси.

Шейн ничего не ответил, вместо этого он повернулся к Рурку.

— Придется тебе написать все, как есть, Тим. Джиму Гифорду ничего не удалось раскопать в прошлом Эллен Гаррис.

— А теперь,— вмешалась с негодованием Люси,— ты еще заставил его копаться в личной жизни мистера Гарриса. Иногда, Майкл, я просто удивляюсь, как это я могу работать вместе с тобой.

— Судя по тому аромату, который доносится из кухни, тебе лучше заняться соусом прямо сейчас,— сказал он вкрадчиво.— Заглянешь ко мне утром, Тим,— добавил он, видя, что репортер покончил со своей выпивкой и собирается уходить.

Тим Рурк пообещал связаться с ним утром, поблагодарил Люси за коктейль и ушел.

Глава 13

Майкл Шейн в тот вечер не поехал обратно в Майами-Бич. Он не сомневался, что теперь, когда у Пэйнтера на руках оказался труп, тот отправит своих людей в «Серую Чайку», чтобы проверить рассказ Блэйка и установить, кто же был этот человек, который, по словам Джина, заинтересовал Эллен.

Шейн засиделся у Люси, поэтому проспал в воскресенье до полудня. Было уже довольно поздно, когда он поднялся с постели и пошел на кухню готовить кофе, прихватив по дороге торчавшую в дверях утреннюю газету.

В газете он нашел коротенькую заметку о том, как был обнаружен труп, несколько деталей заинтересовали Шейна. Сумочки у убитой женщины не нашли и на машине не обнаружили абсолютно никаких отпечатков пальцев. По словам мистера Гарриса, на руке убитой недоставало обручального кольца с бриллиантами, кроме того, он сообщил, что его супруга отбыла из Нью-Йорка, имея при себе триста долларов наличными и кредитную карточку. О том, что убитую невозможно было наверняка опознать, упоминалось лишь мимоходом.

В заметке приводилось также заявление Пэйнтера: по его мнению, это убийство с целью ограбления, правда, шеф полиции не объяснил, зачем убийца изуродовал лицо своей жертвы. Далее репортер сообщил, что миссис Гаррис покинула отель в понедельник вечером в сопровождении мужчины по имени Джин Блэйк; казино «Серая Чайка» не упоминалось.

В заключении говорилось, что Майкл Шейн, известный детектив из Майами, взялся за расследование этого убийства и работает в тесном контакте с полицией Майами-Бич.

Шейн в глубокой задумчивости отложил газету и подошел к кухонному столу, чтобы налить себе кофе. Он добавил в чашку коньяк и поудобнее устроился в кресле.

Зазвонил телефон. Взволнованный мужской голос попросил Майкла Шейна. Шейн ответил. На том конце провода немного помолчали, потом мужчина торопливо произнес:

— Утренние газеты сообщили, что вы помогаете в расследовании убийства миссис Гаррис. Это верно?

— Да.

— В таком случае я должен немедленно повидаться с вами. Это очень важно. Я... мне нужно кое-что сообщить. Могу я приехать прямо сейчас?

Шейн назвал ему свой адрес, потом задумчиво опустил трубку на рычаг. Допив кофе, принял ванну и побрился. Он как раз заканчивал свой туалет, когда раздался стук в дверь.

Шейн распахнул дверь, перед ним стоял страшно взволнованный и испуганный мужчина лет сорока, довольно плотного сложения с совершенно незапоминающимися, невыразительными глазами.

На нем был аккуратный темный костюм, белая рубашка и шелковый галстук.

— Мистер Шейн,— сказал он,— мне очень неловко беспокоить вас дома, но... я должен обязательно переговорить с вами. Мне отчаянно нужен ваш совет. — В руках он нервно теребил шляпу из коричневой соломки.

— Входите,— сказал Шейн,— присаживайтесь. Чашечку кофе?

— Нет, благодарю, я уже пил сегодня кофе. Меня зовут Джон Дж. Бенджамин, из Детройта. Я провожу свой отпуск в Майами-Бич... вместе с женой... Я...

Он опустился в кресло и судорожно стал хватать ртом воздух, потом поднял на Шейна испуганные карие глаза и, словно наконец решившись, сказал:

— Я располагаю информацией о миссис Гаррис, которую следует сообщить полиции. Со вчерашнего дня, как только я увидел ее фото в газете, я понимаю, что мне необходимо явиться в полицию, но я все еще надеялся... — Он замолчал и скорбно покачал головой. — Но с той минуты, как я узнал, что ее убили в понедельник ночью, я совершенно потерял покой. Я вам хорошо заплачу, мистер Шейн, очень хорошо, если вы сможете устроить так, чтобы та информация, которой я располагаю, стала известна полиции, но меня бы не впутывали в эту историю.

— Я вам ничего не могу обещать, пока не узнаю, в чем дело.

— Ну, конечно нет... Я на это и рассчитываю... Я видел ее в понедельник вечером, мистер Шейн. В «Серой Чайке». Это казино в Майами-Бич. Вообще-то я не игрок, мистер Шейн, но в отпуске... К тому же в тот вечер моя жена себя неважно чувствовала. Я не из тех, кто легко знакомится с посторонними женщинами, — добавил он со смущенной улыбкой, — но в тот вечер я был совершенно один, а она казалась необыкновенно привлекательной. Мы играли за одним столом в рулетку... по маленькой... Она первая со мной заговорила. Если бы это была женщина другого типа, я нашел бы ее слишком развязной, но она была настоящая леди по манерам и по всему виду... К тому же атмосфера в таких заведениях не такая уж строгая...

Он замолчал и взволнованно посмотрел на детектива, ища сочувствия.

Шейн сказал с легкой улыбкой:

— Я вас понимаю. Я знаю, как это случается. Расскажите, что было дальше.

— Ну, мы с ней просто разговаривали, она мне сообщила, что она миссис Гаррис из Нью-Йорка... У нее на пальце было обручальное кольцо с бриллиантами, точно такое, как описано в газете... И она упомянула с некоторой грустью, что идея отправить ее одну на курорт, чтобы она развеялась, принадлежала целиком ее супругу, ну, а раз так, так она собирается этим воспользоваться.

Я не мог удержаться, чтобы не заметить, что, если бы я был женат на такой красотке, как она, я бы ее держал дома взаперти. Вообще-то я не хочу сказать, что миссис Бенджамин непривлекательная женщина, — перебил он сам себя, — но она совсем в другом роде. Во всяком случае, миссис Гаррис призналась мне, что сегодня вечером познакомилась в баре с одним человеком, и он показался ей настоящим джентльменом, поэтому она приехала с ним в «Серую Чайку», но вскоре она поняла, что ошиблась, вы понимаете... Он вел себя с ней слишком свободно потому только, что она заговорила с ним в баре. И она очень мило попросила меня помочь ей отделаться от этого человека, если я не возражаю, и я ответил ей, что буду счастлив помочь ей. Когда он в очередной раз подошел к нашему столу, она едва отвечала ему и сделала вид, что очень интересуется мной, и даже заговорила со мной тихим голосом, который звучал интимно, мне кажется, во всяком случае, он ее правильно понял, и вскоре после этого мы увидели, что он уходит с другой женщиной. Миссис Гаррис засмеялась и сказала, что эта уж точно утешит его, а потом добавила, что ей надоела рулетка, и предложила поехать куда-нибудь еще.

— Как выглядел тот мужчина? — спросил Шейн, когда Бенджамин замолчал.

— Знаете, самоуверенный тип из тех, которые привыкли нравиться женщинам, настоящий жиголо. Это, правда, старомодное слово, но могу поспорить, что он живет на средства одиноких женщин, которые хотят получить немного удовольствия. Он был высокий, загорелый, по-моему, волосы у него черные.

Шейн кивнул.

— А потом вы с миссис Гаррис тоже ушли?

— Очень скоро после этого. Мы обменялись нашими фишками... У нее осталось около сорока долларов из пятидесяти, с которыми она начала игру, я проиграл немного больше — тридцать два доллара. Впрочем, это для меня совершенно неважно, я могу себе это позволить, — добавил он поспешно. — Она сказала, что у нее есть автомобиль, а я здесь без машины, поэтому мы вместе спустились вниз. Машину подогнали к подъезду — кремовый «пontiак» с опущенным верхом. Она попросила поднять верх, потому что становилось прохладно, и сама села за руль. Поскольку она не знала Майами-Бич, я предложил ей поужинать в небольшом отеле, неподалеку от того, в котором я живу сам. Там у них есть очень уютный зал, где до самой полуночи подают отличную еду, он называется «Мирабель».

Бенджамин замолчал, Шейн кивнул в знак согласия.

— Я там обедал пару раз. В «Мирабели» великолепные фирменные блюда.

— Да... так вот... Я вовсе не пытаюсь оправдать себя, мистер Шейн. Я хочу быть совершенно честным. Возможно, в том, что случилось, отчасти и моя вина. Но она все время так по-дружески вела себя, и, как мне показалось, я ей немножко понравился... К тому же я довольно много выпил в тот день. Я сидел рядом с ней на переднем сиденье и обнимал ее за плечи, а она так очаровательно смеялась и поощряла меня, поворачивая ко мне улыбающееся лицо, и даже однажды погладила меня по щеке, когда мы остановились перед светофором. И она так мило сказала мне, что я совсем не похож на того, другого, и что ей так хорошо со мной, ведь она

чувствует себя в полной безопасности в моем обществе. И я, уверяю вас, так оно и было на самом деле, мистер Шейн,— добавил он серьезно. — Я и в самом деле, кроме как поужинать в обществе очаровательной женщины, ни на что не рассчитывал. Но она... она, вероятно, не так меня поняла... Я так до сих пор и не пойму. Все это было для меня совершенно неожиданно и просто потрясло меня.

Он замолчал, озадаченно покачивая головой.

— Что именно? — спросил Шейн.

— Когда мы доехали до стоянки перед «Мирабелью», я вышел из машины. Служащий подошел, чтобы помочь выйти миссис Гаррис. Но едва он успел взяться за ручку дверцы, как она вдруг дала полный газ, рванула с места и умчалась, оставив меня, совершенно ошарашенного, на стоянке. Там как раз поворот направо, она исчезла в мгновение ока. Я чувствовал себя как последний идиот. Служащий стоянки и швейцар молча смотрели на меня во все глаза и, наверное, в душе посмеивались надо мной. Что же, я сделал хорошую мину при плохой игре,— выдавил он грустный смешок.— Ох уж эти женщины! Швейцар предложил мне найти такси, но я сказал, что это ни к чему, ведь мой отель всего в трех кварталах оттуда, и пошел домой пешком...

— И это был конец вашего приключения? — спросил Шейн.— Больше вы миссис Гаррис не видели?

— Конечно, нет,— твердо ответил детройтец. — Она просто растворилась в ночи. Разумеется, я не стал ничего говорить жене. Но еще со вчерашнего дня, когда я увидел в газете ее фото и узнал, что она исчезла, я понял, что мне необходимо явиться к властям и рассказать всю эту историю.

Шейн кивнул.

— Да, это необходимо.

Он минутку молча сидел, обдумывая то, что услышал от Бенджамина.

Что заставляло Эллен Гаррис поступать таким образом? Сначала она охотно принимала знаки внимания со стороны первых попавшихся ей навстречу мужчин, а потом, как только события начинали развиваться должным образом, старалась отделаться от ухажеров. Как будто специально напрашивалась на то, чтобы кто-нибудь размозил ей кирпичом голову в порыве бешенства.

Шейн покачал головой и подумал о мистере Бенджамине и его жене. Если вся эта история — правда... а Шейн считал, что так оно и есть... то этот человек совершенно ни в чем не виновен. Просто он сделал один крохотный шагок в сторону со своей прямой дорожки, и вполне возможно, что ему придется за это расплачиваться.

— Неужели мне придется отправиться в полицию к мистеру Пэйнтеру? — убитым голосом спросил Бенджамин.— Это будет просто пытка. У меня нет никакого опыта в обращении с полицией.

— Для вас будет лучше явиться в полицию самому, чем дожидаться, пока вас отыщут, — сказал Шейн.— Понимаете, у них есть описание вашей внешности, и в настоящий момент полиция охотится за вами по всей Майами-Бич.

— О боже,— лицо Бенджамина стало пепельным.— Вы хотите сказать, что меня арестуют и отправят в тюрьму?

— Во всяком случае, вы будете под арестом, пока ваш рассказ не проверят во всех деталях,— Шейн подергал себя за мочку уха.— Если бы я полностью удостоверился, что вы рассказали мне правду, то не думаю, что полиции так уж необходимо знать ваше имя. Мы можем сообщить властям о том, что миссис Гаррис в ту ночь побывала возле «Мирабели» и уехала оттуда одна — думаю, что тогда Пэйнтер потерял бы к вам всякий интерес.

— Не могли бы вы это устроить? — обрадовался Бенджамин.

— Как вы думаете, швейцар в «Мирабели» вспомнит это происшествие?

— Я уверен в этом, мистер Шейн. И служащий стоянки тоже должен помнить, как она избавилась от меня... Это было настолько очевидно... И я был так обескуражен... Они не расхохотались только из вежливости, но я уверен, что потом они прошлись на мой счет.

Шейн отыскал в телефонной книге номер отеля «Мирабель» и попросил к телефону Питера Менделя.

Через минуту в трубке послышался голос отельного детектива:

— Мендель слушает.

— Говорит Майкл Шейн. Как там у вас дела?

— У нас все тихо. Никаких шикарных блондинок, найденных в багажнике. Он был, казалось, очень доволен этим обстоятельством.

— Да? Поздравляю вас. Не можете ли вы побыстрее дать мне имена служащего автостоянки и швейцара, которые дежурили в понедельник вечером?

— Обождите минутку.

— Ну, конечно.

Шейн закурил сигарету.

Когда Мендель снова заговорил, голос его звучал встревоженно:

— На стоянке дежурил Дон Терстон. Он сейчас на месте. У дверей стоял Нед Браун. Могу дать вам его домашний телефон и адрес... послушайте, Майкл... в понедельник вечером? А?

Шейн усмехнулся и весело сказал:

— Боюсь, что именно по этому поводу.— Но сразу же успокоил Менделя: — Да нет, я не думаю, что «Мирабель» был связан с этим делом. Я сейчас приеду повидаться с Терстоном. Если узнаю что-нибудь такое, что вас касается, сообщу вам, прежде чем передать полиции.

— Благодарю, Майкл.

Шейн повесил трубку и обратился к Бенджамину:

— Если хотите, я отвезу вас на побережье, но высажу около вашего отеля. Если дело выгорит, то я не вижу причин, зачем еще кому-то знать, что вы замешаны в этом деле.

— Это было бы чудесно! Если бы вы только знали, что я перечувствовал с той минуты, как увидел ее фото в газете. Словно осужденный. А теперь вы обещали мне помилование.

— Не будьте так уверены в этом,— сказал Майкл, выходя вместе с Бенджаминем из дома.— Если мне не удастся получить решительное подтверждение вашего рассказа, вам придется пойти в полицию и все рассказать.

— Я понимаю.

За последние несколько минут мистер Бенджамин, казалось, обрел мужество и присутствие духа.

— Я заслужил это.

Шейн высадил его у отеля и сказал:

— Никуда не выходите и постарайтесь успокоиться. Я позвоню вам, как только выясню, как обстоят дела.

Он нажал на стартер и поехал в «Мирабель».

Как и описывал Бенджамин, к отелю «Мирабель» вела подъездная дорожка, в конце которой находилась стоянка. Служащий стоянки оказался невысокого роста человеком с приятной улыбкой. Он ловко распахнул дверцу машины Шейна.

— Ваше имя Дон Терстон?

— Да, сэр.

Служащий вопросительно посмотрел на Шейна.

— У меня к вам пара вопросов. Прежде всего, не припоминаете ли эту машину?

Он вынул фото из кармана и показал Терстону.

Терстон внимательно рассмотрел фотографию, глубоко вздохнул и сказал:

— Что ж, этот самый вопрос мучает меня со вчерашнего дня. Просто я не был уверен и хотел сначала поговорить с Недом Брауном, который в тот вечер дежурил у двери.

— В какой именно вечер?

— В понедельник, когда это случилось. Я знаю точно, потому что с того вечера мы с Недом больше не работали в одну смену.

— И что же произошло?

— Да смешная история приключилась. Часов в десять тут появился такой большой кремовый «понтак»... то есть, по-моему, это был «понтак», но наверняка я сказать не могу. За рулем сидела леди, с ней был мужчина. Нед открыл перед ним дверцу, он вышел, а я только собрался было распахнуть дверцу с ее стороны — и тут вдруг, ух ты! Черт меня возьми, если она не нажала на педаль обеими ногами, да так. что машину чуть ли не перевернуло, и понеслась прочь! А этот

самый бедняга остался стоять, разинув рот, на лице у него было до того смешное выражение, просто умора!

Терстон издал веселый смешок при этом воспоминании.

— Мы с Недом, конечно, старались не смеяться, и он даже спросил у того мужчины, не подать ли для него такси, но тот сказал, что не надо, что тут всего несколько кварталов до его отеля.

— За рулем была сама женщина? Именно та, которая на этой фотографии?

— Я не мог бы поклясться. Я ведь видел ее мельком, за рулем, когда она сорвалась с места как бешеная, чуть не вывихнула мне руку. Но с тех пор как в газете появилась эта фотография, у меня все время такое чувство, что это была именно она. Может быть, Нед лучше разглядел ее.

— Можете вы описать мужчину?

— Вроде могу. В нем не было ничего особенного.— Терстон подумал с минуту, потом дал примерное описание внешности, которое в разной степени могло подойти как Бенджамину, так и тысяче других мужчин.

Шейн поблагодарил его и сказал:

— Возможно, все это очень важно. Здесь непременно появится полиция, и вас с Брауном будут расспрашивать. Не пытайтесь ничего приукрашивать. Просто расскажите им все в точности так, как сейчас рассказали мне.

— Ну, конечно, но скажите, вы, часом, не Майкл Шейн, знаменитый детектив?

— Я действительно детектив и зовут меня Майкл Шейн.

— О-о-о, мои ребята просто ошалеют от радости, когда я им про вас расскажу. Они ведь каждый день по пятницам смотрят про вас сериал по телевизору, просто за уши не оттащишь, но только этот актер совсем не похож на вас!

Шейн усмехнулся, вернулся к машине, сел за руль и поехал в полицию.

Глава 14

На этот раз Шейна не заставили ждать в приемной, хотя Пэйнтер и приветствовал его довольно холодно.

— Ну, в чем дело на этот раз. Шейн?

Шейн пожал плечами и ответил:

— У меня имеется для вас кое-какая информация по делу Гаррис. И мне хотелось бы знать, каких вы добились успехов и получили ли заключение эксперта по вскрытию трупа.

Пэйнтер очень прямо уселся за столом, скрестив на груди руки.

— Дело Гаррис стало делом о насильственном убийстве. А такие дела в Майами-Бич находятся в моем ведении. До тех пор, пока миссис Гаррис была просто исчезнувшей женщиной, ее муж имел полное право нанимать кого угодно, чтобы за ней следили и искали ее. Сейчас другое дело. Я уже предупреждал вас, Шейн. Перестаньте совать свой нос в дела об убийствах в Майами-Бич. Если вам требуется информация, то можете читать газеты. Я приказал моим ребятам, чтобы они этот вопрос с вами не обсуждали.

Шейн небрежно заметил:

— Я думал, вам будет интересно узнать о человеке, с которым миссис Гаррис встретила в «Серой Чайке» в тот вечер.

— Мы уже знаем о нем. Я убежден, что он-то и есть убийца, и ожидаю его ареста с минуты на минуту.

Шейн скромно ответил:

— Вчера вы были точно так же убеждены, что как только вы найдете машину, то сразу отыщете и женщину и ее возлюбленного, так, кажется, вы выразились. Что ж, мы с Тимом Рурком нашли для вас машину...

Пэйнтер потер руки и усмехнулся.

— У меня работа, Шейн. И если у вас больше ничего нет...

— Я ведь сказал, что у меня есть информация, и я ее вам все равно выложу, хотите вы этого или нет.

— Что за информация? — раздраженно спросил Пэйнтер.— У нас имеются описание внешности убийцы и несколько свидетелей, которые могут его опознать.

Шейн медленно покачал головой.

— У вас ничего нет, Пит, кроме той ерунды, которую вы обычно скармливаете газетам.

— Да убирайтесь вы к дьяволу, Шейн!

Рыжий детектив оперся ладонями о стол Пэйнтера, наклонился вперед и внимательно посмотрел на шефа полиции.

— Если бы я не был сознательным гражданином и мне не было жаль вас, черт возьми, я бы тут же повернулся и ушел, а вы бы по-прежнему описывали круги по городу в поисках человека, который не имеет ни малейшего отношения к убийству...

— Послушайте, Шейн...

— Нет, черт побери, это вы послушайте меня! Пошлите парочку ваших людей в отель «Мирабель», чтобы они там побеседовали с дежурным на стоянке Доном Терстоном и швейцаром Недом Брауном, которые дежурили в понедельник вечером. Я это вам сообщаю совершенно бесплатно. Теперь я ухожу из вашей чертовой конторы, а когда приду в следующий раз, то приведу с собой настоящего убийцу и ткну вас в него вашей паршивой физиономией.

Шейн круто повернулся на каблуках и вышел, на щеках у него от гнева заходили желваки.

Только сев в машину, он настолько пришел в себя, что смог даже посмеяться над собой. Когда же он научится не позволять Пэйнтеру выводить себя из равновесия? Вражда между ними продолжалась уже многие годы, и стычки всегда оканчивались одинаково.

Остановившись у первого же телефонного автомата, он позвонил Бенджамину в отель.

— Это Майкл Шейн, успокойтесь,— сказал он,— все идет как надо. На вашем месте я бы постарался держаться подальше от «Мирабели», а в остальном, я думаю, вам не о чем особенно беспокоиться.

— Понимаю... я...

Шейн услышал, как низкий женский голос спрашивает Бенджамина, кто звонит.

Он быстро продолжал:

— Сколько вы еще пробудете в городе?

— Мы собирались побыть здесь неделю.

— Хорошо. Не уезжайте, не известив меня и не оставив адреса. Думаю, только один шанс из ста за то, что произойдет что-то неопределенное, но на всякий случай я должен знать, где вы.

— Конечно, я понимаю. Относительно гонорара...

— Бросьте...— сказал Шейн.— Мне достаточно было увидеть выражение лица одного полицейского, когда я ему выложил свою информацию.

Он повесил трубку с добрым чувством. Мистер Бенджамин вернется в Детройт, получит хороший урок и до конца своих дней останется самым верным мужем.

Глава 15

Майкл Шейн был один дома, когда поздно вечером к нему ворвался Тимоти Рурк с пухлой газетой в руках. Швырнув ее на стол перед Майклом, репортер драматически воскликнул:

— Читай все последние новости о деле Гаррис.

Майкл Шейн — частный детектив, которому был уплачен аванс мистером Гаррисом, чтобы тот отыскал его жену, устранился от расследования, как только труп м-с Гаррис был найден в багажнике арендованной ею машины.

В интервью представителям прессы шеф детективов Пэйнтер заявил: «Дело о насильственной смерти может находиться исключительно в ведении полиции, которая облечена соответствующей властью. За последние двадцать лет, в течение которых я возглавляю полицию в Майами-Бич, ни одно дело об убийстве не было завершено с посторонней помощью. Мы располагаем всеми возможностями для успешного раскрытия любого убийства, а тех граждан, которые желают тратить деньги на частных детективов, мы открыто предупреждаем, что лучше сразу выбросить их в туалет».

— Как тебе это нравится, Майкл?!

Рурк подошел к бару у стены, достал оттуда бутылку бурбона, проделав все это с дружеской непринужденностью своего человека в доме.

Шейн усмехнулся:

— Примерно ту же самую белиберду мне сегодня утром посчастливилось услышать из уст самого Питера. Есть какие-нибудь новости, Тим?

— Их полно.

Рурк вернулся к столу, неся за горлышко бутылку с виски и высокий бокал с кубиками льда.

— Например, известно ли тебе, что Пит установил, будто Эллен Гаррис бросила своего поклонника в тот же самый вечер, оставила его в «Мирабели» около десяти часов вечера. А после этого след ее таинственным образом обрывается.

— Как же он установил этот факт? — с любопытством спросил Шейн.

— Ты ведь знаешь Пита. Это обычная полицейская работа, как он говорит. Тебя не интересует рассказ швейцара из «Мирабели» и служащего автостоянки?

Шейн раздраженно отмахнулся.

— Я слышал его гораздо раньше, чем Пэйнтер. Лучше скажи, он на самом деле точно установил личность убитой?

Рурк кивнул.

— Когда он увидел, как страшно изуродовано ее лицо, его тоже стали мучить сомнения, как тебя. Он отослал отпечатки ее пальцев в Нью-Йорк, и там, побывав в квартире Гарриса, полиция выяснила, что убитая — это миссис Гаррис.

Шейн нахмурился и запустил обе руки в свою рыжую шевелюру.

— Он сообщил данные о вскрытии?

— Он передал их прессе.— Рурк указал на пачку листов.— Здесь все. Смерть наступила от пули, выпущенной прямо в сердце. Пистолет 39-го калибра. Пуля вошла в тело, не повредив платья, но это вполне могло случиться, поскольку вырез очень низкий. Но вот еще что, Майкл. Ее лицо было так жутко изуродовано уже после того, как ее убили.

Рурк потянулся в кресле со стаканом в руке и продолжал:

— Точное время смерти эксперт указать не может. Он считает, что под телом в багажнике не было никакой крови, а это значит, что труп сунули туда не менее чем через два часа и не позже чем через четыре часа после убийства. Что еще? Она ела салат из креветок примерно за два часа до смерти, а перед тем выпила довольно основательно.

Шейн нахмурился.

— Тим, мне кажется, что два обстоятельства противоречат друг другу. Если лицо ее и в самом деле было разбито после убийства, то это определенно похоже на попытку толкнуть полицию на ложную идентификацию. Отпечатки пальцев и в самом деле подтвердили, что это Эллен Гаррис?

— Если можно доверять нью-йоркской полиции, то да. Их рапорт не вызывает ни малейших сомнений. К тому же есть и другие указания на то, что личность ее установлена правильно. Не понимаю, почему ты сомневаешься, Майкл?

— Я и сам не знаю. Но мне все же очень не нравится то, что ее изуродовали после убийства. Это непременно что-то означает, Тим.

Шейн посмотрел на часы и пробормотал:

— Надеюсь, что Джим Гиффорд все же позвонит из Нью-Йорка.

— Ты все еще продолжаешь оплачивать междугородние переговоры? — невинно спросил Рурк.— А Пэйнтер сказал, что ты решил выйти из игры.

— Ты отлично знаешь, что я этого не сделаю. Послушай, а надеюсь, Пэйнтер проверил, действительно ли ее супруг выехал из Нью-Йорка в то время, которое он указал.

— Естественно. Когда убита жена, прежде всего проверьте мужа. Обычная полицейская процедура. Пэйнтер проверил все, что возможно. Гаррис действительно остановился в Чарльстоне в пятницу утром, у него была встреча с клиентом. Он выбыл из отеля к концу дня и при отъезде упоминал, что собирается ехать через Майами.

Шейн кисло кивнул и сказал:

— Он был бы дураком, если бы стал обманывать в таком деле. А мистер Гаррис может оказаться кем угодно, но он далеко не дурак.

— Ты все еще подозреваешь его?

— Я сам не знаю, Тим.

Шейн встал и начал мерить комнату крупными шагами, нервно ероша рыжие волосы.

— Очень многое зависит от того, что раскопает Джим Гиффорд.

Словно услышав его, зазвонил телефон.

Шейн взял трубку.

— Шейн слушает. Отлично, Джим, я ждал твоего звонка.

Он сел за стол, чтобы можно было записывать.

— Мне пришлось порядком потрудиться,— начал свой отчет Гиффорд.— Сам увидишь по счетам, которые я тебе вышлю. Для начала, если ты считаешь, что дело было сделано в Майами в понедельник или вторник, то этот парень чист. Я точно установил, что Гаррис никак не мог находиться в это время в Майами.

Шейн нахмурился.

— Ну, дальше.

— Дальше будет хуже, потому что насчет всего мне удалось кое-что выяснить. Миссис Гаррис по-прежнему чиста как стеклышко по отношению к своему мужу. Когда они поженились, то взяли страховку — каждый завещал другому сумму на сто тысяч. У меня есть основание подозревать, что сейчас они на нуле. Сегодня воскресенье, и поэтому, конечно, все мои сведения носят частный характер, но среди их друзей утвердилось мнение, что с деньгами дела у них обстоят более чем туго. Завтра я смогу выяснить все насчет кредита, которым располагает Гаррис. Если тебе потребуются эти данные.

— Что-нибудь еще?

— Да, кое-что есть. Опять-таки это только слухи и намеки, но вполне возможно, что тут замешана еще одна женщина. Его личная секретарша по имени Рут Коллинз. Мне удалось узнать, что она тоже блондинка, как и его жена, правда, не такая сногшибательная, но все же очень красивая. Я пытался связаться с ней, но она сейчас в отпуске. Уехала в прошлый понедельник на две недели в Катсхилл, на курорт. Завтра мне удастся разузнать побольше об этом служебном романе, если ты заинтересуешься.

— Конечно, Джим, наверняка. Потрать на это хоть все наши деньги и один день и, когда будет все готово, позвони мне. Особенно внимательно займись секретаршей. Если можно, съезди в Катсхилл, во всяком случае, непременно найди ее.

— Это я могу сделать сегодня вечером. У тебя нет пока никаких соображений, Майкл?

— Пока что известно только одно: сначала ее застрелили, а уж потом изуродовали ей лицо... Либо для того, чтобы затруднить опознание, либо кому-то оно просто очень не нравилось.

— Я понимаю,— сказал Гиффорд.— Поработаю над этим завтра и позвоню тебе. Будешь ты дома сегодня вечером, если удастся узнать что-нибудь насчет Катсхилла?

— Буду дома,— сказал Шейн и повесил трубку.

Задумчиво нахмурясь, он принялся вертеть в руках свой бокал.

— Что-нибудь стоящее? — спросил Рурк.

— Боюсь, что пока мы зашли в тупик.

Шейн рассказал репортеру о сотысячном страховом полисе и о том, что Гаррис находился на грани финансового кризиса.

— И к тому же у него, возможно, был роман с секретаршей. Черт,— прибавил Шейн ворчливо.— нельзя никому доверять. Я мог бы поклясться, что он совершенно искренне распинался о своей жене у меня в бюро. У него еще хватило нахальства спросить меня, любил ли я когда-нибудь по-настоящему...

Рурк пожал плечами.

— Похоже на то, что ответ на эту загадку окажется самым банальным.

— За исключением того,— фыркнул Шейн,— что Гаррис, по-видимому, совершенно чист. Если верить Джиму Гифорду, абсолютно исключено, чтобы он мог оказаться в Майами в понедельник, да и во вторник тоже. Ты ведь говорил, что эксперт датировал ее гибель в крайнем случае вторником?

— Не позднее вечера вторника, а скорее всего это случилось в понедельник.— ответил Рурк.— Может быть. Гиффорд просто упустил что-то. Ведь если у Гарриса все было заранее запланировано, то он непременно устроил бы так, чтобы иметь алиби на это время.

— Все могут ошибаться.— согласился Шейн, даже Джим Гиффорд. Но он очень опытный сыщик, и раз он так решительно стоит на своем, я подожду пока делать другие выводы.

Телефон снова зазвонил.

Рыжеволосый детектив снял трубку и сразу же удивленно переспросил:

— Джим?

— Да, Майкл,— голос Гиффорда звучал возбужденно.— Я подумал, что лучше сразу связаться с тобой снова, Майкл. Похоже на то, что мы напали наконец на какой-то след.

— Что случилось?

— Та самая Рут Коллинз, о которой я упоминал... Я позвонил в отель в Катсхилл, чтобы выяснить, не могу ли я повидать ее сегодня вечером. И... надеюсь, ты не стоишь, а хорошенько устроился в кресле? Ее там нет.

— Где же она?

— Один бог знает! Им это неизвестно. Они сказали, что она действительно забронировала у них номер примерно с месяц назад, как раз с этого понедельника, на две недели. Но она звонила из Нью-Йорка в пятницу и сказала, что отменяет свой заказ, поскольку ее планы изменились. Вот и все, что им известно!

— Будь я проклят! — не удержался Шейн.— Но ведь ты уже выяснил, что она уехала на этот курорт?

— Я говорил по телефону с девушкой, которая снимает вместе с Рут Коллинз квартиру в Вест-Сайде. Она-то и сказала мне, что Рут уехала в отпуск в Катсхилл. Я уже пытался снова дозвониться до нее, но пока к телефону никто не подходит.

Шейн мрачно сказал:

— Рут Коллинз надо найти непременно. Джим. И выясни, почему она отменила свой заказ на номер в Катсхилле, не сказав при этом ничего своей подруге по квартире.

— Счет возрастает, — с шуточной свирепостью предупредил его Гиффорд и повесил трубку.

Глубоко посаженные глаза Тима Рурка блестели от возбуждения, пока он слушал рассказ Шейна.

— Что я могу напечатать завтра в своем репортаже?

— Ни единого слова об этом, пока не свяжешься со мной. К тому времени у меня, возможно, будут еще какие-нибудь новости от Джима.

— Похоже, что-то начинает проясняться, — радостно сказал Рурк.

— Мне пока что ничего не ясно, — угрюмо возразил Шейн. — Все это какая-то белиберда, в которой следовало бы разбираться психологам, а не сыщикам.

— Пожалуй, да. И знаешь, нам лучше всего опрокинуть еще по стаканчику, тогда, может быть, мы тоже что-нибудь сообразим?

И Рурк потянулся за бутылкой.

Глава 16

Когда на следующее утро Майкл Шейн после ленча вернулся в свое бюро, Люси Гамильтон стучала на машинке и даже не подняла на него глаза.

Он прошел мимо нее в свой кабинет и замер от удивления: посредине его стола красовалась огромная картонная коробка.

Люси перестала печатать и вошла вслед за ним в кабинет. Шейн изумленно разглядывал наклейки на коробке, где стоял его адрес.

Когда Люси обратилась к своему шефу, в голосе ее звучала ирония:

— Поскольку никакого тикания я не услышала, то решила, что все в порядке. Если вы начнете заказывать спиртное прямо в бюро, то, на мой взгляд, вам лучше сразу же прикрыть его и перебраться в отель.

— Но я ничего не заказывал. Как эта штука попала сюда?

— Ее принес посыльный,— ласково ответила Люси.— После рождества прошло уже несколько месяцев, но дела агентства, как видно, идут неплохо, а?

Шейн обошел вокруг стола, остановился и взял в руки маленький квадратный конверт, прикрепленный к коробке клейкой лентой. Он вскрыл конверт, вынул из него карточку и с удивлением прочел:

— «С наилучшими пожеланиями от м-ра и м-с Джон Дж. Бенджамин».

Шейн усмехнулся и сказал:

— «Миссис», конечно, в скобках, могу поспорить, миссис Бенджамин тоже немало удивились бы, увидев эту коробку.

— Кто это — Джон Бенджамин?

— Очень добропорядочный джентльмен из Детройта, который за всю свою долгую безупречную жизнь один-единственный раз осмелился взглянуть в глаза женщины, показавшейся ему более привлекательной, чем собственная супруга... Вот кто такой Джон Бенджамин,— сказал весело Шейн.— Давай-ка вскроем. Что ты готова поставить против, если я скажу, что это домашний пирог?

Сильными пальцами он разорвал прочную бечевку, охватывающую коробку, и его глазам предстало несколько ровных рядов бутылок, аккуратно упакованных в белую бумагу. Шейн взял одну из них, сорвал прозрачную обертку и присвистнул от изумления:

— «Кордон Блю». Целая дюжина, черт возьми. Откуда это он узнал, что я буду чертовски рад такому подарку?

— Может быть, он прочитал об этом,— высказала предположение Люси.— Бретт Холлидей в нескольких своих книгах упоминал о твоём пристрастии к коньякам.

— Да, но я бы никогда не подумал, что этот Бенджамин может оказаться таким парнем... Впрочем, наперед угадать всегда трудно! Черт! Давай-ка попробуем!

Он начал раскупоривать бутылку.

— Майкл! Ты ведь только что вернулся после ленча и, готова поспорить, уже изрядно угостился.

— Ну, конечно, но только не «Кордон Блю»,— признался Шейн.— Знаешь что, придется нам потратиться на несколько хрустальных бокалов специально для этой штуки. Просто кощунство пить такой коньяк из бумажных стаканов.

— Я очень надеюсь, что ты не совершишь это кощунство прямо сейчас,— сладким голосом сказала Люси.— Вот завтра я куплю...

— Ну, уж не такой это большой грех,— перебил ее Шейн.

Он поставил бутылку на стол, подошел к шкафчику, достал два бумажных стаканчика и, вставив один в другой, осторожно наполнил до краев. С удовольствием вдыхая аромат коньяка, рыжий детектив отвесил шутливый легкий поклон:

— Благодарим вас, миссис Бенджамин.

Затем он серьезно сказал Люси:

— А теперь за работу. Свяжи меня с Бобом Мериллом из «Бич-Хэвен», ангел.

— Слушаюсь, мистер Шейн,— ответила Люси и вышла из кабинета.

Шейн задумчиво посмотрел ей вслед. Может, он и правда слишком много пьет в последнее время? Да нет. Ему, скорее, казалось, что он пьет слишком мало. Уже много недель он чувствовал себя отвратительно. У него по-прежнему бывали такие трудные дни и... Тут загудел зуммер аппарата, и Шейн поднял трубку.

Люси сказала:

— Мистер Мерилл на проводе, Майкл.

— Боб? — Голос Шейна звучал приветливо.

— Да, Майкл,— осторожно ответил шеф детективов отеля «Бич-Хэвэн».

— Ты помнишь, я просил тебя расспросить дежурного администратора и рассылного поподробнее? Что нового ты узнал?

— Я думал, ты больше не ведешь дело Гаррис, Майкл.

— Пит Пэйнтер тоже такого мнения. Но это не так, Боб. Так выяснилось что-нибудь?

— Ничего.— Голос Мерилла звучал холодно и официально.— Никаких доказательств того, что миссис Гаррис в тот вечер вернулась в отель живой и невредимой.

— Олл-райт, Боб. Только оставь, сделай милость, этот начальственный тон. Это ведь Майкл Шейн с тобой говорит, не забудь!

Он положил трубку и с наслаждением допил коньяк.

Тимоти Рурк ворвался к нему в кабинет, когда Майкл сидел, глядя на пустой стакан. Остановившись посреди комнаты, Тимоти сунул одну руку в карман и присвистнул:

— Люси сказала, что ты сегодня не в своей тарелке. Но не упоминала, что ты продолжаешь трудиться в поте лица.

Шейн широким жестом указал на картонную коробку.

— Небольшой знак признательности от одного клиента. У этого парня отличный вкус на выпивку, проходи, можешь попробовать.

— Я в тупике,— серьезно сказал Рурк.— Вчера ты велел мне сначала зайти к тебе, узнать, есть ли новости от Гифорда. Ну, вот я и пришел.

Шейн осторожно наполнил свой стаканчик.

— Ответ будет такой — новостей нет.— Он осоловело уставился на Рурка.— Гифорд больше не звонил. Ситуация остается без изменений. Лучше выпей, Тим.

— Попозже,— сказал Рурк, усаживаясь и бросая на друга веселый взгляд.— Уже были случаи, когда ситуация оставалась без изменений, а потом оказывалось, что тебе уже все ясно. Может быть, ты что-то надумал и на этот раз?

Майкл Шейн сделал неопределенный жест.

— Мы на грани полного прояснения, Тимоти.— Он отпил коньяку.

Зазвонил телефон. Майкл снял трубку и услышал голос Люси:

— На проводе мистер Гифорд из Нью-Йорка.

— Хелло,— вступил в разговор Гифорд,— я подумал, что лучше скорее позвонить тебе. Я неплохо поработал, Майкл.

— Ну и что удалось тебе раскопать?

— Прежде всего я поговорил с соседкой Рут Коллинз. Мне показалось, что она не так уж удивилась, когда узнала, что Рут нет в отеле. Я думаю, она знает, что ее соседка вдруг переменяла свои планы, только ей неизвестно, что именно та решила. Относительно романа Рут и Гарриса ничего определенного сказать не могла, но у меня такое впечатление, что она о нем догадывается. Во всяком случае, если хочешь знать мое мнение, то я бы сказал, что Рут Коллинз и Гаррис решили вместе провести те две недели, которые миссис Гаррис должна была находиться во Флориде.

— Олл-райт,— голос у Шейна был совершенно трезвый.— Я уже понял это. Ты побывал у него в конторе, Джим?

— Да. И там поговаривают о романе между Коллинз и Гаррисом. Правда, ничего конкретного никто не знает, но все в этом уверены. И, что более важно, все говорят о том, что финансовое положение Гарриса не блестящее. То есть пока что оно не отчаянное, но по счетам он платит с задержкой в несколько недель. Судя по книгам, его ежемесячный доход составляет две тысячи

долларов, но тратит он всегда больше этой суммы. Ничего серьезного, но... на мой взгляд, сотня тысяч по страховке за жену пришлось бы ему сейчас весьма кстати.

— И несмотря на все это,— взорвался Шейн,— ты продолжаешь утверждать, что он никак не мог прикончить ее во Флориде в прошлый понедельник.

— Когда я собрал эти сведения, Майкл, то и сам решил проверить все еще раз. У него просто не было такой возможности. Он все время был здесь, в Нью-Йорке,— ответил Гиффорд.— Можешь поверить мне без колебаний, что Гаррис не был в Майами ни в понедельник, ни во вторник и, следовательно, не мог убить свою жену.

— Ладно, Джим,— сказал Шейн.— Пришли мне подробный отчет и счет вместе с ним, а сейчас закругляемся.

Он хотел уже повесить трубку, но Гиффорд сказал вдруг:

— Тут есть еще одна штука. Понимаешь, это все так неопределенно, что я даже не стал упоминать об этом в отчете, но на словах все-таки хочу тебе кое-что сказать. У меня появилось такое впечатление, что эта самая секретарша, Рут, каким-то образом держит его в руках, он в чем-то зависит от нее. Это говорят те, кто близко знает его жену. Они никак не могут понять, как это можно, имея такую красавицу жену, заглядываться на других женщин, и считают поэтому, что Рут Коллинз располагает чем-то, что заставляет босса не порывать с ней... хотя никто решительно не знает, в чем тут именно дело. Ну, вот теперь я вешаю трубку.

Так он и сделал.

Шейн швырнул трубку на рычаг и весело осушил свой стакан.

— Что же, мы приближаемся к развязке,— сказал он.— Хлебни глоточек этой штуки, приятель, и давай вместе пораскинем мозгами.

— С удовольствием, если тебе есть что добавить к тому, что я уже записал.

— Пока ничего, Тим. Интрига завязывается в Нью-Йорке и становится все запутаннее. Люси! — повелительно крикнул он в приоткрытую дверь.

Она появилась на пороге и молча покачала головой в шутливом отчаянии, увидев, как Тим Рурк наполняет бумажный стаканчик.

— Входи и присоединяйся к нам,— велел Шейн.— Мы расследуем дело об убийстве, и мне необходимо знать женскую точку зрения на этот вопрос. И чтобы она не была слишком трезвой.

Он назидательно поднял вверх указательный палец.

— В делах об убийстве трезвость никогда не способствует успеху. Необходимо вдохновение. И если уж имеется большая доза отличного напитка, то просто необходимо воспользоваться этим.

— Ты уж и так полон до краев,— с улыбкой заметила Люси, но взяла себе бумажный стаканчик и держала его, пока он наливал.

Шейн не обратил внимания на ее замечание и сказал:

— Ну вот. Теперь давайте разберемся в фактах. Вернемся к мистеру Гаррису из Нью-Йорка. Он является партнером в небольшой маклерской конторе, выколачивает две тысячи в месяц и целиком тратит их. Он женат на роскошной блондинке, жизнь которой застрахована на сто тысяч долларов, но основательно развлекается на стороне со своей секретаршей, тоже блондинкой, хотя, возможно, и не такой роскошной. Олл-райт. Он настаивает на том, чтобы его супруга поехала на две недели во Флориду, причем как раз в то время, когда у секретарши отпуск.— Шейн снова наполнил свой стаканчик.— И тут собрание должно учесть странное поведение миссис Гаррис с той минуты, как она прибывает в Майами. Поселившись в отеле, она сразу же начинает рассказывать каждому встречному мужчине, что она в городе совершенно одна... Давайте сосчитаем...— Он начал загибать пальцы:— Администратор, рассыльный, бармен, Джин Блэйк, Бенджамин — это последнее имя не для записи, Тим. Пятеро, и это всего за один вечер, первый же вечер в городе. Что же получается, Люси?

Он вынул из кармана фотографию Эллен Гаррис и положил на стол.

— Посмотри на нее,— предложил он. — А Гарриса ты видела и разговаривала с ним здесь в субботу утром. Вот тут-то нам и потребуется вдохновение. Давайте выпьем.

Они с Тимом выпили, Люси задумчиво рассматривала фотографию.

— Не забудь при этом, Люси,— сказал вдруг Шейн совершенно трезвым голосом, — что все факты, обнаруженные Гиффордом в Нью-Йорке, полностью подтверждают ту характеристику, которую дал Эллен Гаррис ее муж, — любящая и верная жена. Еще до замужества у нее была

репутация недоступной особы. Вот это-то и тревожит меня с самого начала. Как может женщина за столь короткий срок измениться так неузнаваемо? Она не может, — твердо закончил Шейн. — Такого даже в книгах не бывает. Итак, каков же ответ? Я могу предложить вам на выбор два варианта. Либо сюда, в Майами, в понедельник прилетела не миссис Гаррис, либо она старалась всячески привлечь к себе внимание с какой-то определенной целью, которая пока нам неизвестна.

Он спокойно отхлебнул коньяк и лучезарно улыбнулся, когда Рурк стал было возражать.

— Но ведь мы знаем, что это была миссис Гаррис, Майкл. Несколько человек опознали ее на этой фотографии. И отпечатки пальцев тоже оказались ее.

Шейн согласно кивнул.

— Все мы знаем, что отпечатки пальцев не лгут, а нью-йоркская полиция непогрешима. Что ж, в таком случае нам придется согласиться, что убитая женщина — миссис Гаррис. Мы позже вернемся к этому. Но все-таки зачем она так усиленно старалась привлечь к себе внимание мужчин? Зачем ей это было нужно?

Ему никто не ответил. Он сделал еще глоток и объявил:

— В этом суть всей проблемы. Что ж, попробуем разгрызть этот орешек, Тим. Ну, давай свои соображения. Смелее, старина! Мы с тобой разгадывали загадки и посложнее.

Он наклонился вперед и плеснул коньяк в стаканчик Рурка.

— И ты тоже, мой ангел!

Люси прикрыла свой стакан рукой и решительно покачала головой. Она задумалась над вопросом Шейна.

— Миссис Гаррис могла намеренно создавать такое впечатление о себе, — сказала она, — если собиралась несколько дней отсутствовать, чтобы администрация не стала о ней слишком беспокоиться раньше времени. Боюсь, я недостаточно ясно выразилась. Но она понимала, что, если ее номер будет несколько дней пустовать, администрация станет выяснять, в чем дело. Если же и портье, и бармен, и рассыльный в один голос расскажут, как она себя с ними вела, то администрация решит, что она из тех женщин, которые приезжают в Майами поразвлечься, а значит, не станет поднимать лишнего шума, чтобы избежать неприятностей.

— Что и произошло! — радостно подтвердил Шейн. — Боб Мерилл получил о ней именно такие сведения, и поэтому, поскольку ее номер оплачивается по кредитной карточке, вещи были в целости и сохранности, он и не стал беспокоиться о ней.

Таким образом, у нас имеется логическое объяснение ее поступкам. Но это тут же приводит нас к новой загадке. Почему она собиралась провести несколько дней не в отеле, а где-то в другом месте? Если пренебречь той очевидной причиной, которая, как мы выяснили с помощью Джима Гиффорда, не соответствует ее характеру, то какая же у нее могла быть другая причина?

Снова никто ему не ответил. Шейн глубоко вздохнул и отпил коньяк.

— В этом пункте нам не следует пренебрегать одним странным совпадением. Вернее, кажущимся совпадением. Я не верю в совпадения. Особенно в делах об убийствах. Я имею в виду тот факт, что именно в понедельник Рут Коллинз исчезла из Нью-Йорка. Она сказала своей соседке, что собирается провести две недели в Катсхилле, но, как видно, не сделала этого. Почему она отменила свой заказ на номер еще в прошлую пятницу и не появлялась в Катсхилле? Насколько нам известно, с тех пор никто ее больше не видел. Куда она отправилась? Где она сейчас?

Тимоти Рурк взволнованно выпрямился на своем табурете.

— Ты разве не говорил мне, что Гиффорд упоминал о значительном сходстве между Рут и миссис Гаррис? Обе блондинки, обе красивы и хорошо сложены?

Шейн кивнул, усмехаясь.

— Я не сомневался, что ты вспомнишь об этом!

— Господи, это просто немыслимо! — запротестовал Рурк. — Слишком уж многие решительно опознали эту фотографию. Если уж между женщинами было такое сходство, Гиффорд непременно сказал бы тебе об этом.

Шейн кивнул.

— Да я вовсе не считаю, что они были похожи как близнецы. Я просто не понимаю, куда делась Рут Коллинз?

Люси Гамильтон, поколебавшись немного, пробормотала:

— Если бы все эти люди могли ошибиться относительно фотографии... но, конечно это не так... Она решительно покачала головой.

— Мы ведь знаем, что мертвая женщина — миссис Гаррис.

— Мы все время возвращаемся к этому,— согласился Шейн,— и это приводит нас к еще одному вопросу. Зачем ей так страшно разбили лицо уже после того как застрелили? В наши дни всем отлично известно, что такое отпечатки пальцев. Если действительно требуется, чтобы труп остался неопознанным, то нужно либо отрезать, либо сжечь пальцы.

— Глупый убийца мог бы до этого не додуматься,— предположил Рурк.— Он мог бы посчитать, что, если полиция не располагает зарегистрированными отпечатками, то бояться нечего... Он мог бы не догадаться, что полиция снимет отпечатки в квартире Гаррисов.

— Очень жаль, Тим, но только я не считаю Герберта Гарриса глупым. Я начинаю думать, что ему почти что удалось совершить идеальное убийство. Его жена мертва. Он должен получить сто тысяч долларов по страховому полису. Он не слишком состоятелен, к тому же его держит в руках другая женщина. Слишком уж много совпадений, на мой взгляд. Да, я думаю, что Герберт Гаррис — тот, кого мы ищем. И, кажется, начинает брезжить свет.

— Что ты хочешь сказать? — одновременно спросили Рурк и Люси.

— Мне кажется, я начинаю понимать, как именно он все это сделал.

Шейн допил свой коньяк и помолчал, собираясь с мыслями. Потом заговорил очень медленно, взвешивая каждое слово.

— Допустим, что миссис Гаррис вообще не села в тот самолет, который вылетал в понедельник днем из Нью-Йорка. Допустим, что, когда этот самолет унес на борту в Майами Рут Коллинз, Эллен Гаррис уже лежала мертвая в своей квартире. А секретарша имела при себе ее билет, весь багаж и сумочку с кредитной карточкой, и даже на руке у нее было обручальное кольцо с бриллиантами.

Когда же Гаррис, проводив в аэропорт Рут Коллинз, вернулся домой, у него было вполне достаточно времени, чтобы засунуть труп в багажник своего автомобиля до того, как наступило трупное окоченение.

Рут создает ему отличное алиби. Она собирается исчезнуть на Майами как раз в понедельник вечером, а он принимает все меры к тому, чтобы именно в нужное время появиться в тех местах, где его увидит достаточно много людей, так что совершенно ясно, что он не может находиться в Майами ни в одну из этих двух предполагаемых роковых ночей... Он ведь партнер в маклерской конторе, поэтому ему совсем нетрудно устроить себе поездку в Чарльстон. И вполне естественно, что ему захотелось оттуда отправиться на своей машине в Майами, чтобы провести уик-энд с женой.

— Погоди, Тим,— предупреждая поднял руку Шейн, увидев, что репортер собирается прервать его,— я знаю, что ты хочешь сказать, но дай мне все обдумать, как мне это представляется. Рут Коллинз исчезла из Майами, причем таким образом, что две вещи сразу же кажутся совершенно очевидными. Первая никто не стал ее искать, пока Гаррис не поднял тревогу в субботу утром. Вторая заключается в том, что, когда полиция нашла изуродованный труп в автомобиле, то не особенно удивилась. Самое надежное место, для того чтобы укрыть машину,— безусловно, стоянка при отеле. Таким образом, получается, что в субботу утром Гаррис приезжает из Чарльстона, встречается со своей секретаршей в каком-то заранее условленном месте — она приезжает на арендованной машине, — погружает труп своей жены в машину секретарши, после чего последняя отгоняет машину на стоянку при отеле и возвращается туда, где она скрывалась все это время, начиная с понедельника. Значит, теперь мы знаем, с какой целью так страшно изуродовано лицо убитой. Только для того, чтобы те, кто видел раньше Рут Коллинз в роли миссис Гаррис, не имели возможности заявить, что они не знают этой женщины. Гаррис чертовски хорошо знал, что отпечатки пальцев подтвердят личность его жены. Ему было это, кстати, совершенно необходимо, чтобы получить страховку. Ну, как вам нравится такая догадка? — Шейн лучезарно улыбнулся обоим и наполнил снова свой стаканчик, пролив на стол немного коньяку.

— Ты чертовски сообразителен,— кисло произнес Рурк.

— Все сходится,— настойчиво сказал Шейн.— Вспомните, ведь под трупом в багажнике не было крови. И еще припомните, что все те, кто видел в отеле миссис Гаррис, в сущности, смотрели

на нее только мельком да и то несколько дней назад. А Гиффорд утверждает, что Рут Коллинз и Эллен Гаррис достаточно похожи друг на друга, особенно фигурой и цветом волос.

— Ну, а фотография? — настаивал Рурк, сердито направив на Шейна указательный палец. — Ты ведь сказал, что не станешь делать ставку на то, что иногда встречаются люди, похожие друг на друга как близнецы.

— Он прав, Майкл, — серьезно добавила Люси. — Минуту назад я думала, что ты и в самом деле уже нашел разгадку. Да к тому же еще это красное платье. Ведь оно то же самое, в котором Рут Коллинз, если это она, была в «Бич-Хэвен».

— Но как можно серьезно говорить о каком-то платье? — взорвался Шейн. — В сущности это еще один факт в пользу моей теории. Планируя задуманное, Гаррису только и нужно было, что заказать точную копию красного платья в том магазине, где его купила жена, и держать его наготове, чтобы потом надеть на труп.

Черт побери, Тим! Ты ведь помнишь, в акте медэкспертизы указано, что пуля не повредила платья, и на нем нет никаких следов. Ты тогда высказал предположение, что из-за очень низкого выреза платье легко можно было отодвинуть в сторону, а потом уж выстрелить. Конечно, так могло быть. Но гораздо более вероятно, что, когда в нее стреляли, она была одета совсем иначе, а красное платье надели на нее уже потом.

— И все-таки остается неоспоримым тот факт, что ее опознали по фотографии.

— Это вовсе не так уж неоспоримо, Тим! — Шейн стукнул кулаком по столу. — Меня только сейчас осенило. Ну, конечно! Гаррис ведь передал мне два моментальных снимка своей жены, которые случайно оказались в его бумажнике. Но ведь на самом деле мы об этих снимках знаем только то, что нам сказал Гаррис: это, мол, фотографии его жены. А если на фотографиях Рут Коллинз? Господи, теперь все получается очень логично! — Шейн наполнил до краев своей стакан и осушил его двумя глотками.

— Минуточку, — на лице Рурка выражение упорного недоверия постоянно сменялось удивлением. — О боже, Майкл! Очень может быть, что именно так все и было!

Люси тоже кивнула и протянула Майклу свой стаканчик.

— Налей-ка мне еще, и тогда, мне кажется, я окончательно соображу, что ты имеешь в виду!

Шейн выполнил просьбу. Тимоти Рурк медленно поднялся на ноги, лицо его пылало от возбуждения.

— Гаррис сегодня уезжает в Нью-Йорк. Он сказал, что поедет без остановок, разве только поспит где-нибудь по дороге пару часов. Жену его сегодня утром кремировали. Если мы сейчас позвоним Пэйнтеру, то будет еще не поздно взять его.

— На каком основании?

— Ну, ну! Ты ведь только что нам все объяснил!

— Только теоретически, Тимоти. Как ты думаешь, что Питер Пэйнтер скажет, выслушав одну из пьяных теорий Майкла Шейна? Ну нет, пусть Гаррис уезжает. Он ведь от нас никуда не денется. Сейчас он весьма доволен и счастлив. Все прошло так, как он планировал. Его жену кремировали, а страховая компания должна выплатить ему сто тысяч долларов. Сейчас нам необходима фотография Эллен Гаррис, причем такая, в подлинности которой мы уверены. Милочка, свяжись с Джимом Гиффордом.

Люси подошла к своему столу и вызвала Нью-Йорк. Рурк посмотрел на часы и стал взволнованно мерить кабинет шагами.

— Уже слишком поздно. В сегодняшней номер это не попадет.

— Прибереги для завтрашнего выпуска. К тому времени у тебя будет уже вся история целиком, да к тому же еще настоящая фотография Эллен Гаррис.

Зазвонил телефон на столе у Шейна, и он поднял трубку.

— Джим? Еще один последний штришок, и мы, пожалуй, сможем захлопнуть ловушку за Гербертом Гаррисом.

— Но я ведь сказал тебе, Майкл...

— Забудь о том, что ты мне сказал... Сделай вот что. Достань мне последнее фото Эллен Гаррис и в самом срочном порядке выйди его сюда. Она ведь бывшая манекенщица, так что раздобыть фотографию тебе не составит труда.

— Разумеется. Мне показали целую кучу фотографий в агентстве, где она работала.

— Если сможешь, вышли также фотографию Рут Коллинз. Но только самым тщательным образом пометь, кто где изображен. Если даже не сумеешь сразу раздобыть фотографию Коллинз, все равно непременно пришли мне фото миссис Гаррис вечерним самолетом. Завтра утром я должен иметь его на своем столе.

— Будет сделано,— сказал Джим Гиффорд и повесил трубку.

Шейн потянулся к наполовину опустошенной бутылке и сделал глоток прямо из горлышка.

Глава 17

Майкл пришел к себе в бюро на следующий день ровно в девять, как раз в тот момент, когда Люси отпирала входную дверь. Взгляд у него был ясный и веселый, и она шутливо сказала:

— Как видно, тебя не мучает похмелье!

Шейн, казалось, был шокирован этим вопросом.

— После «Кордон Блю»? Это было бы просто святотатством. Кстати, когда пойдешь по магазинам, не забудь купить хрустальные бокалы. Когда ты собираешься это сделать?

— Может быть, прямо сегодня, попозже.

Люси хотела пройти впереди него в бюро, но он схватил ее за руку и круто повернул лицом к себе.

— Сходи купи сейчас же, я уверен, что через несколько минут придет Тим, к тому же с минуты на минуту мы должны получить срочную почту. Нам нужно будет все это должным образом отметить, а бумажные стаканчики никак не подходят для такого торжественного случая. Купи что-нибудь изысканное.

И Шейн сделал рукой неопределенный жест, обрисовав форму бокалов.

— Насколько я понимаю, это должен быть настоящий хрусталь? — рассмеялась она.

— Разумеется. Купи полдюжины, моя душечка, чтобы был запас на случай, если один-два разобьются.

Он осторожно, но решительно вытолкнул ее из бюро и прошел к себе в кабинет, на пороге бросив благодарный взгляд на коробку с коньяком.

Когда Люси вернулась с большим пакетом в руках, она застала в кабинете Шейна Тимоти Рурка, на столе стояла бутылка коньяка, но бумажных стаканчиков не было видно. Коробка с бутылками была заботливо убрана в стенной шкаф.

Шейн сказал с укором:

— Мы ждем тебя, Люси. Как ты долго ходила! Фотографии еще не получены?

Он бросил взгляд на часы.

— Теперь уже их должны доставить с минуты на минуту. Если, конечно, Джим отправил их самолетом, как я просил.

Шейн помог распаковать пакет и извлечь из него шесть бокалов из тонкого хрустала, которые Люси тут же вымыла под краном, прежде чем позволила налить в них коньяк. Тщательно протерев салфеткой пару стаканов, так что они засверкали, детектив поставил их рядом с бутылкой.

И почти в ту же минуту из приемной послышался чей-то голос:

— Срочная почта.

— Минута в минуту, — широко улыбнулся Шейн и протянул руку к бутылке. — Тащи ее сюда, милочка.

Она торопливо вышла из кабинета и тут же вернулась, неся большой конверт из плотной бумаги с пометкой: «Фотографии». Разорвав конверт, Люси вынула из него два листа тонкого картона, между которыми помещались две глянцевые фотографии небольшого формата.

Это были два снимка одной и той же молодой женщины в двух разных позах. Очень красивой женщины и совершенно определенно именно той, чью фотографию раньше показывал им Герберт Гаррис.

Пораженная троица молча уставилась на фотографии. Шейн выдвинул средний ящик своего стола, извлек оттуда два моментальных снимка Эллен Гаррис и положил их рядом с только что полученными.

Не могло быть и тени сомнения в том, что на всех этих фотографиях изображена одна и та же женщина.

Шейн громко фыркнул и высоко поднял над столом бокал с коньяком.

— Пью за более удачные теории, — он выпил, не отрываясь, одним духом.

— Так нельзя пить из таких бокалов, — запротестовала Люси.

— Сейчас мне некогда думать о подобной ерунде,— мрачно возразил Шейн.— Мне необходимо вдохновение.

— Ничего не понимаю, Майкл,— неуверенно сказала Люси,— вчера ты так ясно и логично все объяснил.

Она наморщила лоб, бросила снова взгляд на фотографии и тяжело вздохнула.

— Если бы одно из этих фото изображало секретаршу...

Она быстро перевернула фотографии. С обратной стороны на обеих рукой Джима Гиффорда было написано: «Эллен Гаррис за месяц до брака с Гербертом Гаррисом. Говорят, что сходство исключительное».

— Не повезло,— пробормотал Шейн.

Люси заглянула в конверт и сказала:

— Тут еще записка.

Она извлекла маленький клочок бумаги и прочитала вслух: «Майкл, я вкладываю в конверт карточки Эллен Гаррис, снятые как раз перед ее замужеством. Фотографию исчезнувшей Рут Коллинз пока не нашел, но буду искать еще, если ты велишь». Подписано: «Джим»,— закончила Люси и бросила листок на стол.

Шейн скорчил гримасу и уселся на вращающийся табурет. Задумчиво поворачивая в пальцах пустой бокал, он медленно проговорил:

— Я всегда ненавидел теории. Но эта так чертовски хорошо все объяснила. Могло ли быть другое объяснение? — спросил он сам себя.

— Почему Рут Коллинз исчезла из Нью-Йорка в прошлый понедельник, если не для того, чтобы прибыть сюда и здесь выдавать себя за миссис Гаррис? Где же она находится все это время, черт возьми? Если же в «Бич-Хэвен» прибыла сама Эллен Гаррис, а похоже на то, что мы больше не должны в этом сомневаться, то почему она вела себя таким образом, словно специально нарывалась на то, чтобы ее убили? Только не говорите мне, — простонал он, — что она так безумно любила своего мужа, что нарочно дала себя убить для того, чтобы он мог получить страховку и наслаждаться жизнью в обществе своей секретарши! Я все равно не соглашусь с этим! Боюсь, что на сегодня никаких лучших идей я предложить не могу, — убито.

— Убито,— пробормотал Рурк.— Может быть, идея есть у Пэйнтера? Ты с ним сегодня разговаривал?

— Как раз перед тем как прийти сюда. Впервые в жизни Пит намекнул на то, что расследование, похоже, зашло в тупик. Он склонен думать, что это дело рук какого-нибудь садиста-маньяка.

Шейн допил свой коньяк и осторожно поставил на стол тонкий бокал. Потом закрыл лицо ладонями и сказал, обращаясь к Рурку и Люси:

— Выйдите-ка оба отсюда. Мне нужно все спокойно обдумать.

Они переглянулись, и Рурк сокрушенно покачал головой, направляясь к двери, ведущей в приемную. Шейн долго сидел совершенно неподвижно, склонив голову и закрыв глаза. Когда он встал из-за стола, на губах его играла слабая улыбка удовлетворения. Он прошел в приемную, где тихо разговаривали Рурк и Люси. Они оба выжидательно уставились на него.

— Позвони в аэропорт, Люси,— сказал Шейн.— Закажи мне билет на первый же рейс в Нью-Йорк.

Она живо кивнула и начала набирать номер.

Рурк спросил:

— Еще одно озарение, Майкл? Ты нашел другую разгадку тайны?

Шейн ответил:

— Это и в самом деле озарение.

— Что же именно?

Шейн покачал головой.

— Нет. Вчера я уже и так показал себя большим идиотом, сделав поспешные выводы без всяких доказательств.— Он глубоко вздохнул.— Подумать только, в каком положении я был бы сегодня, если бы вчера предложил Пэйнтеру задержать Гарриса.

— Но ведь ты этого не сделал?

— Но я же разработал все теоретически для тебя и Люси,— проворчал Шейн.— Сидел вот здесь, глушил коньяк и разыгрывал из себя Шерлока Холмса с его дедуктивным методом. На этот раз я предпочитаю пока помалкивать.

— Этим рейсом ты сможешь добраться до Нью-Йорка к четырем сорока,— сказала Люси, закончив переговоры.

— Ладно,— кивнул Шейн,— соедини меня теперь с Гифордом.

Он вернулся к себе в кабинет, тщательно закупорил бутылку с коньяком и поставил в шкафчик позади стола. Обернувшись к Рурку, который с порога наблюдал за ним, он сказал с улыбкой:

— Великолепная штука... «Кордон Блю». Вызывает приступы мании величия и видения наяву. Пока я не распутаю этот узел, обещаю, что не притронусь к нему.

— И это будет сделано в Нью-Йорке сегодня вечером?

— На это я надеюсь в Нью-Йорке сегодня вечером,— поправил его Шейн.

Загудел зуммер телефона.

Шейн поднял трубку.

— Джим? Ты прислал мне великолепные фотографии, но только они сыграли со мной дурную штуку! Ты не мог ничего перепутать, а?

Он выслушал ответ и мрачно сказал:

— Что ж, ладно, Майкл Шейн снова в седле. Есть у тебя какой-нибудь надежный человек в нью-йоркском полицейском управлении?

— Кое-кто из тамошних ребят согласится уделить мне несколько часов... если я им, конечно, заплачу,— осторожно сказал Гифорд.

Шейн ухмыльнулся.

— Естественно, Джим. Слушай, я прилетаю в аэропорт «Интернейшнл» сегодня в четыре сорок. Люси сообщит тебе название компании и номер рейса. Я хочу, чтобы ты меня встретил. Только прихвати с собой дубликат отпечатков пальцев Эллен Гаррис, которые полиция Майами-Бич прислала для опознания. Кроме того, привези с собой дактилоскописта, лучше всего, если это будет тот самый, который проводил идентификацию отпечатков на квартире у Гарриса.

— Может быть, ты хочешь, чтобы со мной приехал сразу и комиссар полиции? — саркастически спросил Гифорд.

— Можешь и его захватить,— весело сказал Шейн.— Если, конечно, он не будет возражать. Увидимся в четыре сорок, Джим. Люси, скажи ему номер рейса.

Он повесил трубку.

— Может быть, ты хотя бы намекнешь мне, в чем дело? — спросил Рурк.— У тебя такой вид, словно ты поймал кота за хвост.

— Вот потому-то я тебе ровным счетом ничего не скажу,— твердо ответил Шейн.— Вчера у меня тоже было такое чувство, и сам видишь, что из этого вышло.

Глава 18

Джим Гиффорд, встретивший Майкла Шейна в аэропорту «Интернейшнл» сердечным рукопожатием, был высоким улыбчивым мужчиной с умным лицом и быстрыми движениями. Они знали друг друга много лет, с тех самых пор, как вместе служили в «Интерполе», и испытывали друг к другу взаимное уважение и глубокую симпатию.

Гиффорд привел с собой невысокого полноватого мужчину со смуглым лицом, пышными черными усами и приятной улыбкой. Гиффорд представил его Шейну как Анджело Ферми, детектива полицейского управления Нью-Йорка.

Пока они втроем шли к стоянке, где оставили свою машину, Гиффорд объяснил Шейну:

— Единственная приманка, на которую Анджело клюнул, когда я стал уговаривать его отправиться со мной сегодня, это мое обещание, что ты расскажешь ему, каким образом попасть на телевидение и организовать «Ферми-шоу».

— Вам это совсем не понравится,— усмехнулся Шейн, обращаясь к нью-йоркскому детективу,— если бы вы хоть раз посмотрели мою передачу, то поняли бы, почему я их терпеть не могу.

— Мне понравились бы деньги, которые они приносят,— убежденно сказал Ферми.— У меня есть идея показать на экране целый ряд дел, где именно отпечатки пальцев сыграли решающую роль в установлении личности убийцы. Я собираю такие материалы более двадцати лет, но только никак не могу найти ходы-выходы на телевидение.

Его влажный взгляд просяще остановился на лице Шейна.

Шейн ответил очень серьезно:

— Вот что я скажу вам, Ферми. Если сегодня все обернется именно так, как я предполагаю, то Бретт Холлидей непременно появится здесь, чтобы вытянуть из вас все подробности. А уж он-то знает, как обдeldываются дела на телевидении.

Гиффорд остановился около простого черного «седана» и открыл дверцу. Шейн пропустил вперед Ферми, потом сел сам.

— У вас с собой отпечатки Эллен Гаррис? — спросил он у Ферми, когда «седан» тронулся с места.

— Да. Мой чемоданчик в багажнике,— ответил Ферми, в глазах его засветилось любопытство.— Джим в точности не объяснил мне, что именно от меня требуется.

Шейн обратился к сидевшему за рулем Гиффорду:

— Джим, сначала я хотел бы съездить на квартиру к Рут Коллинз. Ее соседка по квартире сейчас дома?

— Думаю, да.— Гиффорд бросил взгляд на часы.— Я заставал ее дома именно в это время, между пятью и семью вечера.

— Это вам было поручено сличить отпечатки пальцев убитой женщины с отпечатками в квартире Гаррисов? — спросил Шейн у Ферми.

— Да. Это было несложно. А разве у вас имеются какие-нибудь сомнения в правильности результатов дактилоскопии, мистер Шейн?

— Да нет, я уверен, что вы хорошо знаете свое дело. Но тут есть какая-то загадка, в которой я никак не могу разобраться. Скажем пока так: я хотел бы, чтобы вы выполнили кое-какую работу в квартире Рут Коллинз, вернее, сделали бы в точности то же самое, что раньше было сделано в квартире Гаррисов.

В это время дня всего удобнее ехать в Вест-Сайд через мост Триборо, что Гиффорд и сделал. Когда они подъехали к четырехэтажному коричневому кирпичному дому на 76-й Западной улице, было семь часов.

Они вышли из машины. Ферми прихватил свой черный кожаный чемоданчик, который очень походил на докторский саквояж, и втроем они поднялись по ступенькам в небольшой вестибюль, по обе стороны которого висели на стенах почтовые ящики. Гиффорд быстро осмотрел ящики, на одном из них под номером 1С была припиленна карточка: «Коллинз — Краншоу».

Гиффорд нажал кнопку под ящиком, и почти сразу же послышался щелчок автоматического запора двери. Шейн нажал на ручку, и они вошли в тускло освещенный коридор, куда выходили двери квартир. Одна из дверей слева приоткрылась, и в коридор выглянула яркая брюнетка. Шейн обратился к ней.

— Мисс Краншоу?

— Да, это я... Китти Краншоу...

Она с любопытством перевела взгляд с него на Гиффорда и Ферми, потом наполовину прикрыла дверь и спросила:

— В чем дело?

— Полиция, мисс Краншоу, — сказал любезно Шейн. — По поводу вашей соседки по квартире, которая, по-видимому, исчезла. Можно нам войти и задать вам несколько вопросов?

— Вы взяли Рут?

Она открыла дверь и отошла в сторону, пропуская мужчин в большую комнату с высоким потолком, в которой царил художественный беспорядок.

— Вообще-то нет, мисс Краншоу, — ответил Шейн. — Сейчас пока речь идет об идентификации, — объяснил он. — Это детектив Ферми, который хотел бы снять кое-какие отпечатки пальцев, и инспектор Гиффорд.

— Чьи же отпечатки пальцев? — спросила она подозрительно, входя вслед за ним в гостиную.

— Сперва ваши, мисс Краншоу, если позволите, — быстро сказал Ферми, пересекая комнату, чтобы поставить на стол свой чемоданчик. — Только для того, чтобы можно было потом отличить их от отпечатков пальцев вашей приятельницы.

Он вынул необходимые принадлежности из чемоданчика и разложил их на столе.

— Это всего одна минута. Вам нужно только подойти сюда и приложить пальцы вот к этой подушечке.

Мисс Краншоу отступила назад, нервно сцепив за спиной руки.

— Разве это не нарушение неприкосновенности личности? Мне кажется, я читала, что никого нельзя вынудить дать свои отпечатки пальцев, если только его не подозревают в серьезном преступлении. Но ведь вы меня ни в чем не обвиняете, не правда ли?

— Но это совсем не то, что вы думаете, мисс Краншоу, — обезоруживающе улыбнулся Ферми. — Нам необходимы отпечатки ваших пальцев, просто чтобы отличить от них все другие, которые мы найдем здесь, вы ведь понимаете, в чем тут дело?

Она с сомнением улыбнулась и сказала:

— Что ж, пожалуй, так.

Девушка неуверенно подошла к столу и позволила детективу снять свои отпечатки. Он поблагодарил ее и спросил:

— У вас отдельные спальни?

— Да. Спальня Рут вон там. — Она указала на закрытую дверь. — Справа. Мне кажется... я туда не заходила после ее отъезда.

Ферми поблагодарил ее и исчез за дверью вместе со своим чемоданчиком. Китти повернулась к Гиффорду и Шейну и спросила:

— Вы что-нибудь узнали насчет Рут? Она же поехала в Катсхилл?

— По-видимому, нет, мисс Краншоу. — Гиффорд поколебался было, но затем продолжил: — Детектив Шейн прибыл из Майами... Есть основания предполагать... в общем, она вам не говорила, что собирается поехать вместо Катсхилла во Флориду? Или, может быть, вы сами заметили, что она укладывала вещи, больше подходящие для отпуска на юге, чем в горах?

— Нет, — тотчас же ответила соседка Рут Коллинз. — Как раз наоборот. Как вы думаете, что могло бы с ней случиться?

Прежде чем Гиффорд успел ответить, Ферми, мягко ступая, вышел из спальни. Чемоданчик его был закрыт, на лице играла удовлетворенная улыбка.

Он кивнул Гиффорду и Шейну и сказал:

— Что касается меня, я закончил.

— Раздобыли то, что нам нужно? — спросил Шейн.

— Сколько хотите.

Он быстро пошел к двери, а они последовали за ним, оставив озадаченную мисс Краншоу стоять посередине комнаты.

Глава 19

Джим Гиффорд остановил машину перед большим жилым домом в Ист-Сайде и удовлетворенно кивнул, увидев темно-синий «бьюик» модели 1962 года.

— Наш приятель Гаррис дома. Это его машина.

— Откуда это тебе известно? — спросил Шейн, когда они выбрались из автомобиля. — Ты ведь никогда раньше не видел ни машины, ни его самого.

Гиффорд, довольный, улыбнулся.

— Я знаю номер его машины. Черт возьми, я так хорошо его изучил, что мог бы сказать тебе, какого цвета носки он надел на свой последний день рождения.

Швейцара дома не было. Они прошли через вестибюль с паркетным полом, где по стенкам сверкали аккуратные ряды бронзовых почтовых ящиков. Ферми, который бывал здесь раньше, сказал:

— Мне кажется, номер квартиры 7Д.

Бросив взгляд на почтовый ящик, он удовлетворенно кивнул и повел их к автоматическому лифту.

Они поднялись на седьмой этаж.

Через минуту Герберт Гаррис открыл им дверь. Он был в рубашке с короткими рукавами, без галстука, небритое лицо казалось утомленным и постаревшим. В руке он держал бокал для коктейля. Гаррис ошеломленно уставился на Шейна и его спутников.

— Мистер Шейн! Ради всего святого, что вы делаете в Нью-Йорке?

— Вы ведь наняли меня, чтобы я выполнил одну работу, — спокойно ответил ему Шейн, проходя мимо отступившего в сторону Гарриса в большую красивую и очень чисто прибранную гостиную.

У дверей, ведущих в ванную комнату, стоял чемодан, поверх которого лежал пиджак Гарриса.

— Вы уплатили мне крупный гонорар, — добавил Шейн. — И я намерен его отработать. Кстати, со мной два детектива из Нью-Йорка.

Гаррис вежливо кивнул, но видно было, что он еще больше озадачен, чем вначале.

— Я ведь нанял вас, чтобы вы помогли найти мою жену, которая исчезла, — пробормотал он. — Я вполне удовлетворен результатами, которых вы достигли.

Шейн сказал:

— А я нет. Я все еще ищу вашу жену, Гаррис.

— Вы еще... ищете ее?... — Гаррис говорил еле слышно. — Но она... похороны состоялись вчера утром.

Шейн покачал головой.

— Это были похороны не вашей жены. Вчера утром в Майами было кремировано тело Рут Коллинз. Где прячется ваша жена?

— Это просто фантазия! — Гаррис упал в кресло, прижав левую руку к лицу. — Вы что, с ума сошли? Десятки людей в Майами опознали мою жену по фотографии.

Шейн мягко сказал:

— О... В Майами в понедельник вечером действительно была ваша жена. И она изо всех сил старалась привлечь к себе внимание. Но только в багажнике арендованной ею машины было найдено не ее тело, это была Рут Коллинз.

— Но она... это была Эллен! — отчаянно закричал Гаррис. — Полиция в Майами-Бич взяла у нее отпечатки пальцев, и из Нью-Йорка было получено решительное подтверждение.

— Мне все это известно. Детектив Ферми именно тот человек, который снимал в вашей квартире отпечатки пальцев. Расскажите нам, как это было, Анджело.

— Квартира была выскоблена и вычищена, — начал, пожав плечами, Ферми, — но, конечно, всегда остаются какие-то отпечатки, как бы тщательно их ни уничтожали. Я поработал в ванной и в спальне особенно тщательно. Опылил гардероб и нашел множество отчетливых отпечатков примерно недельной давности. Кроме этих женских отпечатков, были мужские, а также отпечатки пальцев еще одной женщины. Я решил, что эта вторая женщина — прислуга.

— Вот вам, пожалуйста,— вмешался Гаррис,— как же вы можете возражать против этого?

— Я вовсе и не возражаю. У меня просто есть другое объяснение. Я уверен, что вы с вашей женой устранили, насколько сумели, все ее отпечатки в квартире, прежде чем она улетела в Майами. В тот же день, в понедельник, вы вернулись с работы домой вместе с вашей секретаршей Рут Коллинз. В тот день она ушла из дома с чемоданом, якобы для того чтобы провести отпуск в Катсхилле. На самом же деле она, довольная и счастливая, появилась в этой квартире, чтобы играть роль хозяйки во время двухнедельного отсутствия миссис Гаррис.

Вы предложили Рут воспользоваться ванной и туалетным столиком вашей жены. Когда вы удостоверились, что отпечатков пальцев более чем достаточно, вы застрелили ее. Вы, должно быть, в самом деле ненавидели ее, если решились на такое! Какую власть она имела над вами? Может быть, знала о каких-то незаконных сделках? Или, возможно, вы запустили руку в кассу и потому вам так нужны были деньги по страховке?

— Нет, нет, нет! — закричал Гаррис, теряя самообладание под градом обвинений Шейна.

Он вскочил на ноги, уронив бокал на ковер.

— Это самое нелепое обвинение, какое только можно себе представить! Вскрытие показало, что труп моей жены был помещен в багажник ее машины через пару часов после ее смерти... не позднее ночи вторника...

Шейн холодно перебил его:

— Вскрытие показало, что ее тело было втиснуто в багажник какого-то автомобиля не позднее чем через пару часов после ее убийства. Но только это был не арендованный автомобиль, это был ваш «бьюик». И сделано это было не в Майами, а здесь, в Нью-Йорке. Сейчас ваша машина уже находится в лаборатории, — добавил он с отвращением в голосе, — и полиция как раз проводит анализы, которые подтвердят, что тело вашей секретарши находилось несколько дней в багажнике «бьюика», прежде чем его перенесли в другой автомобиль ранним утром в субботу.

Мы сейчас были в квартире Рут Коллинз, где Ферми нашел множество отпечатков пальцев, доказывающих, что убитая женщина жила именно там. Ну, так где же скрывается ваша жена? Она будет арестована как соучастница убийства Рут Коллинз. И если существует на свете хоть какая-то справедливость, она отправится на электрический стул вместе с вами.

— Она... о господи... она... — Гаррис рухнул в кресло, закрыл лицо руками и отчаянно зарыдал.

Шейн пожал плечами и сказал Ферми:

— Он к вашим услугам. Питеру Пэйнтеру чертовски не понравится вся эта история, но преступление было совершено на вашей территории. Пошли, Джим, поищем бар, где подают «Кордон Блю».